

Ферганская долина – одна из древнейших историко-этнографических областей Центральной Азии – всегда отличалась этнической мозаичностью и непростой социально-экономической ситуацией. Густая заселенность при недостаточном количестве земли и воды создавала почву для возникновения различных конфликтов, в том числе и этнических. Но многовековое совместное проживание народов этого региона, участие их всех во внутривоспроизводственном обмене, при котором каждый имел свою нишу и был нужен другим, привели к осознанию необходимости мирного сосуществования. В конце XIX – начале XX в., т.е. в период становления капитализма в этом крае, существовало еще немало факторов, которые играли дезинтегрирующую роль и вели к обособлению народов, живущих в долине (узбеков, таджиков, кыргызов, уйгуров, среднеазиатских евреев, татар и др.). В то же время были созданы новые условия для более интенсивного взаимодействия культур и постепенной интернационализации их элементов, а значит, усиления процессов объединительного характера (консолидации, ассимиляции, интеграции). Для историков, этнографов, широкого круга

Стелла Губаева

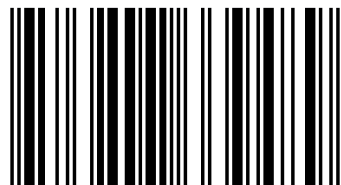
Ферганская долина.

Этнические процессы на рубеже XIX-XX вв.

Стелла Губаева

Губаева Стелла Ситдиковна. Доктор исторических наук, профессор. До 1994 года работала в Ферганском государственном университете. Область научных интересов: этнические процессы, обряды жизненного цикла, ономастика на территории Центральной Азии.

978-3-8473-3948-9

Стелла Губаева

Ферганская долина.

Стелла Губаева

Ферганская долина.

Этнические процессы на рубеже XIX-XX вв.

LAP LAMBERT Academic Publishing

Impressum/Imprint (nur für Deutschland/only for Germany)

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek: Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.d-nb.de> abrufbar.

Alle in diesem Buch genannten Marken und Produktnamen unterliegen warenzeichen-, marken- oder patentrechtlichem Schutz bzw. sind Warenzeichen oder eingetragene Warenzeichen der jeweiligen Inhaber. Die Wiedergabe von Marken, Produktnamen, Gebrauchsnamen, Handelsnamen, Warenbezeichnungen u.s.w. in diesem Werk berechtigt auch ohne besondere Kennzeichnung nicht zu der Annahme, dass solche Namen im Sinne der Warenzeichen- und Markenschutzgesetzgebung als frei zu betrachten wären und daher von jedermann benutzt werden dürften.

Coverbild: www.ingimage.com

Verlag: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG
Heinrich-Böcking-Str. 6-8, 66121 Saarbrücken, Deutschland
Telefon +49 681 3720-310, Telefax +49 681 3720-3109
Email: info@lap-publishing.com

Herstellung in Deutschland:
Schaltungsdienst Lange o.H.G., Berlin
Books on Demand GmbH, Norderstedt
Reha GmbH, Saarbrücken
Amazon Distribution GmbH, Leipzig
ISBN: 978-3-8473-3948-9

Только для России и стран СНГ

Библиографическая информация, изданная Немецкой Национальной Библиотекой. Немецкая Национальная Библиотека включает данную публикацию в Немецкий Книжный Каталог; с подробными библиографическими данными можно ознакомиться в Интернете по адресу <http://dnb.d-nb.de>.

Любые названия марок и брендов, упомянутые в этой книге, принадлежат торговой марке, бренду или запатентованы и являются брендами соответствующих правообладателей. Использование названий брендов, названий товаров, торговых марок, описаний товаров, общих имён, и т.д. даже без точного упоминания в этой работе не является основанием того, что данные названия можно считать незарегистрированными под каким-либо брендом и не защищены законом о брендах и их можно использовать всем без ограничений.

Изображение на обложке предоставлено: www.ingimage.com

Издатель: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG
Heinrich-Böcking-Str. 6-8, 66121 Saarbrücken, Germany
Телефон +49 681 3720-310, Факс +49 681 3720-3109
Email: info@lap-publishing.com

Напечатано в России
ISBN: 978-3-8473-3948-9

АВТОРСКОЕ ПРАВО ©2012 принадлежат автору и LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG и лицензиарам
Все права защищены. Saarbrücken 2012

СОДЕРЖАНИЕ

К истории изучения этнического состава населения Ферганской долины	3
Этническая ситуация в Фергане в конце XIX – начале XX в.	41
Основные этапы политической и этнической истории поздне-феодальной Ферганы	41
Численность и национальный состав населения Ферганской долины. Языковая и конфессиональная характеристики	46
Социально-экономические факторы этнических процессов:	50
а) Природно-хозяйственные зоны и межхозяйственные связи народов Ферганской долины	50
б) Становление капиталистических отношений в Ферганской долине	70
Консолидационные процессы у узбекского населения Ферганской долины	87
К вопросу о формировании узбекского населения Ферганы	87
Сближение различных групп узбекоязычного населения Ферганы в области материальной культуры	108
Сближение различных групп узбекоязычного населения Ферганы в области духовной культуры	125
Этнические процессы у таджиков Ферганской долины	141
К вопросу о формировании таджикского населения Ферганы	141
Консолидационные процессы у таджиков Ферганы	149
Сближение части таджиков с узбеками Ферганы	158
Этнические процессы у кыргызов Ферганской долины	169
К вопросу о формировании кыргызского населения Ферганы	169
Сближение части кыргызов с узбекским и таджикским населением Ферганы	172
Этнические процессы у малочисленных этнических общностей	

Ферганской долины	185
Уйгуры в Ферганской долине	185
Цыгане в Ферганской долине	199
Среднеазиатские евреи в Ферганской долине	207
Русские в Ферганской долине	213
Татары в Ферганской долине	227
Заключение	245
Список сокращений	251

Родителям и учителям моим посвящаю

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ

Ферганская долина – одна из древнейших историко-этнографических областей Средней (Центральной) Азии. Эта миндалевидная котловина расположена в юго-восточной части региона и окаймлена высокими горными хребтами Тянь-Шаньской горной системы на севере и северо-востоке и Памиро-Алайской – на юге. Только на западе долина имеет неширокий выход в остальные районы Средней Азии, который известен в литературе под названием "Ходжентские ворота".

Возможно, эта относительная географическая изолированность (наряду с другими факторами) способствовала тому, что этническая история Ферганы, формирование материальной и духовной культуры ее населения имели определенное своеобразие, хотя в целом были такими же, как и на остальной территории Среднеазиатского междуречья.

В древности через Ферганскую долину проходил один из маршрутов Великого шелкового пути, соединявшего Восток с Западом. Впоследствии по этому маршруту шли караваны из Самарканда, Бухары, Ташкента, Туркестана в Восточный Туркестан. Северными и северо-восточными горными перевалами Фергана была связана с Таласом, Прииссыккулем, Семиречьем, южными – с Матчой, Каратегином, Бадахшаном, Кулябом, Гиссаром и другими горными странами Памиро-Алая.

Выгодное географическое положение Ферганской долины не только определило усиленное экономическое и культурное развитие края, но и обусловило значительный приток сюда разных этнических элементов. Кроме того, в силу географической изолированности Фергана была относительно спокойным краем и иногда оставалась вне политических событий, происходивших в остальных областях Средней Азии. Смуты, войны, голод,

имевшие место на других территориях, а также политические и религиозные преследования, надежда найти заработок гнали сюда людей не только из сопредельных, но и довольно отдаленных от Ферганы районов. В результате Ферганская долина уже к концу XIX – началу XX в. превратилась в один из самых густонаселенных регионов Средней Азии с очень пестрым этническим составом населения.

Первые сведения о Фергане и ее населении относятся, по всей вероятности, ко II в. до н.э. Но данная глава посвящена истории изучения населения края, начиная с конца XVIII в., которую можно условно разделить на четыре периода: I – до присоединения Средней Азии к России (конец XVIII – 60-е годы XIX в.); II – после присоединения Средней Азии к России (60-е годы XIX в. – 1917 г.); III – советский период; IV – постсоветский период.

Накопление первых фрагментарных и чаще всего случайных сведений о Фергане и ее населении началось задолго до присоединения Средней Азии к России. Сообщения русских послов, путешественников, чиновников, купцов, бывших пленников не являются, конечно, специальными исследованиями, но они представляют собой интересный и важный исторический источник.

Одна из первых работ подобного рода "Десятилетнее странствование" Филиппа Ефремова, совершенное им в 70-е годы XVIII в. Сведения о Ферганской долине в записках Ф. Ефремова более, чем краткие. Мы узнаем, что "владением Куканским правил узбек из рода юз Нарбута-бек и что между городом Ош и Кашгарией кочуют в горах киргизы"¹.

Мир Иззет Улла – индийский чиновник, отправившийся в Кокандское ханство в 1812 г. по поручению видного деятеля английской колонии в Индии Уильяма Муркрофта, сообщает о Ферганской долине больше сведений. В частности, о населении мы узнаем: киргизы, кочующие к западу от города Ош, подчинены Коканду; Араван населен переселенцами из Бадахшана; в окрестностях Минг-тепе (близ города Андижан) кочуют тюрки и кипчаки; недалеко от Кувы находятся стоянки калмыков (в настоящее время о пребывании калмыков в Фергане свидетельствует только топонимика; в

частности, в окрестностях Кувы есть несколько селений с названием Калмак – С.Г.) и кыргызов; в Маргилане производится в большом количестве шелк и шерсть для изготовления тканей и т.д.²

Филипп Назаров, переводчик, направленный в Коканд в 1813 г. с совершенно определенной миссией "урегулировать инцидент, возникший в связи с убийством в Петропавловске посланника Кокандского ханства", в своих "Записках о некоторых народах и землях средней части Азии" привел немало географических, политических, исторических и этнографических сведений о Кокандском ханстве, в том числе и о торговле его с кыргызами, Бухарой, Кашгарией, о способе разведения в Кокании шелковичных червей, о горных таджиках, покупающих в Маргилане хлопковую пряжу и несущих ее на себе в корзинах домой, о каракалпаках, ткущих ковры и т.д.³

Хорунжий Потанин, в 1829 г. сопровождавший до Ташкента кокандских послов, бывших в Санкт-Петербурге, по его собственным словам, имел задание делать съемку и описывать, по возможности, те места, в которых он будет бывать. В его "Записках" немало интересных сведений о населении Кокандского ханства, их занятиях. Одним из первых русских путешественников он отметил, что скота кокандцы "имеют немного, потому что большую часть луговых мест употребляют под пашни"⁴.

Сведения о народах Средней Азии в целом и Ферганы, в частности, носили в тот период эмпирический характер. Многие авторы, естественно, не знали языка и истории посещаемого края. Тем не менее, нельзя умалять этого этапа первоначального накопления знаний о Фергане. Он был закономерным, необходимым, и работы того времени продолжают служить для современного исследователя одним из источников.

Работы В.В. Вельяминова-Зернова открывают новый этап в изучении Средней Азии, и Ферганской долины в том числе⁵. Они свидетельствуют о более внимательном и серьезном интересе к среднеазиатским государствам, которые были непосредственными соседями России. Правда, в Кокандском ханстве автор не был. Работы его основаны на расспросных сведениях и

потому, как признает сам автор, они не "заклучают в себе подробного и цельного описания всего ханства". И тем не менее, его работы были достаточно ценны, так как были первыми специальными трудами по истории Кокандского ханства 40 – начала 50-х годов XIX в. В одной из своих работ В.В. Вельяминов-Зернов писал: "Изучение Кокандского ханства – лучшей страны в целой Средней Азии, чрезвычайно важно для русских", так как ханство представляло для России "верный источник для сбыта изделий со своих фабрик, мануфактур и заводов"⁶. Он очень точно указал на одну из главных причин будущего завоевания Средней Азии Россией: в первой половине XIX в. для развивающегося российского капитализма важное значение приобрела проблема рынков сбыта и источников сырья.

"Со времени непосредственного движения русских в нынешний Туркестанский край, отрывочные путевые сведения начинают заменяться более подробными наблюдениями и описаниями", – писал один из исследователей того времени А.И. Макшеев⁷. И, прежде всего, только что завоеванный край начинает изучаться по инициативе царского правительства, которое понимало, что от этого зависит как закрепление за Россией новых территорий, так и успех колониальной политики. Кроме того, потребности экономики стимулировали изучение природных ресурсов края. О том, насколько серьезно относилась к этому вопросу царская администрация Туркестана, свидетельствуют, в частности, слова академика А.Ф. Миддендорфа: "Проникнутый убеждением, что наука должна прокладывать пути для управления этой, совершенно нам чуждой, новой составной частью нашего государства, генерал-губернатор фон Кауфман тотчас же, по вступлении в этот край, предпринял ряд исследований приобретенной земли, которые не только шли вслед за завоеваниями, но, как известно, отчасти даже предшествовали им"⁸.

По инициативе царской администрации создаются статистические комитеты, которые публиковали результаты своих исследований в специальных изданиях: "Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник", "Ежегодник Ферганской области", "Статистический обзор Ферганской

области", "Материалы для статистического описания Ферганской области" и мн. др. О значении этих статистических публикаций в предисловии к первому изданию "Материалов для статистики Туркестанского края", в частности, писалось: "Пока ученые общества Ташкента и отдельные исследователи будут мало-помалу накапливать массу сведений и научных данных, исследуя многообразные проявления природы Туркестана и его жизни, местный Статистический комитет будет также постепенно, шаг за шагом, собирать и группировать статистический материал, без которого неполны и неясны ученые исследования, который служит им крепкой и надежной опорой"⁹.

С призывом публиковать свои статьи по истории, этнографии, естествознанию, экономике и пр. обратился к населению и военный губернатор Ферганской области в созданном специально для этой цели "Ежегоднике Ферганской области": "Ферганская область богата такими особенностями быта населения, экономической жизни его, промышленности, ирригационного дела, природы, что исследование их может доставить огромный интерес для читающей публики, интерес весьма полезный и поучительный для администрации"¹⁰.

Издается газета "Туркестанские ведомости", которой "с самого первого дня существования было поставлено в задачу по мере возможности содействовать изучению края во всех отношениях, и эту задачу они преследовали настойчиво и умело"¹¹. В газете публиковался самый разнообразный материал по географии, естествознанию, медицине, сельскому хозяйству, промышленности, торговле и, конечно, по истории и этнографии.

По инициативе царского правительства организовывались, наконец, и научные экспедиции. В частности, по Фергане были организованы экспедиции ботаника А.П. Федченко, географа и зоолога Н.А. Северцова, геолога И.В. Мушкетова, которые, будучи учеными-энциклопедистами, собрали великолепный материал не только в своей области знаний. Так, А.П. Федченко, чья поездка по Кокандскому ханству (тогда еще не завоеванному) продолжалась более двух месяцев, собрал не только богатейшую

зоологическую и ботаническую коллекцию, не только совершил географические открытия, но оставил интереснейшие записи о народах Ферганской долины, их хозяйственной деятельности, быте и обычаях, контактах с другими народами и т.д.

Среди исследователей Ферганской долины были и люди крайне реакционных взглядов, и просто добросовестные чиновники. Но немало было и представителей прогрессивной интеллигенции, бескорыстно служивших науке, с искренней симпатией относившихся к местному населению. В указанных выше изданиях, а также в "Трудах", "Записках", "Вестниках" Русского географического общества и других российских обществ, в том числе и туркестанских¹², появляются публикации о населении Ферганской долины Н.А. Аристова, А.В. Буняковского, А.Д. Гребенкина, А.З. Валидова, П.Е.Кузнецова, А.Л.Куна, А.А.Кушакевича, Н.С.Лыкошина, А.И.Макшеева, В.П.Наливкина, В.А.Парфентьева, Н.Резника, Н.Ф.Ситняковского, А.П. Хорошхина, А.П.Федченко и др.

А.И.Макшеев в статье "Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае", сведения для которой собирались в 1867 г., сразу же после образования Туркестанского генерал-губернаторства, попытался определить численность оседлого и кочевого населения Туркестанского края и его расселение¹³. Ферганская долина была представлена пока еще только Ходжентским уездом (остальная часть Ферганской долины завоевана в 1876 г.). И хотя цифры, приведенные в статье, по признанию самого автора, приблизительные, это была первая работа подобного типа. Большой интерес представляет подробная генеалогия узбеков племени юз, записанная автором в Заамине. Одна из первых, опубликованных на русском языке, она не потеряла значение до наших дней: по ней сверяют генеалогические таблицы этого племени все современные исследователи, в том числе и исследователи населения Ферганы.

Статьи А.Д.Гребенкина посвящены в основном населению Зеравшанской долины, хотя иногда автор привлекал материал и по другим регионам, в том

числе и по Фергане. Но статьи практически написаны о таджиках, даштикинчакских узбеках и других этносах в целом. Поэтому они очень важны для каждого исследователя, занимающегося населением Средней Азии. В них рассматриваются происхождение, расселение, занятия, внутренний мир, наклонности, отношение к религии, семейная жизнь населения и т.д. А.Д.Гребенкин один из первых исследователей привел названия родов и родовых подразделений даштикинчакских узбеков (тюяклы, минг, тюрк, найман, уйшун, сарай, катаган, мангит, багрин, юз, кырк, ктай, кипчак и др.) с указанием их числа, расселения каждого рода, занятий и различных этнографических особенностей, причем не только тех, что жили в Зеравшанской долине, но и во многих других районах Туркестана, в том числе и Ферганской долине¹⁴.

Среди различных материалов, собранных во время военной службы в Туркестане подполковником А.П.Хорошхиным, особый интерес для нас представляет его статья "Народы Средней Азии"¹⁵, в которой речь идет о народах, живших в крае до завоевания его Россией и после завоевания (таджики, узбеки, евреи, цыгане, индусы, ирани)¹⁶. В работе впервые приводится на русском языке список 92 племен даштикинчакских узбеков с местами их расселения. Собственно Ферганской долине посвящены небольшие статьи А.П.Хорошхина "Очерки Коканда", "Отрывки из дневника в Коканде", "От Кокана до Ходжента", в которых приводятся общие сведения о столице Кокандского ханства, населении страны, занятиях и некоторые другие данные.

Автор "Очерка Кокандского ханства" А.Л. Кун следовал в качестве коллектора научных сведений и собирателя восточных рукописей в составе главной квартиры командующего войсками, действовавших в Кокандском ханстве, и был свидетелем ряда событий в государстве, тогда еще независимом. В очерке приводятся самые общие сведения о населении, городах, организации управления, политической истории. Но интересна таблица с указанием количества домов, мечетей, школ, медресе, лавок в городах Коканд, Маргилан, Андижан, Наманган, Узген, Балыкчи¹⁷. Любопытно и замечание о

полукочевниках ханства, которые, по словам автора, в недалеком будущем должны окончательно осесть в связи с полным обеднением¹⁸.

Статья Н.Ф.Ситняковского "Перечисление некоторых родов киргиз, обитающих в восточной части Ферганской области" в значительной степени была вызвана потребностью более внимательно отнестись к изучению населения края, появившейся после антиколониального выступления андижанцев в 1898 г. В ней приведены родоплеменные подразделения кыргызов с указанием мест летних и зимних кочевков каждого племени, рода, подразделения¹⁹.

Очень содержательна статья П.Е.Кузнецова "О таджиках Наманганского уезда". Говоря об истории происхождения селений уезда, автор пишет, что Наманганский уезд состоит не только из старых поселений. Значительная часть кишлаков (более половины) здесь основаны мигрантами из Ташкентского уезда, а также из горных районов Таджикистана: Каратегина, Куляба. Интересны разделы о занятиях населения, нормах быта. Но для нашей работы особо важен раздел "К вопросу о тюркизации таджиков". Автор приводит примеры естественной ассимиляции таджиков тюркским населением. В частности, для таджиков характерна не только утрата таджикских сказок, песен, пишет автор, но имеются даже случаи, и нередкие, полного забвения ими родного языка. Смешанных браков в начале XX в. тоже было уже немало, причем таджики вступали в брак не только с тюркоязычными сартами, но и полукочевыми узбеками, кипчаками, кыргызами²⁰. Небольшое сообщение "О таджиках Кокандского уезда" интересно тем, что П.Е. Кузнецов и в нем обращает внимание на процесс тюркизации таджиков, отмечая при этом, что в Кокандском уезде он был слабее, чем в Наманганском и Ташкентском уездах²¹.

Серьезна и основательна статья Н.С. Лыкошина "Чапулукская волость Ходжентского уезда Самаркандской области. Опыт исследования экономических и бытовых условий жизни ее населения"²². Будучи в течение ряда лет начальником Ходжентского уезда, а затем военным губернатором Самаркандской области, Лыкошин имел возможность достаточно глубоко

изучать вверенный ему регион. Всесторонне характеризуя волость в своей статье (указывает количество пригодной для земледелия земли, дает анализ почв, систему земледелия и орошения, состояние животноводства, торговли, народного образования с приведением статистических сведений), Лыкошин поднимает и вопросы социального плана. Например, недостаток или даже полное отсутствие рабочего скота у большей части оседлого населения волости вынуждало отдавать землю в аренду за часть урожая или нанимать в период земледельческих работ рабочий скот. Обеднение же кыргызов приводило их к оседанию. Автор уделяет внимание и вопросам сближения таджикского и кыргызского населения.

Ценнейший материал по Фергане и ее населению содержится в трудах выдающегося просветителя-демократа Ч.Ч. Валиханова. В самой Фергане Ч.Ч. Валиханов не был, но прожил около полугода в Кашгарии, граничившей с Кокандским ханством. Там он из бесед с купцами, политическими деятелями, учеными, поэтами узнавал и о Кокании. В "Записках о Коканском ханстве"²³ приведены отдельные моменты политической истории края в период правления Маллябек-хана и Худояр-хана, даны сведения о структуре гражданского управления, населении, их занятиях, о кочевках узбекских племен минг, юз, тюрк, кипчак и др. В цикле работ Валиханова, объединенных под названием "Материалы и исследования о Кашгарии"²⁴ приведен интересный материал о кашгарских ходжах, судьба которых была теснейшим образом связана с Кокандским ханством, о переселениях в Фергану большого числа уйгуров, оказавших серьезное влияние на этнические процессы в этом крае.

Одним из самых основательных исследований этого периода о Фергане были "Очерки Ферганской долины" академика А.Ф. Миддендорфа²⁵. Один из крупных ученых своего времени, Миддендорф отправился в Фергану по предложению генерал-губернатора Туркестана фон Кауфмана, сделанного через вице-президента Императорского русского географического общества П.П. Семенова. На поездку было дано всего шесть месяцев, из которых почти половина времени ушла на дорогу. Поэтому, естественно, не все вопросы были

изучены достаточно глубоко, имелись и ошибочные суждения, что вызвало в свое время резкую критику В.П. Наливкина²⁶. Но и сам Миддендорф понимал, что для настоящего изучения и познания "столь своеобразной страны" необходимо время. Он же "имел целью дать, по возможности, лишь руководящие рамки для чиновников местного управления, которых судьба забросит в эту страну"²⁷. Тем не менее, книга знакомит читателя с Ферганой довольно всесторонне: с географическими и орографическими особенностями долины, климатом, флорой и фауной, населением, земледелием и скотоводством, торговлей и т.д. Приводятся обширные исторические сведения об этом крае. Книга насыщена многими очень интересными и верными наблюдениями самого Миддендорфа.

В разделе "Этнографические сведения" автор характеризует население Ферганы, полемизируя с известным французским ученым, антропологом и этнографом К. Уйфальви. Но в этом давнем споре хотелось бы согласиться с последним. Суть в том, что Уйфальви на основании своих антропологических работ пришел к выводу, что предки почти половины жителей селений Наукат, Шахимардан, Вуадиль были белокурами и голубоглазыми горцами, т.е. таджиками²⁸, а Миддендорф резко отрицает это²⁹. Материалы же А.П. Федченко³⁰, Б.Х. Кармышевой³¹ и мои полевые данные показывают, что, действительно, на юге Ферганской долины, от Шахимардана до Учкургона и Кувы были сплошь таджикские поселения (в том числе и указанные выше), причем многие из них были основаны переселенцами с гор: Каратегина, Гиссара, Дарваза и др.

В.И. Кушелевский, врач, прослужив в Фергане восемь лет, решил написать труд, чтобы помочь врачам, прибывшим сюда из Европейской России, ознакомиться с местными условиями жизни, природными и социальными, поскольку все это "представляется весьма важным для уразумения и объяснения различных влияний на жизнь человека и на происхождение тех болезней, которым они подвергаются"³². Этот трехтомный труд "Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области" в

некоторых своих разделах носит компилятивный характер, но в целом представляет несомненный интерес.

Пожалуй, одним из самых интересных авторов того времени, писавших о Ферганской долине, был В.П. Наливкин. Хорошее знание языка, быта, условий жизни, обычаев и традиций местного населения (а знания эти он приобрел благодаря тому, что в течение многих лет жил вместе с семьей среди местного населения, в частности, в селении Нанай Наманганского уезда) позволили ему написать целый ряд интереснейших работ об этом крае, которые и сейчас являются ценнейшим источником по истории, этнографии, состоянию народного образования и т.д.

"Краткая история Кокандского ханства" В.П. Наливкина – один из первых обстоятельных трудов на русском языке по политической истории этого края. Написанная на основании местных источников, преданий, рассказов очевидцев, книга эта, тем не менее, имеет ряд недостатков, о чем уже не раз писалось³³. Но и сам Наливкин не претендовал на их отсутствие. В предисловии он писал: "Сведения эти получались мною лишь попутно, при изучении быта и других особенностей вновь завоеванной нами страны, так как до сих пор история отнюдь не составляла моей специальности. Пусть благосклонный читатель примет все это во внимание и простит мне те недостатки, которые он, конечно, встретит в моем сочинении"³⁴. В части, предвещающей политическую историю ханства, имеется немало сведений о путях развития оседлости в Фергане, об этническом составе населения и многих других вещах.

Необыкновенно интересная книга В.П. Наливкина и его супруги М. Наливкиной "Очерк быта женщины туземного местного населения Ферганской долины"³⁵ целиком основана на наблюдениях авторов. Это делает ее особенно ценной. Читатель знакомится с жизнью, бытом, нравами всего оседлого мусульманского населения Ферганской долины, а не только женской ее части.

"Туземцы раньше и теперь" написаны В.П. Наливкиным в значительной степени под влиянием беседы в 1905 г. с генерал-губернатором Туркестана Н.Н. Тенишевым, которому хотелось бы знать, изменилось ли местное

население со времени завоевания края русскими. В книге автор обстоятельно рассмотрел, что дало положительного и отрицательного местному населению русское завоевание, как изменилась общественная жизнь, духовно-нравственная, хозяйственная, интеллектуальная сферы и пр.³⁶

Работы И.И. Гейера "Весь Русский Туркестан"³⁷ и В.И. Масальского "Туркестанский край"³⁸ имеют обобщающий характер. По признанию самих авторов, целью их было "пополнить, хотя бы до некоторой степени, пробел в нашей общегеографической литературе по Туркестану, дать краткий обзор этой страны, подвести общие итоги тому, что сделано за период русского владычества, наметить дальнейшие в ней пути нашей деятельности и помочь ориентироваться тем, которые, не преследуя никаких специальных целей, пожелают получить представление о Средней Азии или лично с ней ознакомиться"³⁹. В монографиях были приведены накопленные к тому времени сведения о Средней Азии, в том числе и о Ферганской долине и ее населении.

Обзор дореволюционной литературы о населении Ферганской долины будет неполным, если не упомянуть материалов ревизии Туркестанского края, проведенной под руководством сенатора графа К.К. Палена в 1907 г., задачей которой была характеристика состояния народного хозяйства в крае⁴⁰. В работе приводятся статистические сведения о территории, полезных ископаемых, промышленности, посевах и урожаях, скотоводстве и т.д. Но особенно важен для нас материал об этническом составе населения. Он ценен тем, что дает уточненные, тщательно проверенные и углубленные сведения о населении. Важен для нас и раздел о тюркизации таджиков на территории Ферганы и сопредельных районов.

И, наконец, историю Средней Азии, как и вообще Востока, историю народов, живших здесь, невозможно изучать без трудов В.В. Бартольда, крупнейшего ориенталиста, работавшего как до, так и после революции. В его наследии, как в нескончаемом кладезе, исследователь черпает самый разнообразный материал о Востоке, в том числе об истории Ферганы, о народах, живших в этом крае, их духовной и материальной культуре и т.д.⁴¹

Зарубежная литература о Фергане XIX – начала XX в. небогата, и сведения о Ферганской долине в ней чаще всего самые общие. Из переведенных на русский язык книг широко известна работа Арминия Вамбери "Путешествие по Средней Азии в 1863 г.", в которой имеется одна небольшая глава и о Кокандском ханстве. Правда, большая часть главы посвящена войне между Бухарой и Кокандом во время царствования эмира Насруллы и эмира Музаффарэдина, но имеются сведения и о населении ханства и занятиях его. Так, Вамбери сообщает, что лучший адрас (род ткани – С.Г.) выделывали в Андижане, лучшие, после гиссарских, ножи – в Чусте, превосходнейший шелк – в Шахрихане⁴². И хотя сведения Вамбери о Коканде расспросные, они достаточно достоверны и имеют определенную ценность.

В другой переведенной на русский язык книге, вернее, нескольких главах из книги Гордона "Крыша мира", которые вышли под названием "Путешествие на Памир", о Фергане сказано лишь следующее: "Кызыл-артское плоскогорье постоянно занято 1000 семействами киргиз и кипчаков, которые ушли из Кокана семь лет назад"⁴³.

Свен Гедин в двух томах своей работы "В сердце Азии. Памир, Тибет, Восточный Туркестан" дал обзор путешествия по Азии, предпринятого им в 1893 – 1897 гг. Автор сообщает о числе жителей в городе Коканде, об их этнической принадлежности, о количестве в городе домов, фабрик, медресе, мактабов, еврейских школ и т.д.⁴⁴

Книга Ф. Скрайна и Э. Росса "Сердце Азии. История Русского Туркестана и среднеазиатских ханств с древнейших времен" в целом посвящена истории Средней Азии, начиная с походов Александра Македонского до завоевания Средней Азии Россией. Написана она на основе персидских, арабских и русских источников, а также личных наблюдений. Кокандскому ханству, вернее, периоду завоевания его русскими, уделено всего две страницы из 420⁴⁵.

В. Куртиз в своей книге "Туркестан. Сердце Азии" проявляет интерес к Туркестану, прежде всего, как к объекту колониальной эксплуатации. О Коканде и других городах Ферганской долины приводятся самые общие

сведения в главе "Хлопковая индустрия"⁴⁶.

Такие же фрагментарные сведения о Ферганской долине содержатся и в других работах, вышедших на рубеже XIX – XX вв.⁴⁷

Среди работ зарубежных авторов особый интерес представляет исследование уже упомянутого французского ученого, антрополога и этнографа К.Уйфальви. Его экспедиция по Средней Азии, в том числе и Фергане, состоялась в 1876 – 1877 гг. В отчете об экспедиции, два тома которых вышли под названием "Кохистан, Фергана и Кульджа" (т. 1) и "Сырдарья, Зеравшан и Семиречье" (т. 2) содержится немало этнографических сведений. По Фергане, в частности, составлена этнографическая карта, дана характеристика населения (сартов, кочевых узбеков, каракалпаков, кыргызов, казахов, таджиков, цыган), указаны места расселения оседлого населения Ферганской долины и места кочевий полукочевников. Основываясь на собственных антропологических исследованиях, автор определил места расселения в Фергане равнинных и горных таджиков, в частности, выходцев из Каратегина, Дарваза, Гиссара и др.⁴⁸

После Октябрьской революции начинается новый этап в изучении Средней Азии, который был объективно обусловлен потребностями хозяйственного и культурного строительства Советского государства. Этот этап характеризуется принципиально иным подходом к исследованию национального состава населения. Этнический состав изучается как результат длительных исторических и этногенетических процессов.

Результатом первого сплошного обследования Бухары и Хорезма в 1924 г. с целью экономического районирования и национального размежевания среднеазиатской территории стал труд "Материалы по районированию Средней Азии"⁴⁹. Глава "Население", написанная на основе как литературных данных, так и этнографических полевых исследований, – одна из первых основательных работ по этнографическому составу не только Бухары, но и Средней Азии вообще, в том числе и Ферганской долины. Автор главы, И. Магидович, привел богатейший материал по родоплеменному делению узбеков,

казахов, туркмен, арабов и др., названиям территориальных групп таджиков, а также по численности и местам расселения каждой из групп. Но особый интерес для нас представляют примеры, свидетельствующие о консолидации различных узбекоязычных групп, о сближении узбеков и таджиков, о чем говорят смешанные браки, двуязычие и другие факторы.

И.И. Зарубин написал по материалам сельскохозяйственной переписи 1917 г. с привлечением других источников небольшую, но очень содержательную работу "Население Самаркандской области. Его численность, этнографический состав и территориальное распределение"⁵⁰. А в состав Самаркандской области входил в то время и Ходжентский уезд, значительная часть которого лежала на территории Ферганской долины.

Отсутствие каких-либо научно разработанных данных об экономике среднеазиатских селений, об общественных отношениях, которые сложились в кишлаках и аулах Средней Азии после революции, послужило причиной обследования последних. В результате появился многотомный труд "Современный кишлак Средней Азии", два тома которого были посвящены Ферганской долине⁵¹. В них приведены разнообразные и хорошо выверенные данные не только о состоянии сельского хозяйства в 20-х годах, промыслов, торговли, но и о населении ферганских кишлаков, их взаимоотношениях, дано процентное соотношение различных этнических групп и другие важные сведения.

В 20-е же годы появляется целый ряд интереснейших работ по этнографии Ферганской долины. М.С. Андреев в своей статье "По этнографии таджиков. Некоторые сведения"⁵² рассматривает таджиков Ходжентского района и приводит интересные наблюдения об эволюции в этом регионе термина "таджик". Как свидетельствует М.С.Андреев, таджикоязычное население Ходжентского района (как, видимо, и вообще Ферганы – С.Г.) называло себя раньше только "сартами", хотя язык свой считало таджикским. Истинными же таджиками они считали горцев (матчинцев, дарвазцев и др.). Ко времени же пребывания в Ходженте М.С. Андреева, а именно в 20-е годы, таджикоязычное

население Ходжентского уезда называлось уже в основном таджиками⁵³.

Другая статья М.С. Андреева посвящена таджикам Касанского района (близ города Наманган). В ней приведен интересный материал о следах родового деления у тамошних таджиков, остатках древних верований, о мужских союзах (джура), жилище, базарах, местных говорах и т.д. Для нас особый интерес представляют сведения о родственных связях жителей Касанского района с таджиками верховьев реки Чирчик⁵⁴.

В "Учебном пособии по географии Таджикистана" Н.Г.Маллицкого приводятся не только географические, но и этнографические сведения по Таджикистану, в том числе и Ходжентскому округу. Автор характеризует таджиков, узбеков (сартов, тюрков, полукочевых узбеков) и др. с антропологической точки зрения, а также описывает их быт, характер, духовную культуру, язык⁵⁵.

В статье А.С.Сыдыкова "Родовое деление киргиз" приводится богатейший материал по родоплеменному делению киргизов с указанием территории их расселения, включая и Ферганскую долину⁵⁶.

Основное число этнографических работ по Ферганской долине написано в послевоенное время. Разные по тематике, объему, значимости, каждая из них, тем не менее, важна для изучения населения этого края, его материальной и духовной культуры, взаимоотношений различных ее этнических групп.

Одной из первых специальных работ об этническом составе населения Ферганы была кандидатская диссертация Ш.И.Иногамова "Этнический состав населения и этнографическая карта Ферганской долины в границах УзССР". В диссертации в основном говорится о расселении на указанной территории узбеков, таджиков, киргизов, каракалпаков, арабов, уйгуров (родоплеменной состав указанных народов автор не рассматривает), а также кипчаков и кураминцев⁵⁷.

В статье Я.Р.Винникова "Современное расселение народов и этнографических групп в Ферганской долине"⁵⁸ также приведен только численный состав и расселение указанных выше народов и этнографических

групп, но уже во всей Ферганской долине. В другой статье этого же автора "Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии" даны подробнейшие генеалогические таблицы киргизов правого крыла "он" (багыш, саяк, мунгуш, адигине, джедигер, сарыбагыш, монгол), левого крыла "сол" (басыз, мундуз, кутчу, саруу, кытай) и ичкиликов (кыпчак, найман, тейит, ават, бостон, жоокесек, кесек, орду, тоолас, канды); составлена карта расселения родоплеменных групп киргизов до революции⁵⁹.

Происхождению, занятиям, быту и некоторым обрядам таджиков долин рек Сох и Исфара посвящены две статьи Н.А.Кислякова "Таджики долины Соха"⁶⁰ и "Некоторые материалы по этнографии исфаринских таджиков"⁶¹. В них уделено внимание взаимоотношениям равнинных и горных таджиков в долине реки Сох, таджиков и узбеков в Исфаринском районе.

Е.А.Давидович и Б.А.Литвинский посвятили Исфаринскому району "Археологический очерк Исфаринского района", в котором рассматривают и вопросы этногенеза таджиков Исфары. Авторы приходят к выводу, что формирование любого народа, в данном случае таджикского, – явление сложное, многослойное. Таджикский народ в процессе своего многовекового развития не оставался неизменным, а качественно менялся, "обогащая свою культуру, воспринимая элементы культуры братских соседних народов". Исфаринские же таджики, свидетельствуют авторы, представляют собой сплав равнинных таджиков Ферганы и горных таджиков из Верхнего Зеравшана и Каратегина. Кроме того, в их состав входят частично узбеки и, в меньшей степени, киргизы⁶².

Городскому и сельскому населению Северного Таджикистана конца XIX – начала XX в. посвятил целый ряд работ Н.О. Турсунов. Для нас особый интерес представляет монография "Сложение и пути развития городского и сельского населения Северного Таджикистана XIX – начала XX в. (историко-этнографические очерки)"⁶³. Автор исследует формирование населения городов, городков и селений Северного Таджикистана, их занятия, межхозяйственные связи, культурные взаимоотношения между таджиками,

узбеками, кыргызами и представителями других национальностей, издавна жившими бок о бок в этом регионе долины.

Монография М.Г.Вахабова "Формирование узбекской социалистической нации"⁶⁴ – одна из первых работ, в которой обстоятельно исследуются проблемы формирования узбекского народа, в составе которого в конце XIX – начале XX в. было три пласта: сарты, тюрки и даштикипчакские узбеки. Автор определяет не только развитие и состояние языка, культуры, быта каждого из пластов, но и степень стирания граней между ними. В книге приведен обильный материал и по ферганским узбекам.

Одному из указанных пластов узбекского народа, тюркам, посвящена статья Б.Х. Кармышевой «Этнографическая группа "тюрк" в составе узбеков (историко-этнографические данные)»⁶⁵. В ней дана характеристика тюркских подразделений (карлук, барлас, кальтатай, мугул, собственно тюрк), их численность, расселение, в том числе и в Фергане, сведения о занятиях, одежде, пище, жилище, некоторых обрядах и обычаях.

Кипчакам, одному из компонентов узбекского народа, посвятил монографию и статью К.Ш. Шаниязов: "К этнической истории узбекского народа (историко-этнографическое исследование на материалах кипчакского компонента)" и "Кипчаки в узбекской этнической среде в дооктябрьский период"⁶⁶. В Ферганской долине, где по переписи 1926 г. кипчаков было 327 тыс. человек, они были относительно обособлены, пишет автор, и с трудом сливались с другими группами узбеков. К. Шаниязов исследует причины столь слабой интеграции, хозяйство, быт, обряды, материальную и духовную культуру.

О каракалпаках Ферганской долины написана специальная монография Л.С.Толстой "Каракалпаки Ферганской долины (историко-этнографический очерк)"⁶⁷, а также разделы и страницы другой ее книги "Каракалпаки за пределами Хорезмского оазиса в XIX – начале XX в."⁶⁸ Автор всесторонне показывает историю переселения каракалпаков на территорию Ферганы, занятия, быт, обрядность, общественные отношения, приводит схему

расселения их в Ферганской долине. Л.С.Толстова описывает и отдельные моменты взаимоотношений каракалпаков с представителями других народов, хотя не акцентирует на этом внимание.

О так называемых южных кыргызах, т.е. живущих на территории Ферганской долины и в окружающих ее горах, написано несколько монографий. В работе К.Усенбаева "Общественно-экономические отношения кыргызов в период господства Кокандского ханства (XIX в. – до присоединения Киргизии к России)"⁶⁹ делается попытка выявить сущность патриархально-феодальных отношений у кыргызов в XIX в., показать их специфические особенности. Взаимоотношения кыргызов и узбеков рассматриваются только как взаимоотношения завоевателей и завоеванных, с чем трудно согласиться. На протяжении веков узбеки и кыргызы жили бок о бок, обменивались продуктами своего труда, были необходимы друг другу, что не могло не содействовать развитию между ними добрых связей.

Две крупных монографии посвятил ферганским кыргызам В.М. Плоских: "Очерки патриархально-феодальных отношений в Южной Киргизии (50 – 70-е годы XIX в.)" и "Кыргызы и Кокандское ханство"⁷⁰. В первой из них исследуются социально-экономические отношения, характер землевладения, формы землепользования и эксплуатации кочевого и оседлого населения Южной Киргизии в период вхождения ее в Кокандское ханство. Во второй рассматриваются вопросы политических и экономических связей Кыргызстана и Кокандского ханства во второй половине XVIII в. – 70-х годах XIX в. Непосредственное отношение к нашей проблематике имеет параграф книги "Взаимовлияние узбекского, таджикского и киргизского населения". Но в этом разделе в основном описываются скотоводческое и земледельческое хозяйство у кыргызов, а также домашние промыслы и торговля. Непосредственно по теме приведены всего два – три примера. Удивляют фразы: "Одним из примеров влияния узбекского населения на хозяйственную жизнь киргизов является переход части их к земледелию и в определенной степени к оседлости"⁷¹, "Под влиянием узбекского и таджикского населения эволюционное развитие

киргизского общества шло в направлении оседлого земледелия – более высокой степени хозяйствования"⁷², "Обращению к земледелию в немалой степени способствовали тесные контакты киргизских скотоводов с узбекскими земледельцами в период Кокандского ханства"⁷³. Но известно, что кочевника не привлекала жизнь земледельца, земледельческий труд был для них даже ненавистен, и кочевник вовсе не считал земледелие "более высокой ступенью хозяйствования", хотя и нуждался в продуктах земледелия. Получать последние он предпочитал путем обмена. Оседали же обычно не под влиянием кого-либо, а лишь полностью разорившиеся скотоводы. Причем их не покидала надежда когда-нибудь вновь встать на ноги и начать кочевать. Другое дело, что осевшие скотоводы (в частности, кыргызы) перенимали у узбеков и таджиков навыки земледельческого хозяйства, умение строить ирригационную систему, навыки хранения земледельческих продуктов и т.д.

Среди исследований о кыргызах хотелось бы особо отметить труд С.М. Абрамзона "Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи"⁷⁴. Автор всесторонне рассматривает этническую историю кыргизского народа, хозяйственный уклад, материальную и духовную культуру, общественный строй, семейные отношения. Очень много внимания в монографии уделяется и вопросам консолидации кыргызов, процессам сближения их с другими народами, в том числе и на территории Ферганской долины.

Значительное число монографий и статей посвящены изучению хозяйства, материальной культуры, прикладного искусства той или иной этнической группы Ферганы. Этот круг проблем очень важен, так как понимание как этнической истории того или иного народа, так и этнических процессов, протекавших в том или ином регионе, невозможно без изучения этнических традиций в ведении хозяйства, земледельческого или скотоводческого, этнической специфики материальной культуры, а именно жилища, хозяйственной утвари, пищи, одежды, украшений и т.д. Здесь следует отметить работы К.И. Антипиной "Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов", "Ворсовое ткачество"⁷⁵; В.Л. Ворониной "Жилище

народов Средней Азии и климат"⁷⁶; Б.С. Гамбурга "К характеристике орудий земледельцев Ферганской долины и Ташкентского оазиса конца XIX – первой четверти XX в."⁷⁷; У. Джахонова "Земледелие таджиков долины Соха в конце XIX – начале XX в."⁷⁸; И.В. Захаровой "Материальная культура уйгуров Советского Союза"⁷⁹; Е.М. Пещеревой "Гончарное производство Средней Азии"⁸⁰; А.К.Писарчик "Некоторые данные по исторической топографии городов Ферганы", "Строительные материалы и приемы мастеров Ферганской долины", "Традиционные способы отопления жилищ оседлого населения Средней Азии в XIX – XX вв."⁸¹; Р.Я. Рассудовой "К истории женской одежды Ферганы и Ташкента (XIX – начало XX в.)", "К истории одежды оседлого населения Ферганского, Ташкентского и Зеравшанского регионов", "Шелководство в системе хозяйства оседлого населения Ферганы", "Сравнительная характеристика мужской одежды Ферганско-Ташкентского региона. XIX – XX вв."⁸²; О.А. Сухаревой "Тюбетейки", "Художественные ткани", "Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии", «Опыт анализа покровов традиционной "туникообразной" среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции», "История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX – начало XX в.)"⁸³ и многих, многих других. В каждой из работ, посвященных материальной культуре народов Средней Азии, в большей или меньшей степени рассматриваются вопросы взаимодействия и взаимовлияния представителей той или иной этнической группы с другими этносами.

В 1950 г. Институт истории, языка и литературы Таджикского филиала АН СССР совместно с Институтом этнографии АН СССР начал изучение культуры и быта одного из таджикских колхозов, расположенных на территории Ферганской долины. Результатом этой работы явилась монография Н.Н.Ершова, Н.А.Кислякова, Е.М.Пещеревой, С.П.Русайкиной "Культура и быт таджикского колхозного крестьянства"⁸⁴, в которой авторы показали социальное переустройство жизни таджикского крестьянства в советское время. Для сравнения приводится материал по дореволюционному периоду, но

он невелик. Восполняет в значительной степени этот пробел книга одного из соавторов указанной монографии Н.Н. Ершова "Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией (историко-этнографический очерк)"⁸⁵.

В работе достаточно подробно рассматриваются земельные отношения и нормы водопользования, занятия населения садоводством, виноградарством, полеводством, шелководством, животноводством. Книга насыщена массой этнографических подробностей. Интересны, например, сведения о том, что таджики указанного района (а значит, и равнинные таджики Ферганской долины вообще) не умели использовать продукты животноводства. Все продукты животноводства – паласы, кошмы, ковры, сукно, шерстяные чулки и обмотки для ног, веревки и т.д. – покупались на базаре у кочевников. Таджики этого района не умели даже сбивать масло; у них не было маслобоек, что в значительной степени объясняется не только, вернее, не столько традициями, сколько почти полным отсутствием скота у населения в предреволюционный период. А ведь путешественники в начале XIX в. отмечали, что масло и молоко у народов Ферганской долины употреблялось довольно широко. Такие разные сведения об одном и том же регионе можно объяснить только тем, что в конце XIX и особенно в начале XX в. монокультура хлопчатника вытеснила не только другие сельскохозяйственные культуры, но и выгоны, и пастбища в равнинной части Ферганы, а это привело к почти полному исчезновению скота молочного направления.

Другой очень интересной работой о колхозном крестьянстве Ферганской долины является книга О.А.Сухаревой и М.А.Бикжановой "Прошлое и настоящее селения Айкыран (опыт этнографического изучения колхоза им. Сталина Чартакского района Наманганской области)"⁸⁶. Для нас представляет интерес глава "Прошлое кишлака Айкыран", написанная О.А. Сухаревой, в которой значительное место уделено формированию населения кишлака, занятиям его, социальным отношениям, этническим процессам.

Следует отметить двухтомник "Народы Средней Азии и Казахстана"⁸⁷ со

всесторонней характеристикой народов этого региона. В отдельных статьях этого издания имеется материал и по Ферганской долине.

Сближение народов, живших бок о бок в течение длительного времени, шло и в области языка. Е.Д. Поливанов в "Материалах по грамматике узбекского языка" пишет, что в результате длительной совместной жизни, экономических контактов и других факторов узбекский язык населения Маргилано-Кокандской, Андижано-Шахриханской и других групп кишлаков подвергся большему или меньшему влиянию таджикского языка, что проявилось в фонетике, лексике и даже морфологии и синтаксисе⁸⁸.

Заимствования в таджикском языке в области лексики, фонетики, стилистики, словообразования, синтаксиса из узбекского языка отмечает В.С. Расторгуева в монографии "Очерки по таджикской диалектологии", три тома которой (из четырех) посвящены диалектам Ферганской долины (кишлаки Риштан, Сох, Чуст, Касансай, Шайдан, Хиштхона, Ашт)⁸⁹.

Говоры тюрков (одного из компонентов узбекского народа), в том числе и ферганских, были исследованы Г.Ф. Благовой, Х.Д. Данияровым⁹⁰.

Язык уйгуров Ферганской долины и вопросы взаимодействия его с узбекским изучались Г.С. Садвакасовым⁹¹.

Представляет интерес и ряд работ о социально-экономических процессах в Кокандском ханстве, поскольку они, а также этнические процессы, имевшие место при кокандских ханах в начале и середине XIX в., продолжали существовать в определенной степени и в конце XIX в. Троицкой А.Л., например, написан большой труд на основе документов архива кокандских ханов⁹².

Известный ориенталист П.П. Иванов посвятил Кокандскому ханству работу "Казахи и Кокандское ханство" и главы в монографии "Очерки по истории Средней Азии. XIV – середина XIX в."⁹³ В первом труде дана характеристика первых шагов кокандской территориальной экспансии в казахские степи и горные районы Кыргызстана, освещены отдельные моменты ранней истории казахско-кокандских отношений. Во второй работе описана

политическая история страны. Немало внимания уделено населению страны, хозяйственным взаимодействиям между разными этническими группами, вопросам интеграции и даже ассимиляции отдельных групп населения.

В монографии Р.Н. Набиева "Из истории Кокандского ханства (феодалное хозяйство Худояр-хана)"⁹⁴ мы знакомимся с политической историей и социально-экономическими отношениями в стране непосредственно перед завоеванием ее Россией, а именно в 40 – 50-е годы XIX в. Книга дает широкое представление о земледельческом и скотоводческом хозяйстве оседлого и кочевого населения Ферганы, об освоении целинных земель и многих других подобных вещах.

Монография Т.К. Бейсембиева «"Та'рих-и Шахрухи" как исторический источник»⁹⁵ написана на основе 40 неопубликованных рукописей эпохи Кокандского ханства. Автор приводит сведения по социально-экономической, политической и этнической истории Кокандского ханства.

Немалый материал по Фергане конца XIX – начала XX в. и ее населению имеется в трудах о сопредельных с нею территориях – горных бекствах Восточной Бухары, Ура-Тюбе, Кашгарии. Монографии Н.А. Кислякова "Очерки по истории Каратегина. К истории Таджикистана"⁹⁶, Б.И. Искандарова "Восточная Бухара в период присоединения Средней Азии к России" и "Восточная Бухара и Памир во 2-й половине XIX в."⁹⁷ содержат сведения о политических взаимоотношениях Каратегина и других горных бекств с Кокандом, социально-экономических их связях. В частности, приведен материал как о бегстве части населения горного Таджикистана в Фергану в период междоусобиц и нашествия иноземцев, так и об отходничестве мужской части его (населения) в более благодатную Фергану. Многие из беженцев и отходников оседали в Ферганской долине.

В книге Л.А. Чвырь "Уйгуры Восточного Туркестана и соседние народы в конце XIX – начале XX в. (очерки историко-культурных связей)"⁹⁸ на материале народного костюма реконструируется народная культура уйгуров – коренных жителей Восточного Туркестана – в конце XIX – начале XX в. В

работе ставится и проблема историко-культурных взаимосвязей уйгуров с соседними народами, в первую очередь, среднеазиатскими. Совпадение структуры народного костюма уйгуров и среднеазиатских народов (прежде всего ферганцев) приводит автора к выводу, что с давних времен уйгуры и среднеазиатские народы принадлежали к единой историко-этнографической области. Эта мысль об этнокультурной общности народов Средней Азии и Восточного Туркестана еще раньше была высказана Б.А.Литвинским в статье "Исторические судьбы Восточного Туркестана и Средней Азии (проблема этнокультурной общности)"⁹⁹.

Динамике этнической структуры населения узбекской части Ферганской долины конца XIX – XX вв. посвятил кандидатскую диссертацию и несколько статей Х. Рахматуллаев¹⁰⁰. Автор предполагал, по его собственным словам, выявить во временном и территориальном аспектах важнейшие закономерности изменения этнической структуры населения этой части долины. Но, на мой взгляд, этого не произошло, так как автор в своих исследованиях опирался только на статистические данные, и те неполные. В частности Х. Рахматуллаев использовал только материалы переписей 1897, 1926, 1939, 1959, 1970, 1979 гг., хотя статистический материал не ограничивался только ими, особенно по периоду конца XIX – первой четверти XX в. Это привело (не могло не привести) к очень ограниченным результатам. Кроме того, судя по названию, автор должен был уделить значительное внимание концу XIX – началу XX в. Но работа, к сожалению, охватывает в основном советский период.

Одними из первых работ, посвященных населению всей Ферганской долины (т.е. узбекской, таджикской и киргизской ее частей) стали две монографии С.С. Губаевой: "Этнический состав населения Ферганы в конце XIX – начале XX в. (по топонимическим данным)" и "Основные направления этнических процессов в Ферганской долине в конце XIX – начале XX в. (к проблеме поздних этапов этнической истории Средней Азии)" и ряд статей¹⁰¹.

Анализ топонимии, литературных памятников, статистических сведений, специальных исследований, обширного архивного и полевого материала,

собранный автором, позволили существенно дополнить наши знания по этнической истории не только узбеков, но и таджиков, кыргызов, уйгуров, среднеазиатских евреев, цыган, живших на территории долины издавна. Впервые предметом специального изучения стали русские, татары, кашгарские цыгане, появившиеся в этом крае только в XIX в.

Узбеки были самым многочисленным народом в Ферганской долине, что определило их роль в этнических процессах на этой территории. По этой причине, а также потому, что они были менее изучены (по сравнению с таджиками и кыргызами), большая часть обеих монографий посвящена им, точнее, трем субэтносам, которые выделялись в конце XIX – начале XX в. в составе узбекоязычной части населения Ферганы: сартам, потомкам тюркских и тюрко-монгольских племен и потомкам даштикипчакских узбеков.

Основное внимание во второй монографии уделяется этническим процессам, имевшим место в Ферганской долине после присоединения ее к России, которые отличались двойственностью и противоречивостью. С одной стороны, в этот период, в силу ряда факторов, появившихся в крае в результате присоединения, широко развернулись процессы объединительного характера: консолидационные, ассимиляционные, интеграционные. С другой, существовало еще и немало факторов, которые играли дезинтегрирующую роль и вели к дифференциации народов.

В 1995 г. вышла книга В.И. Бушкова "Население Северного Таджикистана: формирование и расселение"¹⁰². Поскольку значительная часть Северного Таджикистана находится на территории Ферганской долины, книга представляет для нас интерес.

Автор поставил перед собой очень сложную задачу: проследить формирование населения этого региона с конца IV в. до н.э. по XX в. н.э. Местное население, состоявшее из ираноязычных саков, пишет В.И. Бушков, претерпело за столь длительный период значительные изменения. Эфталиты, монголы, тюрки, даштикипчакские узбеки – все они сыграли свою роль в формировании населения ферганской части Северного Таджикистана.

При этом, по мнению В.И. Бушкова, в труднодоступных районах (селения Пангаз, Ашт, Пунук, Пискократ Аштского района, селение Ворух Исфаринского района), до которых не всегда докатывались волны военно-политических коллизий, сохранилась древняя первооснова. В других же селениях, имеющих столь же древнее происхождение (селения Кыстакоз, Самгар Ходжентского района, селение Гулякандоз Пролетарского района и Куркат Науского района), население полностью или частично сменялось, часто неоднократно. В результате в конце XX в. в ферганской части Северного Таджикистана помимо ираноязычных таджиков жило значительное число тюркоязычного населения, потомков более чем 40 тюркских племен и родоплеменных подразделений. Книга снабжена большим числом таблиц и карт.

В постсоветский период, после распада СССР и появления в Средней Азии независимых государств, начался новый этап в подходе к этой теме. Появилась потребность (модная ныне) пересмотреть все, имеющее отношение к советским временам, а значит, и все то, что было сделано по этнической истории народов Средней Азии, потребность "преодолеть сложившуюся в советский период точку зрения на процесс формирования этносов и наций как естественно-исторический, объективный по своей природе и аналогичный процессу формирования видов в живой природе"¹⁰³, "освободиться как от евроцентристской великодержавной концепции застойности Азии, так и от марксистско-догматического подхода о ее развитии по единообразным общественным закономерностям"¹⁰⁴. Появилась необходимость осмыслить процесс "национального возрождения" в Средней Азии, истоки и перспективы становления национального самосознания народов этого региона, в частности, узбеков.

Так, ученый из Узбекистана А. Ильхамов пишет: "Было бы наивным представлять формирование узбекской нации как "объективный" естественно-исторический процесс. На самом деле процесс формирования современной узбекской идентичности следует рассматривать в тесной взаимосвязи с образованием Узбекской ССР, а также в значительной степени как результат

сложения усилий правящих и культурных элит"¹⁰⁵.

Среди работ постсоветского времени, посвященных изучению этнической истории населения собственно Ферганской долины не так уж много¹⁰⁶, тем не менее хотелось бы, не вступая в пространную дискуссию, сказать несколько слов по поводу тех работ, в которых дружно обвиняются не только власти Российской империи и Советского государства, их идеологии в том, что они подчинили своим интересам формирование среднеазиатских наций, навязали им современную самоидентификацию, но и ученые-востоковеды, сыгравшие в этом деле "важную обслуживающую роль"¹⁰⁷.

Первое, что бросается в глаза при чтении этих работ – это непримиримый, все отрицающий тон, в лучшем случае высокомерная ироничность. Нет сомнения, большинство ученых право в том, что современная самоидентификация народов Средней Азии – продукт, в том числе и усилий Советской власти, направленных на создание национально-государственных образований в Средней Азии. И, конечно, пересматривать и перетряхивать время от времени старый багаж, избавляясь при этом от фальсификаций, устаревших интерпретаций и прочего, нужно. Но хотелось бы, чтобы это делалось более корректно, а главное, более осторожно. Не выплеснуть бы вместе с водой и ребенка.

Известно, что все официальные идеологии являются всего-навсего "стратегическими приспособлениями к требованиям исторического момента"¹⁰⁸. О том, что в любом обществе существует непосредственная зависимость гуманитарных знаний, режимов истины от власти, пишет со ссылкой на работу М. Фуко "Археология знания" и А. Ильхамов¹⁰⁹. А если это так, то стоит ли так уж непримиримо обвинять власти Российской империи и Советского государства в том, что они подчинили решение национального вопроса своим интересам. Они делали свое дело. И только.

Делали свое дело и ученые Российской империи и Советского государства (а среди них было немало ученых высочайшего класса) насколько это возможно честно и добросовестно. И не их вина, что они вынуждены были учитывать

интересы государства, интересы господствующей идеологии (как всегда и везде, а не только в нашей многострадальной стране).

Да, царская Россия усиленно и всесторонне изучала завоеванный край, в том числе и этнический состав населения (создавая при этом удобную для ее администрации этническую номенклатуру), поскольку и от этого зависел успех колониальной политики. Советская власть в какой-то степени стала в этом плане преемницей царской России: она продолжила начатое последней дело по созданию "национальных классификаций и категоризаций" в Средней Азии. Поскольку этническая разноплановость (как и многоукладность) общества, существовавшие на этот период в стране, создавали немалые трудности для дальнейшего строительства только что созданного государства, она (Советская власть) предприняла проведение национального размежевания и создание национально-государственных образований.

Но одним декретом и желанием определенных кругов превратить бесчисленное множество родоплеменных, территориальных, сословных и прочих групп, различающихся к тому же материальной и духовной культурой, хозяйственно-бытовым укладом, в единый народ довольно трудно, если не невозможно. Для этого нужно и немало объективных факторов, прежде всего, социально-экономических. Национальная политика государства – лишь один из факторов, пусть и довольно мощных.

Этническая консолидация, приводящая по истечении определенного времени к "созданию" народа – процесс объективный, естественно-исторический и очень длительный. И происходит эта консолидация в результате развития между различными группами (этническими, территориальными, сословными и прочими) социально-экономических и культурных контактов и связей на протяжении веков. Для Средней Азии, где издавна сосуществовали оседлые земледельцы и кочевые (полукочевые) скотоводы, взаимодействие между ними было, как писала Б.Х. Кармышева, "одним из самых существенных факторов, определивших весь ход экономического, политического, культурного и этнического (подчеркнуто

мною – С.Г.) развития Мавераннахра эпохи феодализма"¹¹⁰.

К концу XIX – началу XX в. на территории Средней Азии и особенно Ферганской долины результаты этих контактов уже были. Например, сарты (один из компонентов будущего узбекского народа) к рассматриваемому времени вобрали в себя на территории Ферганской долины, в частности, представителей тюркских и тюрко-монгольских родов и племен, поселившихся в Средней Азии задолго до нашествия даштикипчакских узбеков (ягма, ашпар, чигиль, анди, чограк, чурас, бахрин, нарын, балыкчи, каучин и мн. др.), представителей даштикипчакских узбекских племен и родов (кырк, сарай, тама, мангыт, катаган, кунград и мн. др.), существование которых (тех и других) в этом регионе в давние времена можно восстановить только по письменным памятникам и по топонимии. Узбекоязычные сарты Ферганы вобрали в себя также часть таджиков, оседающих кыргызов и отдельных представителей других народов, прибывавших в этот край в разные времена¹¹¹.

Таким образом, оседлое земледельческое тюркоязычное население Ферганы, именуемое "сарт", уже в конце XIX в. представляло собой сложный синтез разнородных этнических элементов, объединенных теперь уже общим типом хозяйства, одинаковым бытом, близкими говорами и единым самосознанием и самоназванием. А это свидетельство естественной, начавшейся задолго до прихода русских в Среднюю Азию, этнической консолидации.

Усилия царской, а затем советской администрации значительно ускорили процесс дальнейшей консолидации узбекоязычного (как и таджикоязычного и кыргызоязычного) населения Ферганы (и Средней Азии в целом) не только "изобретением" новой этнической номенклатуры, которая значительно упрощала и сокращала множественность идентификаций, существовавших в Средней Азии, но и реальными шагами в области дальнейшего развития экономики края и создания здесь развитой экономической инфраструктуры. А это (экономическое развитие) стало следующим серьезным фактором, стимулирующим естественные (подчеркиваю, естественные) процессы

объединительного характера вообще и консолидационные, в частности. Еще более усилили и ускорили процесс этнической консолидации, конечно же, национально-государственное размежевание и создание союзных и автономных национальных республик. Хотя даже к нашим дням не до конца изжита определенная обособленность некоторых групп в составе, например, узбеков. Среди них можно назвать кипчаков, крупный массив которых живет в Ферганской долине.

Американский ученый Дж. Шоберлайн-Энгел, побывавший во время поездки в Фергану в кипчакских селениях, пишет о них (как и о ходжа, и сартах) как о самостоятельной этнической группе, которая, несмотря на все усилия Советской власти и "объединенного фронта советских этнографов", сумела сохранить свою самобытность (занятие скотоводством, джокающие говоры, особые, отличные, например, от сартовских, обычаи, эндогамию)¹¹².

В связи с тем, что виденные Дж. Шоберлайн-Энгелом кипчаки давно уже ведут оседлый образ жизни, занятие скотоводством не может быть их основным занятием, тем более в Ферганской долине, которая всегда страдала от малоземелья, в том числе и от недостатка пастбищ. О том, что у кипчаков равнинных районов Ферганы, а также бассейна Зеравшана в хозяйстве преобладает земледелие, писал и К. Шаниязов, автор большой монографии о кипчаках¹¹³, на которую ссылается Дж. Шоберлайн-Энгел. Другое дело, что их генетический скотоводческий опыт использовался в колхозах. И жили они задолго до XIX в. в домах сартовского типа, а не в юртах. Пища, одежда тоже, в общем-то, давно приобрела общеферганские черты, в обрядах и обычаях опять-таки появилось много общего с сартовскими, хотя до сих пор сохранился ряд обычаев, присущих как собственно кипчакам, так и кочевникам вообще, в том числе казахам и кыргызам. Этим объясняется их большая тяга к кыргызам и казахам, чем к сартам, о чем писал Дж. Шоберлайн-Энгел. Ведь в прошлом все они относились к единому хозяйственно-культурному типу.

Что касается джокающего говора (один из признаков даштикипчакских узбеков), то он, действительно, сохранился в районах компактного расселения

кипчаков, но в основном у представителей старшего поколения. Но те, кто учился в советской школе, институте, должны были перейти на йокающий говор, характерный для узбекского литературного языка, чтобы не выделяться из общей массы. Все сказанное относится и к тюркам, и к юзам, и к кураминцам, живущим в Ферганской долине, и ко всем другим компактно живущим группам. Дисперсно расселенные кипчаки, юзы, тюрки, курама и др. давно уже растворились в составе узбекского народа.

И, наконец, кипчаки в Ферганской долине, как и указанные выше группы, имеют двойственное самосознание, которое еще будет существовать некоторое время, постепенно уступая место единому самосознанию "узбек". Тот же кипчак, который беседовал, например, с Дж. Шоберлайн-Энгелом, в таджикской среде назовет себя узбеком и только узбеком. Более того, даже в узбекской среде, но за пределами своего селения он не будет особо подчеркивать, что он кипчак: представитель старшего поколения предпочтет умолчать об этом, а представитель молодого поколения просто не вспомнит о том и, может быть, даже оскорбится, если ему будут указывать на его инаковость. Но в качестве информатора, особенно если кипчак (как и юз, тюрк, курама и др.) находится при этом в своем, кипчакском, окружении, он, действительно, будет с удовольствием подчеркивать свою принадлежность к кипчакам; но опять-таки в основном представители старшего поколения. Словом, старшее поколение пока еще меняет свою самоидентификацию в зависимости от ситуации. Молодое поколение этого уже почти не делает.

Разве все сказанное выше не является свидетельством естественного сближения бывших кочевников с оседлым населением, ведущего со временем к слиянию?

Складывается впечатление, что Дж. Шоберлайн-Энгел, к сожалению, не знает ни ферганской действительности, ни советской этнографической литературы. Ибо, если бы он был знаком с работами О.А. Сухаревой, Б.Х. Кармышевой и других этнографов, он бы лучше понял, кто такие кипчаки, сарты, ходжа и не писал бы о них как об отдельных "этнических группах".

Вызывает удивление и заявление этого ученого о существовании некоего "объединенного фронта советских этнографов", который якобы пришлось "прорывать" К. Шаниязову¹⁴. Не было никакого "фронта", направленного против кипчаков и других подобных групп, а потому не было никакого "прорыва". Более того, книга о кипчаках написана К. Шаниязовым в значительной степени благодаря помощи ведущих советских ученых, специалистов в этой области, Т.А. Жданко и Б.Х. Кармышевой, учеником которых он был и сам себя таковым осознавал.

Все сказанное выше лишний раз показывает, что самоназвание "узбек" в настоящее время реально существует, и для современных носителей этого этнонима совершенно безразлично, когда, как и почему он появился в качестве именно их самоназвания. Для них это не имеет уже никакого значения. Они прожили с этим самоназванием (и самосознанием) почти 100 лет и чувствуют себя вполне комфортно, называя и осознавая себя "узбеками", гордятся тем, что они "узбеки". А значит, становление этноса состоялось.

Хороша ли, плоха ли была национальная политика в Российской империи и Советском государстве – это особый вопрос. Но объективно она привела к очень неплохим результатам. Во-первых, мы имеем в Средней Азии вполне сформировавшиеся народы со своим самоназванием, четким самосознанием, со своими государственными образованиями. Положительность этого момента, между прочим, отмечают и сами авторы, пишущие об этом вопросе.

А во-вторых, мы имеем не только тщательно собранный учеными высокого класса эмпирический материал по этническому составу населения страны, в том числе и Средней Азии (а в настоящее время собрать его почти невозможно не только потому, что по ряду причин затруднены полевые этнографические исследования, как пишут многие авторы, но и потому, что к нынешним дням население, особенно в Ферганской долине, уже утратило свои родоплеменные названия), но и (несмотря на цензуру, ограничения и тематическую заданность) целый ряд высококлассных исследований по этнической истории народов Средней Азии, которые составили славу советской

науки.

Таков краткий, далеко не полный обзор литературы по изучению этнического состава и этнической истории населения Ферганской долины.

- ¹ *Ефремов Ф.С.* Десятилетнее странствование. М., 1950. В литературе тех лет название города Коканд встречается и в написании Кукан, Кокан. Соответственно писалось и название ханства.
- ² Путешествие Мир Иззет Уллы в Кокандское ханство в 1812 г. // ТСАГУ. Новая серия. Ист. науки. 1956. Вып. 78, кн. 2. С. 41 – 52 .
- ³ *Назаров Ф.* Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. М., 1968. В цитатах из источников и специальной литературы, в названиях работ сохраняется написание “киргиз”.
- ⁴ *Потанин.* Записки о Кокандском ханстве, 1830 г. // ВИРГО., 1857. Кн. VI, ч. XVIII. С. 255 – 289 .
- ⁵ *Вельяминов-Зернов В.В.* Исторические известия о Коканском ханстве* от Мухаммеда-Али до Худояр-хана. СПб., 1856; *Он же.* Сведения о Коканском ханстве // ВИРГО., 1856. Кн. V, ч. XVIII; *Он же.* Коканское ханство по новейшим сведениям // Воен. сб. СПб., 1865.
- ⁶ *Вельяминов-Зернов В.В.* Сведения о Коканском ханстве. С. 106, 107.
- ⁷ *Макиев А.* Указ. соч. С. 18.
- ⁸ *Миддендорф А.Ф.* Очерки Ферганской долины. СПб., 1882. С. III—IV.
- ⁹ Материалы для статистики Туркестанского края. СПб., 1872. С. 3.
- ¹⁰ Ежегодник Ферганской области. Новый Маргилан. 1902. Т. 1. С. 3.
- ¹¹ *Лунин Б.В.* Историография общественных наук в Узбекистане. Био-библиографические очерки. Ташкент, 1974. С. 224.
- ¹² См. об этом: *Лунин Б.В.* Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность (конец XIX – начало XX в.). Ташкент, 1962.
- ¹³ *Макиев А.И.* Указ. соч. С. 1 – 60.
- ¹⁴ *Гребенкин А.Д.* Узбеки // Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу политехнической выставки. М., 1872. Вып. II; *Он же.* Таджики // Там же; *Он же.* Мелкие народы Заравшанского округа // Там же; *Он же.* Минг // МСТК., 1874. Вып. III.
- ¹⁵ *Хорошихин А.П.* Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876.
- ¹⁶ Сам автор, не будучи специалистом, довольно скромно оценивает свой труд: “Заметки мои имеют характер по преимуществу топографический, хотя местами касаются и этнографии края; впрочем, как в том, так и в другом случае без малейшей претензии на специальность” (*Хорошихин А.П.* Указ. соч. С. 4).
- ¹⁷ *Кун А.Л.* Очерк Кокандского ханства // ИРГО. 1876. С. 6.
- ¹⁸ Там же. С. 4.
- ¹⁹ *Ситняковский Н.Ф.* Перечисление некоторых родов киргиз, обитающих в восточной части Ферганской области // ИТОРГО. 1900. Т. II, вып. 1.
- ²⁰ *Кузнецов П.Е.* О таджиках Наманганского уезда // ИТОРГО. 1915. Вып. II, т. XI, ч. I. С. 23 – 24.
- ²¹ *Кузнецов П.Е.* О таджиках Кокандского уезда // ИТОРГО. 1916. Вып. II, т. XII. С. 349.
- ²² *Лыкошин Н.С.* Чапулдукская волость Ходжентского уезда. Опыт исследования экономических и бытовых условий жизни ее населения // Справочная книжка Самаркандской области. VIII. Самарканд, 1906.
- ²³ *Валиханов Ч.Ч.* Записки о Коканском ханстве // Соч. в 5 тт. Алма-Ата, 1961. Т. I.
- ²⁴ *Он же.* Материалы и исследования о Кашгарии // Соч. в 5 тт. Алма-Ата, 1962. Т. II.
- ²⁵ *Миддендорф А.Ф.* Указ. соч.
- ²⁶ *Наливкин В.П.* Очерки земледелия в Наманганском уезде // ТВ. 1880. № 11 – 29.
- ²⁷ *Миддендорф А.Ф.* Указ. соч. С. V.
- ²⁸ *Ujfabu K.T.* Expedition Scientifique fransause en Russie, en Siberie et dans le Turkestan. P., 1878. P. 68, 87, 95.
- ²⁹ *Миддендорф А.Ф.* Указ. соч. С. 410.
- ³⁰ *Федченко А.П.* Путешествие в Туркестан. М., 1950. С. 339.
- ³¹ *Кармышева Б.Х.* Население // Этнографические очерки узбекского сельского населения. М.,

1969. С. 34.

³² *Кушелевский В.И.* Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области: в 3 тт. Новый Маргилан, 1891. Т. I. С. IV.

³³ *Лунин Б.В.* Историография общественных наук в Узбекистане. С. 253; *Плоских В.М.* Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе, 1977. С. 21 и др. авторы.

³⁴ *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886. С. IV.

³⁵ *Наливкин В., Наливкина М.* Очерки быта женщины туземного местного населения Ферганской долины. Казань, 1886.

³⁶ *Наливкин В.П.* Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913.

³⁷ *Гейер И.И.* Весь Русский Туркестан. Ташкент, 1909.

³⁸ *Масальский В.И.* Туркестанский край. СПб., 1913.

³⁹ Там же. С. IV.

⁴⁰ Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом. СПб., 1911. Ч. I, отд. II; Ч. II, отд. I.

⁴¹ *Бартольд В.В.* Очерк истории Семиречья // Соч.: В 9 т. Т. II, ч. 1. М., 1963; *Он же.* История Туркестана // Там же; *Он же.* История культурной жизни Туркестана // Там же; *Он же.* Хлопководство в Средней Азии // Там же; *Он же.* Таджики. Исторический очерк // Там же; *Он же.* К истории орошения Туркестана // Соч.: В 9 тт. Т. III. М., 1965.; *Он же.* Фергана // Там же.

⁴² *Валбери А.* Путешествие по Средней Азии. СПб., 1865. С. 120.

⁴³ *Гордон Т.* Путешествие на Памир (главы из книги "Крыша мира"). СПб., 1877. С. 12

⁴⁴ *Гедин С.* В сердце Азии. Памир – Тибет – Восточный Туркестан. Путешествие в 1893 – 1897 гг. СПб., 1899. Т. I, II.

⁴⁵ *Skirine F.H. and Ross B.D.* The heart of Asia. A history of Russian Turkestan and the Central Asian Khanats from the Earliest Times. L., 1899.

⁴⁶ *Curtis W.E.* Turkestan. The Heart of Asia. N.Y., 1911.

⁴⁷ *Bellevue H.W.* Kashmir and Kashgar. L., 1875; *Boulger D.C.* England and Russia in Central Asia. L., 1879. Vol. 1. *Rawlinson H.* England and Russia in the East. L., 1875; *Schuyler* Turkestan., 1877. Vol. 1-2.

⁴⁸ *Ufalvy K.T.* Expedition Scientifique française en Russie, en Sibirie et dans le Turkestan. L., 1878. P. 68, 87, 95.

⁴⁹ Материалы по районированию Средней Азии. Кн. I. Территория и население Бухары и Хорезма. Ч. I. Бухара. Ташкент, 1926; Кн. II. Территория и население Бухары и Хорезма. Ч. II. Хорезм. Ташкент, 1926.

⁵⁰ *Зарубин И.И.* Население Самаркандской области. Его численность, этнографический состав и территориальное распределение. Л., 1926.

⁵¹ Современный кишлак Средней Азии. М., 1927. Т. VI, VII.

⁵² *Андреев М.С.* По этнографии таджиков. Некоторые сведения // Таджикистан. Сб. статей. Ташкент, 1925.

⁵³ Там же. С. 157.

⁵⁴ *Андреев М.С.* Поездка летом 1929 г. в Касанский район (Северной Ферганы). Ташкент, 1929.

⁵⁵ *Маллицкий Н.Г.* Учебное пособие по географии Таджикистана (Ходжентский округ). Ташкент, Сталинабад, 1930. Ч. II.

⁵⁶ *Сыдыков А.С.* Родовое деление киргиз // В.В. Бартольду. Туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927.

⁵⁷ *Иногамов Ш.И.* Этнический состав населения и этнографическая карта Ферганской долины в границах УзССР. Дисс...канд. ист. наук. Ташкент, 1959.

⁵⁸ *Винников Я.Р.* Современное расселение народов и этнографические группы в Ферганской долине // СЭС. 1959. Т. II.

⁵⁹ *Винников Я.Р.* Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии // ТКАЭЭ. 1956. Т. 1.

⁶⁰ *Кисляков Н.А.* Таджики долины Соха // Сб. статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А.А. Семенова. ТИИАЭ. 1953. Т. XVII.

⁶¹ *Кисляков Н.А.* Некоторые материалы по этнографии исфаринских таджиков // ИАН АН ТаджССР. ООИ, 1954. Вып. 5.

⁶² *Давидович Е.А., Литвинский Б.А.* Археологический очерк Исфаринского района // ТИИАЭ. 1956. Т. XXXV, С. 210.

⁶³ *Турсунов Н.О.* Сложение и пути развития городского и сельского населения Северного

Таджикистана XIX – начала XX в. (историко-этнографические очерки). Душанбе, 1976.

⁶⁴ Вахабов М.Г. Формирование узбекской социалистической нации. Ташкент, 1965.

⁶⁵ Кармышева Б.Х. Этнографическая группа "тюрк" в составе узбеков (историко-этнографические данные) // СЭ 1960. № 1.

⁶⁶ Шаниязов К.Ш. К этнической истории узбекского народа (историко-этнографическое исследование на материалах кипчакского компонента). Ташкент, 1974; *Он же*. Кипчаки в узбекской этнической среде в дооктябрьский период // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М., 1980.

⁶⁷ Толстова Л.С. Каракалпаки Ферганской долины (историко-этнографический очерк). Нукус, 1959.

⁶⁸ Толстова Л.С. Каракалпаки за пределами Хорезмского оазиса в XIX – начале XX в. Нукус; Ташкент, 1963.

⁶⁹ Усенбаев К. Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства (XIX – до присоединения Киргизии к России). Фрунзе, 1961.

⁷⁰ Плоских В.М. Очерки патриархально-феодальных отношений в Южной Киргизии (50 – 70-е годы XIX в.). Фрунзе, 1969; *Он же*. Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе, 1977.

⁷¹ *Он же*. Киргизы и Кокандское ханство. С. 221.

⁷² Там же. С. 213.

⁷³ Там же. С. 222.

⁷⁴ Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. М., 1971.

⁷⁵ Антипина К.И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962; *Она же*. Ворсовое ткачество // Народное декоративно-прикладное искусство киргизов. ТКАЭЭ. 1968. Т. V.

⁷⁶ Воронина В.Л. Жилище народов Средней Азии и климат // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982.

⁷⁷ Гамбург Б.С. К характеристике орудий земледельцев Ферганской долины и Ташкентского оазиса конца XIX – первой четверти XX в. // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии. М., 1975.

⁷⁸ Джаханов У. Земледелие таджиков долины Соха в конце XIX – начале XX в. Душанбе, 1989.

⁷⁹ Захарова И.В. Материальная культура уйгуров Советского Союза // СЭС. 1959. Вып. II.

⁸⁰ Пещерева Е.М. Гончарное производство Средней Азии // ТИЭ. Новая серия. Т. XLII. М.; Л., 1959.

⁸¹ Писарчик А.К. Некоторые данные по исторической топографии городов Ферганы // ТИИАЭ. 1956. Т. XLII; *Она же*. Строительные материалы и приемы мастеров Ферганской долины // СЭС. 1954. Вып. I; *Она же*. Традиционные способы отопления жилищ оседлого населения Средней Азии в XIX – XX вв. // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982.

⁸² Рассудова Р.Я. К истории одежды оседлого населения Ферганского, Ташкентского и Зеравшанского регионов // Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. СМАЭ. 1978. Т. XXXIV; *Она же*. Шелководство в системе хозяйства оседлого населения Ферганы // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Л., 1980; *Она же*. К истории женской одежды Ферганы и Ташкента (XIX — начало XX в.) // Полевые исследования Института этнографии, 1979. М., 1983; *Она же*. Сравнительная характеристика мужской одежды Ферганско-Ташкентского региона. XIX – XX вв. // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М., 1989.

⁸³ Сухарева О.А. Тибетейки // Народное декоративное искусство Советского Узбекистана. Ташкент, 1954; *Она же*. Художественные ткани // Художественные народные промыслы Советского Узбекистана. Текстиль. Ташкент, 1954; *Она же*. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии // СЭС. 1954. Т. I; *Она же*. Опыт анализа покровов традиционной "туникообразной" среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции // Костюм народов Средней Азии (историко-этнографические очерки). М., 1979; *Она же*. История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX – начало XX в.). М., 1982.

⁸⁴ Ершов Н.Н., Кисляков Н.А., Пещерева Е.М., Руслякина С.П. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. М.; Л., 1954.

⁸⁵ Ершов Н.Н. Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией (историко-этнографический очерк). Сталинабад, 1960.

⁸⁶ Сухарева О.А., Бижанова М.А. Прошлое и настоящее селения Айкыран (опыт этнографического изучения колхоза им. Сталина Чартакского района Наманганской области).

Ташкент, 1955.

- ⁸⁷ Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1962. Т. I; М., 1963. Т. II.
- ⁸⁸ *Поливанов Е.Д.* Материалы по грамматике узбекского языка. Введение. Ташкент, 1935. Вып. I.
- ⁸⁹ *Расторгуева В.С.* Очерки по таджикской диалектологии. М., 1952—1961. Вып. 1, 2, 3, 4; *Она же.* Опыт сравнительного изучения таджикских говоров. М., 1964.
- ⁹⁰ *Благова Г.Ф., Данияров Х.Д.* Говоры "гюрков" Узбекистана в отношении к языку староузбекской литературы // ВЯ. 1966. № 6.
- ⁹¹ *Садуакасов Г.С.* Язык уйгуров Ферганской долины. Алма-Ата, 1970; *Она же.* К вопросу о взаимодействиях уйгурских и узбекских говоров Ферганы // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана, М., 1980.
- ⁹² *Троицкая А.Л.* Каталог архива кокандских ханов XIX в. М., 1968.
- ⁹³ *Иванов П.П.* Казахи и Кокандское ханство // ЗИВ. 1939. Т. VII; *Она же.* Очерки по истории Средней Азии (XIV – середина XIX в.). М., 1958.
- ⁹⁴ *Набиев Р.Н.* Из истории Кокандского ханства (феодалное хозяйство Худояр-хана). Ташкент, 1973.
- ⁹⁵ *Бейсембиев Т.К.* "Та'рих-и Шахрухи" как исторический источник. Алма-Ата, 1987.
- ⁹⁶ *Кисляков Н.Н.* Очерки по истории Каратегина. К истории Таджикистана. Сталинабад, 1954.
- ⁹⁷ *Искандаров Б.И.* Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России. Сталинабад. 1960; *Она же.* Восточная Бухара и Памир во 2-й половине XIX в, Душанбе, 1962 – 1963. Ч. I, II.
- ⁹⁸ *Чевыр Л.А.* Уйгуры Восточного Туркестана и соседние народы в конце XIX – начале XX в. (очерки историко-культурных связей). М., 1991.
- ⁹⁹ *Литвинский Б.А.* Исторические судьбы Восточного Туркестана и Средней Азии (проблема этнокультурной общности) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. М., 1984.
- ¹⁰⁰ *Рахматуллаев Х.* Динамика этнической структуры населения узбекской части Ферганской долины (конец XIX – начало XX в.). Дисс. канд. ист. наук. М., 1988; *Она же.* Динамика этнической структуры сельского населения Ферганской долины // Расы и народы. Ежегодник. М., 1988. Вып. XVIII.
- ¹⁰¹ *Губаева С.С.* Этнический состав населения Ферганы в конце XIX – начале XX в. (по топонимическим данным). Ташкент, 1983; *Она же.* Основные направления этнических процессов в Ферганской долине в конце XIX – начале XX в. (к проблеме поздних этапов этнической истории Средней Азии). Ташкент, 1991; *Губаева С.С.* Горные таджики Каратегина в Ферганской долине (конец XIX – начало XX в.) // СЭ. 1987 № 1 и др.
- ¹⁰² *Бушков В.И.* Население Северного Таджикистана: формирование и расселение. М., 1995.
- ¹⁰³ *Ильхамов А.* Предисловие // Этнический атлас Узбекистана. Ташкент, 2001. С. 9.
- ¹⁰⁴ *Сапаралиев Д.Б.* Этнополитическая история Оша и его окрестностей с XVIII до середины XIX в. Бишкек, 1999. С. 9 – 10.
- ¹⁰⁵ *Ильхамов А.* Археология узбекской идентичности // Этнический атлас Узбекистана. С. 288.
- ¹⁰⁶ *Holdsworth M.* Turkestan in the nineteenth century. A Brief History of the Khanats of Bukhara, Kokand and Khiva. L. 1959; *Bacon E.* Central Asians under Russian rule. A study in culture change/ N. Y., 1968; *Шоберлайн-Энгел Дж.* Перспективы становления национального самосознания узбеков // Восток. 1997. № 3; *Шевяков А. И.* О статье д-ра Д. Шоберлайн-Энгела "Перспективы становления национального самосознания узбеков" // Восток. 1998. № 6; *Абашии С.Н.* О самосознании народов Средней Азии (как Александр Игоревич поспорил с Джоном) // Восток. 1999. № 4; *Сапаралиев Д.Б.* Указ. соч.; *Абашии С.Н.* Миндонцы в XVIII – XX вв. История меняющегося самосознания // Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы. Ежегодник. М., 2001. Вып. 27.
- ¹⁰⁷ *Ильхамов А.* Предисловие. С. 9.
- ¹⁰⁸ *Herzfeld M.* Cultural Intimacy: Social Poetics in Nation-State. L., 1977. P.5.
- ¹⁰⁹ *Foucault M.* The Archeology of Knowledge. N.Y. 1972; *Ильхамов А.* Археология узбекской идентичности. С. 295.
- ¹¹⁰ *Кармышева Б.Х.* "Кочевая степь" Мавераннахра и ее население в конце XIX в. (по этнографическим данным) // СЭ. 1980. № 1. С. 46.
- ¹¹¹ Подробнее об этом, а также о факторах, способствовавших этому процессу см.: *Губаева С.С.* Этнический состав населения Ферганы; *Она же.* Население Ферганской долины.
- ¹¹² *Шоберлайн-Энгел Дж.* Указ. соч.
- ¹¹³ *Шаниязов К.Ш.* К этнической истории узбекского народа. С. 190.
- ¹¹⁴ *Шоберлайн-Энгел Дж.* Указ. соч. С. 57.

ЭТНИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ФЕРГАНЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Основные этапы политической и этнической истории позднефеодальной Ферганы.

Этническая ситуация, имевшая место в Фергане конца XIX – начала XX века, стала складываться задолго до этого времени. Рассмотрим основные моменты политической истории, непосредственно предшествовавшие сложению ее, а именно период возникновения и укрепления Кокандского ханства и вхождения Ферганской долины в состав России.

Фергана превратилась в самостоятельную политическую единицу во второй половине XVIII в., хотя выделение (и обособление) ее из состава государства Аштарханидов имело место уже в конце XVII в.¹ В 1710 г. власть в Фергане захватил Шахрух-бий из узбекского племени минг, и основанная им династия правила этим краем вплоть до присоединения его к России. Основателем же Кокандского ханства считается Алим-хан (годы правления: 1799 – 1809²) не только потому, что он первый из ферганских правителей принял титул хана³, но и потому, что он сумел собрать, распавшееся было государство, расширить и укрепить его.

Вначале Кокандское ханство ограничивалось территорией только равнинной части Ферганы: кыргызские племена, кочевавшие в горах и предгорьях, были независимы. Но с конца XVIII в. они начинают постепенно попадать под власть ферганских правителей. Горные районы, окружавшие Фергану, представляли серьезный интерес для Коканда. Через них проходили пути, связывавшие долину с сопредельными территориями: Ташкентским и Ангренским оазисами, Таласом и Семиречьем, Кашгаром и горными областями современного Таджикистана. Поэтому Алим-хан предпринимает ряд военных действий против кыргызских биев. При брате и преемнике его Умар-хане (годы правления: 1809 – 1822⁴) было завершено покорение ближайших к Фергане кыргызских территорий, в частности, верховьев Нарына и районов, лежавших

на юго-востоке долины⁵. При Мадали-хане (годы правления: 1822 – 1846⁶) под власть Коканда попадают кыргызы Алая, бассейна Иссык-Куля вплоть до границ Кашгари⁷, хотя подчинение кыргызов Коканду, особенно южных, было чисто внешнее, и ханы вынуждены были считаться с ними⁸.

Политическое подчинение кыргызских племен кокандским ханам мало что изменило в существовавшей этнической ситуации Ферганы позднего времени. Так, кыргызов, перемещавшихся в Фергану, начиная уже с XVI в.⁹, связывали с оседлыми жителями тесные хозяйственные контакты задолго до возникновения Кокандского ханства.

При Алим-хане были завоеваны и присоединены к Кокандскому ханству Чимкентский и Ташкентский оазисы. Ташкент, которым во второй половине ХУШ в. управляли казахские ханы, играл в то время важную роль в торговле Средней Азии с Россией и казахскими степями¹⁰ и представлял особый интерес для молодого, набирающего силу Кокандского ханства. Умар-хан еще больше расширил свои северные и северо-западные владения. При нем в Кокандское ханство вошли почти весь бассейн средней и нижней Сырдарьи, а также обширные степи от Аральского моря до реки Или, принадлежавшие казахам Старшего и Среднего Джузов.

Уже при Алим-хане начались попытки овладеть районами Ура-Тюбе и Джизака. Расположенные у входа в Ферганскую долину, они имели важное стратегическое значение не только для Кокандского, но и для Бухарского ханств, и борьба за обладание ими велась непрерывно с переменным успехом вплоть до присоединения Средней Азии к России. Эти политические события не могли не сказаться на усложнении этнической ситуации в Фергане. Присоединение к ханству новых земель сопровождалось миграциями в Фергану (часто принудительными) населения вновь захваченных территорий.

Кокандские ханы пытались расширить свои владения и на востоке. В XVII в. и особенно в XVIII и первой половине XIX в. они активно вмешивались во внутренние дела соседней Кашгари, находившейся под властью Китая. Кокандцы не только предоставляли убежище кашгарским ходжам, которые в

течение всего этого периода вели борьбу за власть в Кашгарии, но и подстрекали их к борьбе, оказывали им материальную помощь, предоставляли людей для очередного похода и даже сами принимали участие в них. Хотя Кашгария так и не была присоединена к Кокандскому ханству, Коканд имел на нее большое политическое и экономическое влияние. А главное, в период этих фергано-кашгарских взаимоотношений в Фергану прибывали большие группы кашгарцев (уйгуров), которые, в силу своей многочисленности, оказали серьезное влияние на течение этнических процессов в Ферганской долине.

Одним из направлений экспансии Кокандского ханства, превратившегося в первой четверти XIX в. в сильное среднеазиатское государство, были и таджикские горные владения. Кокандцы в течение почти всего XIX в. (вплоть до 70-х годов) не раз находили повод для вмешательства во внутренние дела таких горных стран, как Матча, Каратегин, Дарваз, Шугнан, Куляб и др., что кончалось часто захватом их¹¹. Правда, подчинение большинства горных областей было временным, непрочным и часто номинальным. И, тем не менее, число переселенцев из этих районов в Фергану было так велико, что это также имело значение для усложнения этнической ситуации в Ферганской долине.

Как отмечалось, относительная отдаленность и изолированность Ферганы сделали этот край местом, куда стекались беженцы из других, более беспокойных территорий Мавераннахра. Еще в период восстановления политической целостности Бухарского ханства при последнем аштарханиде Абуль-Фейз-хане в 1711 – 1747 гг., усилилась междоусобная борьба, сопровождавшаяся мятежами, грабежом, насилием. Длилось это в течение многих лет и привело к почти полному разорению и запустению этого края. Население же Бухары, Самарканда и окрестных селений бежало в более спокойные районы, в первую очередь, Фергану¹². Только в 1717 г. из Самарканда в Фергану переселилось несколько тысяч человек¹³.

Создание централизованного феодального государства дало возможность кокандским ханам объединить и использовать имеющиеся в крае ресурсы, что

благотворно повлияло на экономическое развитие края. Уже при Умар-хане, а затем при последующих правителях в Фергане создается широкая сеть оросительной системы, в том числе такие крупные каналы, как Шахрихансай, Янгиарык, Чинабад, Улугнар, Мусульманкул. Осваиваются в связи с этим значительные площади пустовавших раньше земель. При этом ханами практиковалось заселение этих земель не только ферганцами¹⁴, но и населением тех владений Кокандского ханства, которые лежали за пределами Ферганской долины: Ташкентского, Ангренского, Ура-Тюбинского, Зааминского оазисов, Каратегина и т.п.¹⁵ Именно с массовыми переселениями в XVIII – XIX вв. связано возникновение значительной части ферганских оазисов, особенно в центральной части долины.

Оживляется в это время сельская и особенно городская жизнь, расширяются ремесленное производство, торговля, усиливаются хозяйственные связи с кочевниками, растет культура, углубляется процесс общественного разделения труда, развиваются товарно-денежные отношения, хотя, как писал В.В.Бартольд, “при (кокандских – С.Г.) ханах натуральное хозяйство преобладало над денежным”¹⁶. Растут города. По мнению В.В.Бартольда, “города в том виде, как их застали русские, – Коканд, Андижан и новый город Наманган (еще в XVII в. бывший деревней) – всецело были созданы кокандскими ханами”¹⁷. Экономический рост обусловил приток в Фергану ремесленников, строителей и других специалистов из самых разных районов. Военные победы обеспечили ханство и рабами, хотя в Коканде сила рабов использовалась меньше, чем наемная, в отличие от других среднеазиатских ханств¹⁸. Словом, “Фергана в экономической и культурной жизни Туркестана заняла при кокандских ханах выдающееся место, какого никогда не занимала прежде и которое вполне могла сохранить и при русском владычестве”¹⁹.

После завоевания в 1876 г. Кокандского ханства царскими войсками²⁰ восточная часть Ферганской долины, входящая ныне в состав Узбекистана и Кыргызстана, вошла в состав Российской империи как “Ферганская область”, а западная часть (ныне большая часть Ходжентской области Таджикистана)

вошла в состав России под названием “Ходжентский уезд” Самаркандской области.

Завоевание Средней Азии было, как известно, продиктовано как военно-стратегическими планами царизма в Средней Азии, а именно обострением англо-русского соперничества в этой части Востока, так и потребностями набирающего силу российского капитализма в расширении рынков сбыта и источников сырья.

Ферганская долина имела для России особое стратегическое и экономическое значение. Она была непосредственным соседом Кашгарии, которая представляла интерес и для России, и для Англии, так как через нее пролегал один из важнейших торговых путей, ведущих из Средней Азии в Индию²¹. На юге Ферганская долина граничила с припамирскими странами, на которые опять-таки имели виды и Россия, и Англия²². Фергана давно привлекала царскую Россию и как один из самых развитых экономических районов Средней Азии. Кроме того, климатические условия, подходящие для развития здесь хлопководческого хозяйства, должны были благоприятствовать превращению Ферганы в основной источник хлопкового сырья для развивающейся промышленности России.

Присоединение Ферганской долины к России и создание здесь района монокультуры хлопка ускорило развитие производительных сил края, способствовало окончательному переходу полунатурального хозяйства, которое существовало при кокандских ханах, в товарно-денежное. Этот край раньше других среднеазиатских областей Русского Туркестана был вовлечен в орбиту капиталистических отношений, что не могло не отразиться на течении этнических процессов в Фергане. Кроме того, в этот период сюда прибывают новые этнические группы из внутренних губерний России (русские, украинцы, белорусы, татары, башкиры и др.), часть из которых говорила на языках славянской группы и исповедовала христианство. Это не могло не усложнить этническую ситуацию в Ферганской долине и не сказаться на течении этнических процессов в этом крае.

Численность и национальный состав населения Ферганской долины. Языковая и конфессиональная характеристики

К концу XIX в. в Ферганской долине сложилась довольно сложная этническая ситуация, чему содействовали и факты политической истории края, и многие другие факторы. Разобраться в этой ситуации помогают материалы переписей, статистических обзоров и других подобных данных.

В Кокандском ханстве не было точных, периодически обновляемых переписей населения. Попытки собрать сведения о числе жителей в крае, если даже и имели место, носили эпизодический и произвольный характер и связаны были, видимо, с экстремальными условиями. После же присоединения Ферганы к России царская администрация только-только образованной Ферганской области с первых же лет собирает сведения об этнографическом составе и численности населения в этом крае, так как понимала, что от этого зависит успех колонизации²³.

Ежегодно, начиная с 1882 г., выпускаются статистические отчеты, обзоры Ферганской области, в которые включаются и данные об этническом и численном составе населения. Но отсутствие традиций вести точный учет родившимся и умершим в Кокандском ханстве затрудняло сбор сведений о населении и в колониальный период. Тем более, что, как отмечал В.И. Кушелевский, считать людей в глазах местных жителей значило навлечь на страну какое-нибудь бедствие²⁴. Кроме того, полукочевая жизнь части населения, страх перед воинскими повинностями, налогообложениями, боязнь некоторых этнических групп быть выселенными из края заставляли людей избегать переписей или давать заниженные сведения. Поэтому и в колониальный период не мог быть во всей полноте учтен численный и этнический состав населения области. В результате статистические сведения о населении края были столь разноречивы, что вызывали сомнения в их достоверности у многих исследователей того времени²⁵. И, тем не менее, эти

первые статистические источники могут нам дать представление об этнодемографических процессах в Ферганской долине колониального периода.

По Первой всеобщей переписи 1897 г. общее число населения Ферганской области Русского Туркестана равнялось 1569782, а плотность населения определялась в 19,34 человека на одну кв. версту, что, кстати, было много выше, чем в остальных областях Туркестанского края (в Самаркандской области плотность составляла 14,19 человек, в Сырдарьинской – 3,26, в Семиреченской – 2,84, в Закаспийской – 0,72)²⁶. В течение последующих 10 лет, т.е. к 1907 г. численность населения в области увеличилась на 24%. Общее число стало составлять 1950334 человека, а плотность – около 24,03 человека на одну кв. версту²⁷. Столь стремительный рост населения определялся не только естественным приростом, но и миграциями, явившимися следствием присоединения Ферганы к России. В результате Ферганская долина в колониальный период стала одним из основных районов этнического смешения в Русском Туркестане.

Дать эволюцию национального состава населения Ферганы несколько труднее. Первая всеобщая перепись имела массу недостатков²⁸, одним из которых была фиксация жителей не по этническому признаку, а по родному языку. Воспользуемся в связи с этим сведениями об этническом составе населения этого периода, приведенными в отчетах ревизии Туркестанского края, проведенной в 1907 г. В них, по свидетельствам авторов, результаты вышеуказанной переписи были откорректированы с помощью различных данных об этническом составе населения Ферганы: литературных источников, статистических отчетов и даже сообщений знатоков края.

Итак, в 1897 г. в Ферганской области Русского Туркестана этнический состав населения был следующим: сартов было 828080 человек, что составляло 52,69% всех жителей края; кыргызов 423639 человек, или 26,3%; узбеков (полукочевых – С.Г.) – 153780, или 9,78%; таджиков – 114081, или 6,62%; каракалпаков – 25971, или 1,65%; русских – 9848, или 0,63%; прочих – 16821, или 1,72%²⁹. В 1907 г. сартов было зарегистрировано уже 1220562 человека,

что составляло примерно 62,5% всего населения; кыргызов – 208553, или 10,6%; узбеков (полукочевых) – 27393, или 1,4%; таджиков – 108998, или 5,5%; каракалпаков – 312993, или 1,5%; русских – 24346, или 1,24%³⁰. Кроме этих основных народностей в Фергане 1907 г. было зарегистрировано уйгуров – 56857 человек, среднеазиатских евреев – 3127, татар – 1333, среднеазиатских арабов – 957, персов – 866, дунган – 690, индусов – 351³¹.

Как видим, самой многочисленной народностью в Ферганской области Русского Туркестана были узбекоязычные сарты, что обусловило соответствующую направленность этнических процессов. За десятилетие их число увеличилось на 10% и, думается, что не только за счет естественного прироста и миграций, но в значительной степени и за счет поглощения ими представителей других более мелких этнических групп. Например, численность полукочевых узбеков уменьшилась за этот период более, чем в 5,5 раз, кыргызов – на 41328 человек, т.е. почти на 9%. Так резко сократиться их число могло, в первую очередь, за счет слияния с сартами, хотя не следует сбрасывать со счетов и миграции, и несовершенство статистических подсчетов. В то же время число таджиков сократилось всего на 5083 человека, а каракалпаков стало даже несколько больше, чем было.

Сохранение определенной целостности тех и других можно объяснить многими факторами, в том числе и особенностями расселения. Каракалпаки, например, поселялись в Фергане довольно компактными группами преимущественно вдоль Сырдарьи, в стороне от основной массы местного населения, в частности, сартов. Небольшие группы полукочевых узбеков и сартов появились в районе расселения каракалпаков позднее и, скорее, сами чувствовали себя в инонациональной среде. Поэтому, если и имел место в этих районах ассимиляционный процесс, то вероятнее всего, что узбеки и сарты должны были поглощаться каракалпаками, а не наоборот.

Значительная часть таджиков также жила компактными группами в предгорных селениях Наманганского уезда и в южных волостях Маргиланского уезда. В Ходжентском уезде (в той ее части, что находилась на территории

Ферганской долины), по подсчетам В.И.Бушкова, в конце XIX в. таджиков было 46218 человек, или более 67% всего населения, узбеков (имеется в виду узбекоязычное население) – 24407 человек, или более 33%. Такое соотношение, естественно, влияло и на течение здесь этнических процессов. Основным ассимилятором в этом районе были таджики³².

По данным переписи 1897 г. большая часть населения Ферганской области, а именно 1411553 человека, или 91,05% говорила на языках тюркской группы: узбекоязычные сарты, полукочевые узбеки, кыргызы, уйгуры, каракалпаки, казахи, татары. На языках иранской группы говорили 114081 человек, или 7,26%; на языках славянской группы – 9842, или 0,63%, на прочих языках – 16738, или 1,06%³³. В Ходжентском уезде на языках тюркской группы говорило чуть более 33%, на языках же иранской группы – более 67%.

Почти все население исповедовало ислам суннитского толка – 99,03%. Христианство исповедовало 0,78%, иудаизм – 0,18%³⁴.

Таким образом, для Ферганы конца XIX – начала XX в. характерен был усиленный рост населения. На динамику численности оказали свое влияние как естественные факторы, так и механические. Но особенно велика была роль миграций. Прилив разнородного и разноязыкого люда, увеличивавший помимо всего плотность населения, еще более усложнил и без того непростую этническую ситуацию в крае. Особенно пестрым и скученным было население городов. Все это создало благоприятные условия для межэтнических контактов, для более интенсивного культурного и физического смешения населения Ферганы и оказало серьезное влияние на процессы консолидации, ассимиляции и интеграции. Близость языков и исповедание единой религии лишь интенсифицировали эти процессы, во всяком случае, не мешали их естественному течению.

Социально-экономические факторы этнических процессов

а) Природно-хозяйственные зоны и межхозяйственные связи народов Ферганской долины

Одним из важнейших факторов, оказавших серьезное влияние на ход этнических процессов в Фергане колониального периода, было начало развития здесь капитализма³⁵. Но прежде, чем перейти непосредственно к интересующему нас периоду становления капиталистических отношений, необходимо рассмотреть те межхозяйственные связи, сопровождавшиеся этнокультурным взаимопроникновением, которые складывались в этом крае на протяжении веков и в значительной степени сохранились в первые десятилетия колониального периода³⁶.

Разнообразная в природном отношении, Ферганская долина, тем не менее, представляла единый хозяйственный комплекс. В различных природно-хозяйственных зонах ее развивались разные типы хозяйства, которые не просто сосуществовали, а взаимно обуславливали и дополняли друг друга. Большую роль в жизни Ферганы позднефеодального периода, как и во всей Средней Азии, играло взаимодействие оседлого и кочевого (полукочевого) населения, бывшее, как писала Б.Х.Кармышева, “одним из существенных факторов, определивших весь ход экономического, политического, культурного и этнического развития Мавераннахра эпохи феодализма”³⁷.

З е м л е д е л и е. Фергана традиционно считается одним из самых древних оазисов Средней Азии. Но, по тонкому замечанию В.С.Батракова, как единый оазис она сформировалась только в начале XIX в., с созданием здесь централизованного феодального государства, Кокандского ханства, расширением в связи с этим ирригационных сооружений и освоением целинных земель³⁸. До начала же XIX в. она состояла из ряда отдельных оазисов, расположенных по берегам горных рек Ходжабақырган, Исфана, Исфара, Сох, Шахимардан, Исфайрам, Араван. Акбура, Куршаб, Карадарья, Нарын, Касан, Ашт и др. Сырдарья, несмотря на то, что была одной из самых крупных и полноводных рек Средней Азии, тем не менее, для орошения

ферганских земель почти не использовалась из-за высоких и крутых берегов. Только в местах относительно пологих существовало каирное земледелие. Во второй половине XIX в. и особенно в период пребывания Ферганы в составе Русского Туркестана зона поливного земледелия увеличилась. Оазисы вобрали в себя значительную часть каменисто-щебнистых равнин и солончаков, служивших раньше лишь скудными пастбищами.

Наиболее благоприятные условия для ведения интенсивного земледелия были, естественно, в речных долинах и предгорных равнинах, кольцом окружавших центральную часть долины, менее подходящую для земледельческого хозяйства. Почвенно-климатические условия предгорных равнин и обилие воды благоприятствовали развитию здесь таких высокоинтенсивных культур, как хлопчатник, рис, фруктовые деревья, виноградники. На поливных землях, кроме того, культивировали и зерновые (озимую пшеницу, ячмень, просо, кукурузу, джугару – сорго), масличные (лен, кунжут, клещевину), бобовые (маш, фасоль, горох), огородные (лук, морковь, репу, редьку, огурцы, кориандр, базилик и др.), бахчевые (арбузы, дыни, тыкву), кормовые (люцерну).

Несмотря на одинаковые условия для земледелия по всему этому кольцу, размещение тех или иных культур по всей долине было неодинаковым, что объясняется как географическими, так и историческими причинами. Так, например, рис – одна из любимых культур местного населения – выращивался практически везде, где было достаточно воды и позволяли топографические условия (преимущественно в присырдарьинских районах, а также у выхода горных рек в равнину). И каждый рисосеящий район не только снабжался в основном своим рисом, но и обеспечивал им близлежащие безрисовые территории. Исфара снабжала рисом Канибадам, Бешарык, Яйпан и даже Коканд³⁹. Рис из Камышкурмана поставлялся на рынки Бешарыка, Ашта, Пангоза, Ашобы⁴⁰. Присырдарьинские селения Майгир и Джумашуй обеспечивали рисом многие волости Андижанского (Балыкчинскую, Шахриханскую и др.) и Наманганского (Тюракурганскую, Шаханскую и др.)

уездов⁴¹. Рис из равнинных районов Ошской и Араванской волостей получали Андижан, Ассака, а также кыргызы предгорий⁴² и т.д.

Особенно же благоприятными для возделывания этой культуры были долины рек Карадарьи и Куршаба. Здесь было не только достаточно воды, но и чернозема, который, по свидетельству информаторов, – лучшая почва для риса. По всей долине славился рис из Узгена (город на берегу Карадарьи), а на втором месте по известности был рис из Джалалабада, вернее, из селения Сузак в окрестностях этого города, которое находится у впадения речки Караморт в Карадарью. Не случайно Андижанский уезд, на территории которого были расположены Узген и Джалалабад, до революции стоял на первом месте в Ферганской области Русского Туркестана по выращиванию риса. Рисовые посевы занимали здесь 47,89% всей посевной площади⁴³.

Для садов и виноградников природные условия также были благоприятными по всей долине, но больше культивировались они на западе ее. Такое положение В.С.Батраков объясняет историческими условиями, а именно более ранним освоением запада Ферганы, причем согдийцами, принесшими с собой культуру фруктовых деревьев и виноградников⁴⁴. При этом юго-западные районы (Ходжент, Канибадам, Исфара, Сох, Риштан) специализировались преимущественно на выращивании абрикосовых деревьев. Например, в селениях Шанхай и Ханабад Исфаринской волости 98,4% садовой площади были заняты абрикосовыми деревьями и только 1,6% приходилась на виноградники⁴⁵. Сушеный урюк из этих районов считался лучшим в Средней Азии и вывозился не только в различные районы ее, но даже в Россию. А об исфаринском и канибадамском миндале упоминал в своих мемуарах даже Бабур⁴⁶. Прекрасными были и ходжентские гранаты, но маргиланские во времена Бабура считались все же лучшими⁴⁷.

Туговое дерево (шелковица) растет почти по всей Ферганской долине, особенно в предгорных районах, на территории древних оазисов. Но больше всего выращивали шелковицу, по словам информаторов, в Сохском и

Исфаринском районах, причем в основном ради листьев, которые являются основной пищей гусениц шелкопряда.

Аштский и Наманганский оазисы (в северо-западных и северных предгорьях Ферганы) также славился своим тутовником. Но здесь он выращивался в основном ради получения ягод⁴⁸, которые широко употреблялись местным населением не только в свежем, но и сушеном виде (*тут маиз*), и в толченом (*толкон*) для добавок в тесто, и в прессованном (*калонканд**). Излишки продавались не только в окрестностях Ашта, но и далеко за пределами его: Ходжентском, Кокандском, Наманганском, Ангренском и даже Ташкентском оазисах⁴⁹.

Плоды тута охотно покупало как оседлое, так и кочевое население, считая их полезными для почек, печени, легких, селезенки, кишечника. Тут маиз обычно брали с собой в дорогу вместе с обжаренными кусочками теста (*баурсак*), а калонканд употребляли вместо сахара, причем чаще растворенным в чае, так как в нем попадались мелкие камешки и песок, прилипившие к плодам во время сбора их.

В северо-западных оазисах (Ашт, Пангаз, Пап, Чуст, Ахсикент, Наманган), кроме тута, хороши были яблоки, виноград, груши. Фрукты этих районов охотно раскупались и в Маргилане, Коканде, и даже Ташкенте. Причем на базарах они объявлялись как “наманганские”. Вывозили отсюда и кишмиш (изюм). По словам информаторов, фрукты в Наманганском уезде были хороши потому, что здесь был чистый воздух, сухая, без подпочвенных вод земля, горная (снеговая) вода, которая считалась более подходящей для полива, по сравнению с родниковой^{**}, а также отсутствие горячих ветров, которые часто дуют в центре долины и на юге ее. Хороши были в Наманганском уезде и

---

* Калонканд делали следующим образом. Толокно из сушеных ягод тута засыпали в хумы и утрамбовывали деревянным пестом или рукой. При этом оно спрессовывалось настолько, что извлечь его можно было, только разбив хум. Подавался на стол в нарезанном виде.

** Стекавшую с гор воду местные жители называют созревшей (*тишган сув* – букв. “созревшая вода”) в отличие от родниковой. “Созревание” якобы достигается тем, что когда она бежит с гор, ударяется о громадные камни. И чем больше она ударяется о камни, тем мягче и лучше она становится. Поэтому горная вода мягкая, считают информаторы, а родниковая – жесткая. Горную воду называют еще *нар-сув*, т.е. “самец-вода”.

грецкие орехи, хотя орехи из Арсланбоба (горное селение на северо-востоке долины) все же считались лучшими.

Земли, расположенные вдоль крупных рек – Сырдарьи, Карадарьи, Нарына, – а также вдоль крупных каналов и вокруг родников, имели высокий уровень грунтовых вод и не нуждались в искусственном орошении. Кроме того, аллювиальные почвы в этих районах отличались высокой плодородностью. Но здесь сталкивались с иными трудностями, а именно с необходимостью осушать заболоченные участки, вырубать камыш и тугайные леса. В заболоченных поймах указанных рек кипчаки и каракалпаки занимались в основном каирным земледелием и сеяли рис, пшеницу, просо, джугару, а также в незначительном количестве маш (среднеазиатская чечевица), горох, огородные.

Обработка каменисто-щебнистых равнин, или какыров, как называют их местные жители, представляли для земледельца значительную трудность. Но трудолюбивый крестьянин сумел приспособить для земледелия и их*. Сеяли здесь преимущественно пшеницу, джугару, кукурузу, бобовые. Хлопок выращивался в очень незначительном количестве.

В первой половине XIX в. большие пространства солончаковой пустыни служили в основном зимними пастбищами для скотоводов. Но уже при кокандских ханах с расширением оросительной системы значительная часть солончаковых степей была приведена в пригодное для земледелия состояние путем выщелачивания их. Крестьяне использовали для вымывания солей зимние поливы, обедя предварительно поля заурами (коллекторными каналами, собирающими остаточные и сбросовые воды после поливов полей).

---

* Какыр – буквально “каменистое поле”. Степень трудоемкости обработки какыра выразительно описана Ю.Давыдовым: “Какыр – это сверху камень, крупная галька или, вернее, булыжник. Есть экземпляры по полтора – два пуда, а в среднем каждый камень весит 5 – 10 фунтов. И этот камень убирается вон руками. Земля сверху обнажается. Эту работу один дехканин проделал на одном танапе (5,5 танапов равнялись одному гектару – С.Г.) в течение 10 дней. Потом слегка пропахал землю омачом (пахотное орудие, не отваливающее землю, а только рыхлящее – С.Г.). Камни опять покрыли землю. Он опять 10 дней убирал их. Опять пропахал омачом. И так 10 раз. 50 арб сvez с одного танапа. Работал год и только после этого заседал... Возделываемую землю достаточно копнуть лопатой и опять упрешься в камень. Иные после уборки возят на поля землю и застилают ею свои танапы... Снявши урожай, этой почве надо лет пять отдохнуть, а так как процессом вымывания земля понемногу сносится водой и частью уносится ветром, то через некоторое время камни снова обнажаются, и надо вновь и вновь очищать от них землю... Сеют на какыре раз в 5–6 лет. В остальное время его используют под скудные пастбища”⁵⁰.

По мнению А.Ф.Миддендорфа, даже плодородные оазисы Ферганы образовались в свое время таким образом⁵¹. Так были освоены территории обширного Кокандского оазиса, а также восточной оконечности солончаковой степи (Язъяванский, Бозский, Шахриханский оазисы).

Одной из первых культур, которую стали выращивать на солончаках, была люцерна⁵². Со временем сюда начали проникать и другие культуры, в частности, пшеница, ячмень, кукуруза, огородные и даже хлопок. Но особенно хороши здесь были джугара и дыни.

Джугара (сорго) – очень неприхотливый вид культурного растения. Она не требует большого количества воды (а воды в этих краях всегда было мало) и, что не менее важно, предпочитают солончаковую почву, в отличие от пшеницы и других зерновых. Не случайно, в Кокандском уезде, земли которого в основном состоят из солончаков, посевы джугары стояли в начале XX в. на первом месте: они занимали здесь 40,86% всех посевов. В Маргиланском уезде, земли которого тоже в значительной степени были солончаковыми, джугара занимала 35,53% всей посевной площади. В Андижанском же, Наманганском и Ошском уездах, имевших незначительный процент солончаков или вовсе их не имевших, этой культурой были заняты соответственно лишь 4,22%, 4,83%, 1,39%⁵³. Именно поэтому основными поставщиками джугары на базары уездов и в кыргызские кочевья, по словам информаторов, были Кокандский и Маргиланский уезды.

Еще одно важное достоинство этой культуры – ее высокая урожайность. В то время, как яровая пшеница давала урожая примерно “сам” 7,7, озимая – “сам” 10,02, рис – “сам” 11,6, ячмень – “сам” 12,4, просо – “сам” 28,9, то джугара давала урожай “сам” 32,76⁵⁴. Оба эти качества, неприхотливость и высокая урожайность, а значит, и дешевизна, сделали джугару излюбленной пищей бедняков. Даже уходившие на отходные промыслы в районы Коканда, Маргилана при возвращении домой несли оттуда в основном джугару, хоть малопитательную, но дешевую. А ведь еще в 50-е годы XIX в., по

свидетельству В.В.Вельяминова-Зернова, джугару в Фергане сеяли меньше, чем в других среднеазиатских владениях⁵⁵.

Другой культурой, облюбовавшей солончаки, были дыни. Благодаря слегка солонцеватой почве (каковой она становилась после усиленного выщелачивания) и умеренному поливу (а воды здесь, как уже говорилось, и без того нехватало), дыни в этих районах, по словам информаторов, были особенно сладкими. Они, наряду с другими бахчевыми, занимали значительное место среди посевов многих волостей Кокандского уезда, Шахриханской и Язьяванской волостей Маргиланского уезда, Алтынкульской и Балькчинской волостей Андижанского уезда и Ахси-Шахандской волости Наманганского уезда. Кстати, еще Бабур высоко ценил дыни из Ахси, особенно сорт мир-тимури, и считал, что они были лучше бухарских⁵⁶.

Выращиванием дынь в солончаках занимались не только издавна оседлые узбеки, но и недавние полукочевники: каракалпаки, кипчаки, юзы. Вышеуказанные волости были основными поставщиками дынь на ферганские базары. Дыни, как и джугара, были основной пищей бедняков в течение длительного времени в году⁵⁷.

Достаточное количество осадков в предгорьях позволяли выращивать на богарных землях зерновые: яровую пшеницу, ячмень, просо, кукурузу. Посевы на богарных землях не были значительными, так как урожаи здесь были невысокими, а главное, неустойчивыми. Посевы на богаре принадлежали преимущественно скотоводам: кыргызам, кипчакам, юзам, кураминцам, тюркам, арабам. Оседлое же население, привыкшее к стабильным урожаям на поливных землях, относилось к богаре даже с оттенком презрения и пользовалось ею не столько для получения зерна, сколько для получения дополнительного корма скоту. Кроме того, предгорья, особенно северной и северо-восточной Ферганы, были основными поставщиками грецких орехов, фисташек на рынки Ферганской долины.

Население городов составляли в основном чиновный, служилый, ремесленный и торговый люд, который, тем не менее, не терял связи с землей.

Каждый домовладелец в городе имел, пусть небольшой, приусадебный участок, который служил ему дополнительным источником существования. Определенная же часть горожан имела и загородные участки, куда переезжала всей землей на период сельскохозяйственных работ и сбора урожая⁵⁸. Там они выращивали фрукты, овощи, часть которых запасала на зиму, держали коров, откармливали овец.

Функцию снабжения населения городов выполняли и пригородные кишлаки. Например, Араван снабжался свежими фруктами и овощами кишлаком Иркекашка, Маргилан – селениями Ташлак, Ходжамагиз, Кергиль и др., Андижан – селениями Хакан, Джалабек, Кумакой, Ярбаши, Заурак и др.⁵⁹. В целом же в Ферганской области земледелием занимались 12,27% всех горожан⁶⁰.

С к о т о в о д с т в о. Природные условия Ферганской области обеспечивали возможность для развития экстенсивного скотоводства, основанного лишь на вертикальном кочевании. К лету отгоняли скот в горные долины окружающих Фергану хребтов, зимой пригоняли его в равнинную часть⁶¹. Правда, пастбищным скотоводством в XIX в. занимались в основном более или менее состоятельные представители полукочевников Ферганы. Скот бедняков, если он имелся, как и скот издавна оседлого населения, выпасался чаще всего в окрестностях селений.

Лучшими летними пастбищами были знаменитая Алайская долина и долина Арпа (последняя находится у восточного подножия Ферганского хребта). Эти пастбища находились, правда, за пределами собственно Ферганы, но издревле были связаны с нею экономическими узами. В Алайскую долину, например, на четыре месяца (с середины мая до середины сентября) прикочевывало до 65000 скотоводов⁶² из Ошского, Андижанского, Маргиланского и даже Наманганского уездов.

Основными зимними пастбищами служили песчаные и солончаковые пустыни Центральной Ферганы, где в зимнее время также сосредоточивался скот почти всех уездов области⁶³. В пустынных пространствах северной части

Ходжентского уезда зимовали стада кураминцев и юзов, кочевавших у подножия Кураминского хребта⁶⁴.

Каждый уезд имел и свои близлежащие пастбища, которыми пользовалось с давних пор население только данного уезда, как полукочевое, так и оседлое. Например, земли, лежащие к югу от селений Вуадиль, Учкурган, Ходжаарык, Белькишлак, т.е. вся горная часть Маргиланского уезда, за исключением земель искусственно орошаемых и богарных в урочище Тамаша – все это было пастбищами кыргызов Ичкиликской, Найманской, Якусек-Бостонской волостей Маргиланского уезда. Здесь же пасло скот и оседлое население уезда (таджики, издавна оседлые узбеки и др.) В результате на этих пастбищах скапливалось, по официальным данным, до полумиллиона голов скота⁶⁵. Скот Баястанской, Кутлук-Сеидской, Касанской и отчасти Варзикской и Тюракурганской волостей Чустского уезда пасся летом в Чаткальской долине⁶⁶.

К концу XIX – началу XX века у всех полукочевников Ферганы состав стада был относительно однородным и зависел в значительной степени от взаимосвязей с оседлым населением, которое покупало у них предпочтительно курдючных овец. Поэтому в стадах преобладали овцы, в меньшем количестве были в них козы, кони, крупный рогатый скот, верблюды, яки (последние только на Алае). Но в немалой степени состав стада зависел и от этнических традиций. Так, например, кыргызы уделяли определенное внимание, помимо овцеводства, и коневодству, которое раньше вообще преобладало в их хозяйстве. Лишь усиление торговых связей с земледельческим населением Ферганы после вхождения кыргызских кочевий в состав Кокандского ханства вынудило кыргызов разводить в значительном количестве и овец, которые во второй половине XIX в. заняли первое место в их стаде⁶⁷. Разводили они и крупный рогатый скот (а кыргызы были одними из главных поставщиков оседлому населению волов для нужд земледельческого хозяйства), и определенное число верблюдов, как двугорбых, так и одногорбых.

Юзы и тюрки занимались, главным образом, овцеводством. Лошадей в их стадах было относительно немного, и использовались они в основном как вьючные животные и для верховой езды. К козам те и другие относились с некоторым пренебрежением и содержали их лишь для того, чтобы они были жожаками в стаде. У кураминцев, напротив, в стадах, помимо овец, было большое количество коней и коз. Коз они ценили за высококачественное молоко, за прочную, хотя и грубую, шерсть, из которой делали мешки, основу для паласов, вили веревки. Было в их стадах и некоторое количество крупного рогатого скота молочного направления, и верблюдов (для перевозки тяжестей, например, юрт). Но в рассматриваемый период овцы в кураминских стадах все-таки преобладали, так как служили главным предметом сбыта оседлому населению⁶⁸. В стадах каракалпаков было больше крупного рогатого скота, меньше лошадей и овец⁶⁹. У кипчаков основной отраслью скотоводческого хозяйства было овцеводство, хотя занимались они и разведением крупного рогатого скота и породистых карабаирских лошадей⁷⁰.

Состав стада зависел и от природно-климатических условий. У кыргызов, как уже говорилось, основным направлением было коневодство. Но те же кыргызы в районах с небольшими кормовыми площадями, например, в Узгенском и Кугартском районах, вынуждены были содержать скот в минимальном числе и разводили, главным образом, лошадей и рогатый скот. В районах с сухой почвой, а значит, и незавидными пастбищами, например в Майлисайском районе, даже при значительных площадях кыргызы разводили предпочтительно неприхотливые виды скота: коз и верблюдов, в меньшей степени овец. В районах же с хорошими пастбищами, например, в Базаркурганском и Кенголькарагырском районах, в большом количестве разводили лошадей, прежде всего, а также овец и рогатый скот⁷¹.

Оседлое сельское население, как и осевшие полукочевники, содержали скот в основном для надобностей земледельческого хозяйства. У середняка в Тюракурганской волости Наманганского уезда, имевшего 10 танапов земли, как показывает полевой материал, были одна пара волов, осел, редко лошадь и

корова, две – три овцы для забоя к особо торжественным случаям (свадьба, той по поводу обрезания и т.д.) или для продажи, а также для получения шерсти, которую продавали или копили для домашних нужд, например, для того, чтобы специалисты скатали войлок. У бедняков, имевших один – полтора или даже полтанапа, было по одному волу на пять – шесть хозяйств, по одной корове на квартальную или сельскую общину (в лучшем случае) и ни одной овцы. Пахали они супрягой или вскапывали свой клочок кетменем. Такая картина наблюдалась и в других районах Ферганы.

Полное отсутствие во многих хозяйствах даже рабочего скота вынуждало нанимать скотину на период сельскохозяйственных работ или покупать ее на время у полукучевников с тем, чтобы потом продать ее за бесценок⁷². Рабочий скот, продаваемый дехканами по окончании полевых работ, шел на мясо в города или же в скотооткармливающие районы, прилегающие к оазисам⁷³. У занимавшихся извозом были лошадь или осел.

Выпасали скот оседлые жители на выгонах в окрестностях селений в течение дня, на ночь пригоняли в стойло. Для пастбы сельского стада нанимали сообща общественного пастуха. В районе селения Боз такой пастух работал только за харчи для себя и своей семьи. Платили ему по очереди в зависимости от количества скота, принадлежавшего тому или иному скотовладельцу. Выгоны здесь находились в двух – четырех километрах от селений на неосвоенных землях. У населения Алтыарыкской волости выгоны находились между кишлаками Паласан и Файзабад, у населения Маргиланской волости – в районе селений Шура, Джуйдам, Ходжа-Магыз⁷⁴. Выгоны принадлежали населению определенных кишлаков и посторонний скот на них не допускался. При отсутствии выгонных земель скот пасся либо по жнивью, либо по обочинам посевов. При этом его держали на длинной привязи или выпасали подростки.

Для городского населения было характерно стойловое содержание скота. Здесь держали в основном молочный скот и несколько овец для особых случаев. Но богатые горожане-скотопромышленники откармливали большое

количество овец специально для продажи⁷⁵. В целом же скотоводство городов было мизерным. В 1897 г. во всех городах долины всего 74 человека, т.е. 0,08% было занято откормом скота, в том числе в Новом Маргилане 3 человека, в Старом Маргилане – 3 человека, Андижане – 19, Коканде – 9, Чусте – 13, Оше – 14⁷⁶.

Р е м е с л о. В разных районах Ферганской долины, как и вообще Средней Азии, ремесло имело различный характер и функции. В одних местах, например, в кочевьях, оно не было товарным и служило в основном для удовлетворения собственных нужд, иногда для обмена предметов своего ремесла на те, которые полукочевники не производили. В городах же и крупных селениях оно издавна имело ярко выраженный товарный характер, что в немалой степени было связано и с близостью рынка, где можно было продать продукты своего производства. В 1907 г. в Ферганской области Русского Туркестана промыслами и торговлей занимались 20,95% населения, причем в основном городские жители. Среди городского же населения этим занимались 87,65% всего городского населения⁷⁷.

Как отмечали исследователи того времени и царская администрация, почти все необходимые предметы производились в долине, удовлетворяя нужды не только кочевого и оседлого населения края, но отчасти и сопредельных областей (Каратегина, Матчи и других горных областей современного Таджикистана, Алайской долины, Чаткала, Южного Тянь-Шаня, Кашгарии и др.) и даже вывозились на внутренние рынки России, в частности, в Сибирь⁷⁸, и за рубеж⁷⁹.

В городах и мелких селениях было сосредоточено большое количество небольших предприятий по переработке местного сырья. Здесь производились шелковые и хлопчатобумажные ткани, обувь, гончарная посуда, изделия из кожи, дерева, металла и т.п. Шелководство и шелкоткачество издавна были одним из ведущих ремесел края. Не случайно, когда Фергана была присоединена к России в 1876 г., ей был дарован герб “Бабочка шелкопряда”⁸⁰. Средоточием же производства самых разнообразных шелковых и

полушелковых тканей были Маргилан и Ходжент. В Маргилане было 120 шелкоткацких мастерских, в Ходжете – 97, тогда как в Коканде их было всего 40, и изготавливаемые там ткани уступали по качеству маргиланским и ходжентским. В Андижане и Оше это ремесло было развито еще слабее⁸¹. Маргиланские шелковые ткани, одеяла, платки отправляли в Кашгар, Бухару, Турцию⁸², ходжентские – в Сибирь, Европейскую Россию, Кавказ, Иран, Афганистан⁸³. Напротив, лучший хлопчатобумажный полосатый тик (*тимнау*), который пользовался особой любовью у кыргызов, производили в Намангане⁸⁴.

Ходжент и Риштан славились своими гончарными изделиями не только в самой Фергане, но и далеко за пределами ее⁸⁵. Наманган обеспечивал своими хумами всю западную часть долины, которые доставлялись вплоть до Ходжента и далее на плотах по Сырдарье⁸⁶. Одним из развитых ремесел Ферганской области было производство обуви. Самыми же крупными поставщиками ее считались Андижан и Коканд с их уездами⁸⁷. Обработка металла и кузнечное ремесло достигли своего совершенства в Аште⁸⁸, хотя каждый город и крупное селение Ферганы имели чугунолитейные мастерские⁸⁹. Чуст славился производством ножей⁹⁰ и шитьем тюбетеек. Другим центром тюбетеечного производства был Маргилан⁹¹.

Характер промысловой деятельности определяли, как известно, и этнические традиции, связанные с различными направлениями хозяйства. Издавна оседлое население занималось в основном ткачеством из хлопка и шелка. Скотоводы же, как и везде, выделяли преимущественно шерстяные ткани⁹², паласы, ковры⁹³, катали войлоки. Причем цвет, рисунок и прочие особенности этих изделий опять-таки зависели от этнической принадлежности скотовода.

К концу XIX – началу XX в. различия в характере промысловой деятельности у разных этнических групп начинают постепенно стираться, и тем не менее исторически сложившиеся традиции в том или ином виде ремесла были еще сильны. Так, например, многие полукочевники, жившие в Фергане (арабы, тюрки, кураминцы), выучились к рассматриваемому периоду ткать

ворсовые ковры, что не было характерно для них раньше. Но лучшими коврами в Ферганской долине считались все-таки кыргызские, причем ковры объединения ичкилик⁹⁴. Лучшие паласы из шерсти были у арабов. Каракалпаки ткали ковры, а также были известны как специалисты по плетению изделий из камыша, в частности, циновок разного качества и назначения, хотя ткали циновки и издавна оседлые узбеки, и юзы, и кипчаки, жившие по соседству с каракалпаками. Плели каракалпаки и различные корзины из ивовых прутьев. Плетение корзин было основным ремеслом и одной из групп кашгарских цыган – аячки. Причем корзины последних были качественнее, чем корзины каракалпаков, и вообще славилась по всей долине.

Уйгуры и дунгане были отличными поварами и содержали небольшие харчевни почти во всех городах и крупных селениях Ферганской долины, особенно в восточной ее части, где представителей уйгуров и дунган было больше. Традиционным для многих уйгуров было и пекарное ремесло, а также кузнечное и столярное. Так, в Араванской волости, где уйгуры составляли 15% населения, кузнечным и столярным ремеслом занимались только они⁹⁵. Дунгане же занимались еще и врачеванием, а также товарным огородничеством.

Таджики-каратегинцы, осевшие в Фергане, были мастерами высокого класса по возведению глинобитных стен. Кроме того, на местных маслодавильнях также работали в основном каратегинцы и таджики из Матчи⁹⁶. В кураминских кочевьях, как показывает полевой материал, пользовались предпочтительно столярными изделиями (ленчики седел, деревянные части юрт и т.д.), выполненные юзами-баявутами. Промыслами среднеазиатских евреев в Ферганской долине, как и в других районах Средней Азии, было красильное ремесло, шелкоткачество и торговля⁹⁷, среднеазиатских цыган – изготовление и продажа щепного товара, дешевых украшений из меди, плетение сеток для паранджи (*чачван*) и т.д.⁹⁸ Сетки для паранджи плели в рассматриваемое время и кураминцы⁹⁹.

Среди женских видов промыслов были распространены шитье одежды, включая стеганые халаты, вышивание тюбетеек, поясных платков,

многочисленные операции, связанные с выработкой хлопчатобумажной пряжи, отчасти ткачество (ткачеством занимались в основном мужчины), ковроткачество, выкармливание шелковичных червей, а в некоторых районах – изготовление гончарной посуды, например, в Араванской волости¹⁰⁰, в северных районах Ходженского уезда¹⁰¹.

На характер промысловой деятельности оказывали влияние не только локальные и этнические традиции, но и социальное положение. Так, одним из единственных способов заработать на жизнь для многих бедняков, независимо от этнической принадлежности, был сбор топлива (полынь, верблюжья колючка, тамариск, камыш, тростник) и продажа его. А степным топливом пользовались не только в домашнем хозяйстве. Его использовали и кирпичные и гончарные мастерские, пекарни и т.д. Только на Маргиланском рынке ежегодно продавали до 30000 арб степного топлива¹⁰².

В горах кыргызы и кураминцы рубили лес и выжигали уголь для продажи. Бедняки – кыргызы, узбеки, таджики, татары, персы и другие – занимались и нелегким горнорудным делом, а именно добычей золота, свинца, олова, каменного угля, озокерита. Работали они и на нефтепромыслах, выпаривали и продавали соль¹⁰³. Но одним из главных промыслов ферганской бедноты вообще было отходничество, поденный труд, извоз, найм в чернорабочие на местные маслодавилни, заводы, фабрики, железнодорожные станции, хлопковые плантации.

Таким образом, наличие в Фергане различных природно-хозяйственных зон и этнических групп с определенным направлением хозяйственной деятельности составили естественную основу для общественного разделения труда.

Б а з а р ы. Центром экономического взаимодействия и межэтнических контактов испокон веков были базары, которые буквально кишели представителями самых разных этнических групп, прибывавших сюда со своими товарами из самых отдаленных мест Средней Азии и даже из Восточного Туркестана, Закаспия, Афганистана и других местностей. Особенно

большие торги были в городах. Самым торговым городом в Ферганской долине был Коканд. Так, на долю Коканда приходилось 41,3% всех торговых оборотов Ферганской области, на долю Андижана – 11,2%, Скобелева и Старого Маргилана – 10,8%, Намангана – 10,2%¹⁰⁴.

Еженедельные базары были не только в городах, но и в каждом более или менее крупном селении, куда стекалось население не только окрестных, но и довольно отдаленных кишлаков. Районов, тяготеющих к тому или иному базару, которые М.Г.Вахабов назвал микроэкономическими, в Ферганской долине было 78¹⁰⁵. Каждый такой район снабжал себя всем необходимым: зерном, скотом, овощами, фруктами, тканями, металлическими изделиями и т.д. Но при отсутствии того или иного товара в данном районе торговцы привозили его из других.

Одним из таких районов был Бешарькский. Базар в селении Бешарык (к юго-западу от Коканда), может быть, нельзя сравнить с базарами Коканда, Маргилана, Андижана и других городов Ферганской долины. Но степень значимости его увеличивалась в связи с тем, что он находился на стыке густонаселенного Кокандского оазиса – одного из крупных хлопковых районов долины, и кочевой степи (с севера к Бешарькской волости примыкали обширные участки солончаковой пустыни, использовавшиеся кураминцами и юзами как пастбища). Кроме того, Сырдарья связывала Бешарык с Наманганским оазисом и каракалпакскими селениями, расположенными вдоль этой реки. Через соседнюю Исфаринскую волость, кстати, зерново-рисово-садового направления, Бешарык имел контакт с Матчой, через Канибадам – с Ходжентом. Все эти факторы плюс близость железнодорожной станции Посьетовка после проведения железной дороги в Ферганской долине обусловили очень большие торги здесь по воскресным дням. Как говорили информаторы, здесь был “великан-базар” (*дев-бозор*).

В базарные дни в Бешарык приезжали не только жители окрестных селений, но и кыргызы, кураминцы из предгорий, юзы и тюрки, как кочующие в Фергане, так и из Ура-Тюбе и Заамина, казахи из-под Ташкента, Чимкента и

Туркестана, таджики из Матчи и Гиссара. Пшеницу поставляли частично оседлые жители района, частично – из предгорий Исфаринской волости, частично (в частности, сорт кайраки) из Замина. Рис поступал из Исфары, Камышкурмана. Но особенно ценился рис из селения Чонгра. Джугара особенно хороша была камышкурманская. Из Камышкурмана же привозили соль (здесь было известное месторождение самосадочной соли^{*}).

Фрукты и овощи в значительной степени поставляли окрестные селения. Но особым спросом пользовались персики и урюк из Ходжента и Исфары, виноград сорта “катта-курман” из селения Нурсук, яблоки из Ашобы, Камышкурмана и Намангана, миндаль из Канибадама, орехи из Намангана, плоды тута в сушеном и прессованном виде из Ашта. Сам Бешарык поставлял на свой базар ароматные сладкие дыни. Селение Рапкан специализировалось на выращивании особого сорта белого лука (*ок риёз* – “белый лук”, который еще назывался *тухум тиёз* “яйцевидный лук”), вывозившийся по железной дороге даже в Россию, селение Бешкапа – на выращивании желтой моркови (эту морковь местные жители предпочитают больше, чем красную, так как она незаменима при приготовлении такого национального блюда, как плов).

Кустарно-ремесленные изделия продавались как местного производства, так и привозные. Аштцы привозили в Бешарык изделия из металла: кетмени, серпы, топоры и т.п. Из Чуста везли ножи и тюбетейки. Сыновья баев, например, щеголяли только в чустских тюбетейках. Мату продавали, главным образом, только собственного производства. Обувь, шелковые ткани покупались предпочтительно канибадамские и ходжентские. Деревянные изделия от ложек до арб выделывали в основном юзы-баявуты из селения Бешары. Гончарные изделия везли на плотках по Сырдарье из Намангана.

---

^{*} В.В.Вельяминов-Зернов писал, что в Кокандском ханстве “соляные ломки находятся в большом количестве около Оша и Намангана. Каменная соль... вырабатывается только для хана и местных властей. Народ употребляет только самосадочную соль, которая попадает везде во множестве и стоит 25 копеек”¹⁰⁶. О добыче и перевозке самосадочной соли см. работу П.Е.Кузнецова¹⁰⁷. В.П.Наливкин писал: “При ханах соляные копи, находящиеся около селения Камышкурман Чустского уезда, разрабатывались в пользу казны ханскими людьми; заведование этими работами лежало на особом серкере. Добытая соль на месте же продавалась частным лицам, преимущественно возчикам по 20 коп. за чайрак (5 п. 10 ф.), причем возчики, привезшие соль на базар, избавлялись даже от уплаты базарного сбора”¹⁰⁸.

Щепной товар продавали среднеазиатские цыгане, плетеные корзины – кашгарские цыгане. Товар привозили на базар на лошадях, ослах, арбах, а из предгорных районов – и на верблюдах.

Продукты женского ремесла: пряжа из хлопка и шелка, очищенный хлопок, одежда, тюрбетейки, поясные платки, узкие подстилочные одеяла и др. – продавали на базаре в Бешарыке сами женщины, одетые в паранджи, часто с детьми, которые выступали посредниками между ними и покупателями¹⁰⁹. Иногда женщины образовывали и своеобразную кооперацию: несколько соседок, объединившись, продавали товар всех участниц по очереди. Очень редко занимались продажей этих вещей мужчины¹¹⁰. В Самарканде же, например, как пишет О.А.Сухарева, в силу затворнического образа жизни, предписанного женщине исламом, продукты женского производства продавали только мужчины¹¹¹.

В Фергане, как пишут супруги Наливкины, тоже считалось неприличным ходить женщинам на базар, но, тем не менее, в базарный день их там было немало. Причем не только покупающих, но и продающих пряжу, лепешки и т.п.¹¹² Видимо, в связи с тем, что в Фергане раньше, чем в других областях Русского Туркестана стали развиваться капиталистические отношения, нормы шариата в быту здесь стали в какой-то степени нарушаться. Все виды привозных фабрично-заводских изделий продавались в Бешарыке частными торговцами из Ходжента, Коканда, Канибадама.

Недельный базарный цикл образовывали в этом регионе Бешарык (базарный день – воскресенье), Яйпан (базарный день – понедельник), Исфара (вторник), Канибадам (среда), Маргилан (четверг), Коканд (пятница), Риштан (суббота)¹¹³. Но по отдаленным базарам, по словам информаторов, ездили только мясники и торговцы тканями.

Среди разъездных торговцев, продающих кустарно-ремесленные изделия, в базарные дни были скупщики, которые скупали оптом тот или иной товар, чтобы перепродать его с выгодой в другом месте. Так, в Бешарык каждую субботу (накануне базарного дня) приезжали из Ташкента скупщики бязи узбек

Парпивой и татарин Абдулла-ногай (казанских татар местные жители называли *ногай*). Обычно они приезжали вместе, останавливались в караван-сарае и население Бешарыка несло им всю бязь, заготовленную за неделю. Хлопок тоже скупали ташкентские баи. Причем скупали уже очищенное от семян сырье. Кокандским скупщикам хлопок и бязь не были нужны: в Коканде было много своего подобного товара. Но фрукты, овощи, зерновые они приобретали в большом количестве, так как именно в них нуждался в первую очередь густо заселенный Коканд.

Базары были не только в населенных пунктах, но и вдали от них. О таком базаре в горной местности, который “устраивался без всякого кишлака (кругом только кыргызские аулы)”, писал М.С.Андреев¹¹⁴. Базар этот предназначался, видимо, для обмена товарами между скотоводами и земледельцами Наманганского уезда и имел локальный характер. Другой подобный базар, по моим полевым данным, был в Янтаке (ныне селение Бустан – центр Матчинского района Ходжентской области), который находился у самой оконечности Кураминского хребта, там, где Ферганская долина переходит в Голодную степь. Удобное местоположение Янтака (на стыке крупных историко-культурных областей: Ташкентского оазиса с Ангреном и Бекабадом, Ура-Тюбинского оазиса и Ферганской долины) превратило его в крупнейший оптовый скотный базар интерлокального значения на территории Ферганской долины. Через Янтак шли караваны в Кашгар из Ташкента, Чимкента, Туркестана, а иногда даже из Бухары и Самарканда¹¹⁵.

Янтак не был населенным пунктом. Здесь было всего три караван-сарая, принадлежавших трем богачам: Салим-байвачче из Ура-Тюбе, Джиян-казы из Бекабада и Чолпан-баю из Ферганской долины, а также небольшой кирпичный завод, продукция которого предназначалась, по-видимому, для строительства и расширения этих караван-сараяев. По преданию же, этот завод выстроил Худояр-хан, который обязывал проходивших через Янтак нукеров брать с собой по 20 кирпичей с тем, чтобы возводить рабаты по пути их следования.

На янтакском базаре каждую субботу продавали скот кураминцы из Ангрена, Ташкента, Буки, Бекабада, юзы и тюрки из Ура-Тюбе и Заамина, таджики из Матчи, казахи из городов Чимкент и Туркестан (кстати, особо ценились овцы из Туркестана породы “каракашка”, длинношерстные, курдючные, весом до 40 кг). Сюда же пригоняли скот и ферганские полукочевники (кураминцы, юзы), пастбища которых располагались на всем протяжении западного правобережья Сырдарьи (на территории Ферганской долины), и в частности, около Янтака. Но Фергана в основном покупала скот. Скотопромышленники из Коканда, Старого Маргилана, Андижана и других ферганских городов и крупных селений покупали его (преимущественно овец) тысячами голов, откармливали на горных пастбищах и продавали его с большой выгодой оседлому местному населению Ферганской долины и даже Кашгара.

Продавали овец в Янтаке до 15–20 и более тысяч голов в день. Но в большинстве случаев здесь с помощью маклеров заключались только сделки на отсутствующий скот между скотопромышленниками Ферганской долины и скотовладельцами указанных выше территорий. При переговорах решали, например, с 1000 овец оплачивать только за 900: 100 голов сбрасывали на предполагаемый брак. Далее оставшиеся 900 голов делили априорно на три части по сортам. За каждый сорт оплата шла отдельно. И только после заключения сделки покупатель со скотовладельцем отправлялись за купленным скотом на пастбище. Посредник получал свою долю¹¹⁶.

Базар в Янтаке был только летом и осенью. Зимой в городах и крупных селениях Ферганы продавался скот в основном скотопромышленниками. Кроме скота в Янтаке продавали рис из селения Теляу (Ангренский оазис), пшеницу из Ташкентского оазиса и Заамина, а также ферганских предгорий, урюк, фисташки, изюм, овощи из Ленинабада и Ура-Тюбе, бахчевые из Сырдарьинской области, соль из упомянутого Камышкургона и т.д.

Таким образом, в Фергане, как и в других районах Средней Азии, в последней трети XIX в. сложились определенные межхозяйственные связи

локального и интерлокального характера как между скотоводами и земледельцами, так и между отдельными земледельческими районами. Это свидетельствовало о развитии производственных сил в крае, расширении и углублении общественного разделения труда и еще большем развитии товарно-денежных отношений, что сопровождалось усилением этнокультурных контактов и культурным взаимообогащением народов Ферганы, хотя принадлежность их к различным типам хозяйства (земледельческому и скотоводческому) продолжали еще играть дезинтегрирующую роль.

б) Становление капиталистических отношений в Ферганской долине

Присоединение Ферганской долины к России и превращение ее в район монокультуры хлопка за счет вытеснения жизненно важных культур (зерна, овощей, фруктов) изменило специфику и структуру сельского хозяйства долины и издавна сложившиеся хозяйственные взаимоотношения между различными типами его. Это, в конечном счете, повлияло и на этнические процессы, протекавшие в крае.

В первые годы колониального периода (вплоть до 900-х годов) здесь еще сохранялось прежнее натуральное хозяйство. По-прежнему подавляющая часть поливных земель была занята зерновыми, которыми она снабжала не только свое многочисленное оседлое и окрестное полукочеевое население, но даже вывозила излишки далеко за пределы долины. Так, в 1884 г. в Фергане было собрано 10978976 пудов зерновых, в том числе пшеницы – 5102504 пуда, риса – 5166296 пудов, проса – 710176 пудов. Излишек составлял 1526140 пудов зерновых, кроме яровых, а также ячменя и джугары. Все это послужило предметом сбыта в Сырдарьинскую область и Кашгар¹¹⁷. Такая же картина наблюдалась и в Ходжентском уезде Самаркандской области¹¹⁸.

Хлопку в этот период отводилось всего 10% общей площади пашни¹¹⁹. Но после удачного внедрения в крае американского сорта хлопчатника главным занятием ферганского земледельца стало выращивание хлопка¹²⁰. Это

стало самым выгодным видом деятельности: этому способствовала экономическая политика царского правительства. Уже в начале XX в. культура хлопчатника занимала около трети всех искусственно орошаемых земель Ферганской области, а к 1915 г. процент земель, занятых под хлопком, поднялся до 50¹²¹. В отдельных же районах, например, в Ассакинской, Сегазинской, Каратепечаукентской волостях Маргиланского уезда, Алтынкульской, Балыкчинской, Хакентской волостях Андижанского уезда, Ханабадской волости Наманганского уезда площади под хлопком заняли до 70 – 80 и более процентов от общей запашки¹²². Ферганский хлопок составлял 4/5 вывозимого из Туркестана хлопка. Уже в 1897 г. Фергана давала 2 млн. из 2,5 млн. пудов всего полученного Россией хлопка¹²³.

Такая в высокой степени хлопковая специализация привела к перераспределению земельных фондов Ферганы, так как под хлопок стали использовать все более или менее пригодные для этой культуры земли равнинной части долины и даже предгорных и горных районов (в тех местах, естественно, где позволяли климатические условия, и он успевал вызревать). В связи с этим увеличилась роль в снабжении населения продуктами питания тех территорий, которые по климатическим условиям не подходили для культивирования там хлопчатника, но были вполне пригодны для других видов сельскохозяйственных культур. Это, в первую очередь, среднегорные и межгорные оазисы (долины рек Сох, Исфара, Шахимардан и других, преимущественно в верхнем и среднем течении их), отдельные участки солончаковой и каменистой пустынь, каирные земли.

Неизмеримо возрастает роль богарных земель. В доколониальный период и в первые колониальные годы площадь богарных посевов была незначительна по отношению ко всей занятой посевами земле, и они были лишь подспорьем для скотоводов, причем не очень надежным. Земледельцы же, как отмечалось, использовали богару не столько для зерна, сколько для получения дополнительного корма скоту. К концу же XIX в., а особенно в начале XX в. предгорья стали поставщиками в долину не столько скота, сколько богарного

зерна. Стала складываться, по выражению В.С. Батракова, специализированная зона, где земледелие сочеталось с животноводством: она служила дополнением к зоне орошаемого земледелия. Это было значительным вкладом в общественное разделение труда, в дальнейшее развитие производительных сил¹²⁴. В результате, к 1907 г. орошаемых земель в Ферганской долине было 886889 десятин, что составляло 41,5% всей земли, а богарных земель было 373794 десятины, что равнялось 17,4% всей земли, или почти половине поливных земель¹²⁵.

И, наконец, резкое сокращение земель, занятых под жизненно важными культурами, заставляли земледельцев выжимать из своего клочка все, что можно, снимая несколько урожаев в год и высевая одни культуры между другими. Так, в молодых садах, особенно в первые годы после закладки их, между деревьями высевали пшеницу, ячмень, люцерну. Люцерна (а ее косили несколько раз в году), идущая на корм скоту, кроме того, удобряла и обновляла почву. Края арыков, омывавших крохотные хлопковые поля, обсаживались туговыми деревьями, листья которых шли на выкормку шелковичных червей. Виноградники тоже чаще всего не занимали отдельного участка, а выращивались во дворе. Закрепленные на специальных шпалерах, они, кроме плодов, давали тень, а значит, живительную прохладу в жаркий летний день.

Широко практиковался последовательный посев разных культур на одном и том же участке. Так, после жатвы ячменя (поспевает в мае) или пшеницы (поспевает в июне) на этом же поле сеяли просо, которое вызревает за 40 – 50 дней, маш или кукурузу, вызревающие за 100 дней, или же люцерну для восстановления почвы. После бахчевых высевали репу или кукурузу и т.д.¹²⁶

С присоединением Ферганы к России произошли изменения не только в характере посевов вообще, но даже в выборе зерновых. К концу XIX в. в собственно равнинной части Ферганы среди зерновых, как указывали В.П.Наливкин и А.Ф.Миддендорф, занимали первое место уже не пшеница, не рис, а джугара¹²⁷. Это объясняется, конечно, и общим обеднением трудового народа¹²⁸. Но увеличение посевов джугары объясняется и увеличением посевов

хлопчатника, который занял все более или менее удобные поливные земли, засевавшиеся раньше зерновыми. На солончаковых же землях, мало пригодных для пшеницы и тем более для риса и хлопка, джугара, как уже говорилось, давала неплохие результаты.

Все сказанное привело к тому, что Фергана к началу XX в. уже не могла обеспечить продуктами питания не только полукочевников, но вынуждена была даже для оседлого населения ввозить хлеб из Самарканда, Ташкента, Заamina, Каратегина и даже из России. Так, только за один год, с августа 1911 по август 1912 г. в Ферганскую долину должны были подвезти 18 млн., пудов хлеба¹²⁹. Сюда начинают привозить даже овощи и фрукты¹³⁰, так как ради хлопка в Фергане стали вырубать и сады, не говоря о ликвидации огородов.

Изменился и этнический состав занимающихся земледелием. В период Кокандского ханства земледельцами были в основном издавна оседлые узбеки и таджики. Полукочевники занимались земледелием лишь для подспорья к скотоводческому хозяйству. К началу же XX в. на первом месте среди общего числа земледельцев стояли каракалпаки (89,61% их общего числа), затем кыргызы (75%), издавна оседлые узбеки (59,60%), полукочевые узбеки (44,72%), таджики (43,69%), русские (1,35%)¹³¹. Причем хлебопашеством, преимущественно на богарных землях занимались большей частью кыргызы, жившие в адырной и горной зонах, и русские переселенцы. Кыргызы, жившие в равнинной части, выращивали в основном хлопчатник и лишь в качестве подспорья немного огородных, бахчевых и др.

Хлопок вытеснил с равнинной части не только другие земледельческие культуры, но и пастбища. Кроме того, использование значительного процента пастбищ в предгорной и горной зонах под зерновые, систематические изъятия “излишков” земель у скотоводов для переселенцев из внутренних губерний России¹³², падеж скота, в значительной степени из-за нехватки кормов¹³³, и, наконец, проникновение капиталистических отношений в кочевья усиливали процесс разорения и имущественной дифференциации полукочевников, способствуя тем самым уже начавшемуся процессу их оседания, а значит, и

подрыву животноводческого хозяйства Ферганской области. По официальным данным, только с 1880 по 1893 гг. в Ферганской области осело около 9054 полукочевых хозяйства, в том числе в Маргиланском уезде – 3134 хозяйства, в Ошском уезде – 2791, в Наманганском – 3129¹³⁴.

Оседлое население, как уже говорилось, задолго до колонизации края имело свой скот в очень незначительном количестве и преимущественно рабочий. К концу же XIX – началу XX в. сокращение выгонов и почти полное исчезновение кормовых культур, уменьшение посевов зерновых, с чем связан и недостаток объемистых кормов для скота, вызвали еще большее уменьшение количества скота у оседлого населения. В результате, по данным В.И.Кушелевского, только за период с 1878 по 1888 гг. поголовье скота в области уменьшилось почти наполовину¹³⁵. К 1907 г. соотношение между земледельцами и скотоводами в Ферганской области было следующим: земледелием занимались 74,28%, скотоводством же – лишь 4,77% всего населения¹³⁶. Фергана стала, таким образом, преимущественно земледельческой страной.

Упадок скотоводства в Ферганской долине нарушил издавна сложившийся внутриферганский обмен между скотоводческим и земледельческим населением. Фергана теперь вынуждена была покупать скот в еще больших размерах, чем при кокандских ханах, в соседних и более отдаленных областях: Каратегине, Матче, Кулябе, Гиссаре, Заамине, Самарканде, Ура-Тюбе, Чимкенте, Туркестане, Токмаке, Аулие-Ата, Ангрене, Бекабаде, Семиречье и даже в Кашгаре и Афганистане¹³⁷. По официальным данным, в начале века в Фергану ежегодно пригонялось до 1,5 млн. голов скота¹³⁸ и даже до трех миллионов голов¹³⁹.

В Фергану пригоняли, как уже говорилось, предпочтительно овец. Но в связи с сокращением в долине рабочего скота повышается спрос и на него. Хороших лошадей пригоняли обычно из Сырдарьинской и Самаркандской областей и по месту их родины называли “аулиеатинские”, “уратюбинские”, “матчинские” и т.д. Самые ценные экземпляры (“карабаир”) получали из

Бухары и Туркмении¹⁴⁰. Локайцы тоже продавали лошадей в Фергане¹⁴¹. Гнали сюда и коз, и крупный рогатый скот, в частности волов, и даже ослов. По словам информаторов, особой популярностью пользовались ослы из Самаркандского оазиса.

Буржуазные отношения начали вторгаться и в ремесленное производство. Если раньше кустарная промышленность обеспечивала местное население всем необходимым, то к началу XX в. положение в этой области несколько изменилось. Отрасли, не выдержавшие конкуренции с привозными фабричными товарами, резко сокращали свое производство или и вовсе исчезали. Например, значительно пострадали от конкуренции с фабричными товарами специалисты по изготовлению металлических изделий, гончарной посуды¹⁴².

Резко сократилось, а в ряде мест и вовсе исчезло производство кустарных хлопчатобумажных тканей, которые были вытеснены фабричными, привозимыми из России, более качественными и дешевыми¹⁴³. Зато шелкоткачество не только не сократилось, но даже более расцвело в связи с возросшей потребностью в них не только у местной зарождающейся буржуазии, но и у русских чиновников. Шелковые ткани Ферганского производства по-прежнему были и одним из основных предметов вывоза в Россию и за границу.

В сохранившихся видах ремесел, и в первую очередь в ткачестве, в изучаемое время все больше растет разделение труда, усиливается концентрация производства (укрепление более сильных ремесленных предприятий за счет разорения слабых). Увеличивается в мастерских число наемных рабочих, наблюдается дальнейшее расслоение ремесленников и выделение из их числа крупных мастеров-предпринимателей и наемных рабочих, появляется совершенно новый, не характерный для периода феодализма институт скупщиков. Все эти черты свидетельствовали о внедрении капиталистического способа производства и капиталистических отношений в ремесло¹⁴⁴.

Превращение Ферганы в источник хлопкового сырья определило направление развития промышленного производства, появившегося в этом крае с приходом русских. Царское правительство было заинтересовано в развитии здесь предприятий, перерабатывающих преимущественно сельскохозяйственное, а именно хлопковое сырье. Почти в каждом городе и городке появились хлопкоочистительные и маслобойные (выжимающие масло из семян хлопчатника) заводы. Несмотря на однобокое развитие промышленности, темпы развития капиталистических отношений в Ферганской долине были более ускоренными, чем в других областях Русского Туркестана. Так, в 1913 г. в Ферганской области существовало 309 предприятий капиталистического типа, в то время как в Самаркандской области – 117, в Сырдарьинской – 183, в Семиреченской – 93¹⁴⁵. При этом следует отметить, что уже в 1903 г. 56% всех заводов Ферганы принадлежали местной буржуазии¹⁴⁶. А в 1911 г. местной буржуазии принадлежали 109 хлопкоочистительных заводов. В то время как русским – лишь 49¹⁴⁷.

Развитие капиталистических отношений в Фергане способствовало имущественному расслоению и земледельцев, и скотоводов, и ремесленников края. Остановимся более подробно на расслоении земледельцев. В. Юферев, исследовавший развитие хлопководства в Андижанском и Скобелевском уездах Ферганской области, привел следующие интересные данные. Одна группа земледельцев, составлявших 15% всех дворов, сосредоточила в своих руках 48% всей площади земли. Вторая группа, составлявшая 22% общего числа дворов, владела 30% всей земли. Большинство же мелких хозяйств, которых было свыше 63%, имели всего 22% земли¹⁴⁸.

По данным ревизии, проводившейся в Русском Туркестане под руководством графа К.К. Палена, число безземельных к 1907 г. достигло в Маргиланском уезде 13963 человек, что составило 22% к общему числу дворов, в Андижанском уезде – 9940 человек, т.е. 15,38%, а в Наманганском уезде – 7370 человек, т.е. 10,96%¹⁴⁹. В Кокандском уезде 4511 хозяев имели только дворовые участки земли, ничего не имели 743 семейства¹⁵⁰. В ряде

районов Ферганской области число безземельных, т.е. не имевших даже дворовых участков, составляло 50% населения¹⁵¹.

Оставшиеся без земли и других средств производства пауперизированные массы частично находили работу в своем же селении, нанимались издольщиками (чайрикерами) или поденщиками (мардикарами) к крупным и средним землевладельцам. Значительная же часть, не находя работы у себя, уходила в другие волости, уезды и даже области: например, в Ташкентский, Аулиеатинский, Семиреченский и другие оазисы. Так, в Бешарыкском участке Кокандского уезда из 854 домохозяев не имели ни дворовых участков, ни земли – 208. Из них 35% нанимались чернорабочими к зажиточным землевладельцам, до 20% шли в издольщики по месту жительства, мелкими ремеслами (плотничьим, кузнечным, лепешечным и пр.) занимались 5%, отходным же промыслом занимались 40% безземельных¹⁵². В Канибадамской волости того же уезда большая часть безземельных уходила на заработки в Ташкентский и Андижанский уезды. Из 211 безземельных Араванской волости Маргиланского уезда также большая часть уходила на заработки в Коканд, Андижан, Ташкент¹⁵³. Кураминцы предгорий Кураминского хребта уходили в отход в основном в Ангренский оазис¹⁵⁴.

Традиционным стало отходничество ремесленников. Так, по свидетельству информаторов, в Бешарыкской волости работало немало кузнецов из Ашта, которые, как уже говорилось, славились как мастера своего дела. Приходили они весной с началом сельскохозяйственных работ, а возвращались осенью, когда надобность в сельскохозяйственных орудиях отпадала. По данным Н.О.Турсунова, в текстильных заведениях Ходжента работало немало наемных мастеров из Коканда, Маргилана, Андижана¹⁵⁵. В целом же по тому или иному уезду, например, Наманганскому, число уходивших на заработки в другие районы в конце XIX – начале XX в. достигало 30 тысяч в год¹⁵⁶.

В свою очередь, в Фергану шли отходники из сопредельных территорий. С возникновением и развитием капиталистической промышленности здесь

резко возрастает спрос на наемного работника, который стал основной рабочей силой на заводах и фабриках, рудниках и копях, на железнодорожных станциях и обширных хлопковых плантациях.

Фергана же привлекала бедноту не только возможностью найти работу, но и более высокой оплатой труда (а тому и другому способствовал быстрый экономический рост края). В то время как цены на рабочие руки вообще в Русском Туркестане были от 15 до 25 рублей в месяц на своих харчах, в Фергане в сезон платили от 25 до 35 рублей¹⁵⁷. В результате на промышленных предприятиях долины бок о бок с ферганскими бедняками работали отходники из Каратегина, Матчи и других горных районов современного Таджикистана, из Кашгарии, Персии, Афганистана и т.д. Чайханы на базарах превратились в своеобразные биржи для найма рабочих¹⁵⁸. Более того, на многих рынках, например, в Ходженте, уже упоминавшемся Бешарыке появились и так называемые *мардикор бозори* (рынок поденщиков), где можно было нанять рабочего¹⁵⁹.

Углубление товарно-денежных отношений приводит к вовлечению в товарное производство даже женщин. Это выражалось не только в развитии женских видов промыслов и продаже продуктов их производства на рынке, о чем писалось выше, не только в вовлечении в мужское производство (все увеличивающаяся зависимость от рынка вынуждала женщин, как и детей, всех этнических групп помогать мужчинам, выполняя несложные операции в их ремесле), но и в участии женщин в наемном труде. В Ходженте, например, как пишет Н.О.Турсунов, на относительно крупные шелкомотальные предприятия, где работали три – четыре шелкомотальные установки, хозяева привлекали к перемотке грежи на малые шпульки наемных работниц, которые работали или на женской половине дома хозяина, или у себя дома¹⁶⁰.

Такая картина наблюдалась и в других городах Ферганы. По данным В.В.Заорской и К.А. Александер, в начале XX в. среди фабрично-заводских рабочих было 2309 женщин. Из них 46 человек из числа русских работали чернорабочими, остальные 2263 из числа сартянок работали в гренажных

мастерских и коконосушильных¹⁶¹. Работа последних часто имела надомный характер. Но женский труд использовался преимущественно на хлопковых плантациях во время сбора урожая. Так, в Ходжентском уезде на сбор хлопка нанимали как мужчин, так и женщин¹⁶², в Наманганском же уезде сбор хлопка считался уже исключительно женским трудом¹⁶³. Как писала О.А.Сухарева, “роль поденщицы к XX в. значительно увеличилась в районах, где хлопок успел превратиться почти в монокультуру, вытеснив остальное”¹⁶⁴.

Одним из результатов развития капитализма в Ферганской долине стал рост городского населения. Городская жизнь была развита в этом крае и раньше. Более того, она занимала первенствующее положение в Средней Азии уже к концу XVIII – первой половине XIX в.¹⁶⁵. Но экономические преобразования, происшедшие в долине в последней трети XIX – начале XX в. усилили урбанизацию края.

Расширяются старые города за счет появления новых частей, ставших центрами административной жизни. Строятся новые. Появился город Новый Маргилан, переименованный позже в Скобелев (ныне город Фергана), и целый ряд поселков при железнодорожных станциях – Посьетовка, Мельниково, Дарогомилово, Серово, Горчаково, Федченко и др.; при рудниках и копиях – Сулюкта, Кызыл-Кия, Джалалабад, Кадамжай, Камышбаши, Туямуюн и др.¹⁶⁶ Только за период с 1897 по 1907 г. городское население Ферганской долины увеличилось на 30,9%, в том числе Андижана – с 47627 человек до 72856, т.е. почти вдвое, Коканда – с 81354 до 111189, т.е. почти на 30000 человек, Намангана – с 62017 до 10358, т.е. более чем на 8000 человек, Старого Маргилана – с 36490 до 46173, т.е. почти на 10000 человек и т.д.¹⁶⁷ В то же время сельское население увеличилось лишь на 22,54%¹⁶⁸. При этом население городов пополняли в основном прибывшие из европейской части России и, прежде всего, русские (военные, чиновники, купцы, рабочие, разночинцы), которые составили 60,58 % всего пришлого населения городов¹⁶⁹. Но и местных жителей увеличилось в городах на 39,54%¹⁷⁰, что свидетельствует, в частности, и о росте местных кадров рабочих.

Таким образом, в результате указанных экономических изменений Ферганская долина после присоединения ее к России стала одним из основных районов этнического смешения в Русском Туркестане. Превращение Ферганы в источник хлопкового сырья и развитие здесь капиталистических отношений расширяли, как мы видели, интерлокальные связи края, и увеличивали географию этнических контактов ферганцев.

Далее, усиленное оседание полукочевников, явившееся в значительной степени результатом такой моноспециализации экономики Ферганской долины, совершенно меняло хозяйственно-бытовой уклад и связанные с ним традиции оседающих. И это уже само по себе способствовало сближению недавних полукочевников с издавна оседлым населением края, в первую очередь, с узбеками-сартами и таджиками. Замена прежнего полунатурального хозяйства товарно-денежными отношениями еще больше усилила территориальное разделение труда и в самой Фергане, что существенно укрепляло межэтнические контакты.

Все возрастающий спрос на покупные орудия производства, одежду, обувь, ткани, как кустарного, так и фабричного производства, начал вносить изменения в область материальной культуры, особенно у господствующих слоев населения. Появление многочисленных харчевен, прежде всего в городах, разнообразило состав традиционных блюд ферганской кухни. Высокая плотность и пестрый этнический состав, тесные производственные и бытовые отношения, создавали благоприятные условия для развития двуязычия, для культурного и физического смешения разных этнических групп.

Но сохранялись еще в Фергане разные типы хозяйства у полукочевых и издавна оседлых народов. И хотя между теми и другими существовали давние межхозяйственные связи, хотя те и другие практически составляли два взаимосвязанных компонента единого комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства, сложившегося в Фергане (как и в других районах Средней Азии), именно факт принадлежности к скотоводам и земледельцам был существенным моментом, препятствовавшим как консолидационным, так

и интеграционным процессам. Как писал В.В.Бартольд, “признак принадлежности к определенному культурному типу был в глазах кочевника (и полукочевника, и оседлого жителя – С.Г.) важнее, чем признак национальности и языка”¹⁷¹.

Консолидационным процессам мешало и наличие в рассматриваемый период патриархально-феодальных отношений, которые к тому же консервировались искусственно феодально-байской верхушкой и царской администрацией. Замкнутый образ жизни в сельских или квартальных общинах у издавна оседлого населения и в родоплеменных общинах полукочевников, в сословных группах (ходжа), браки, совершавшиеся предпочтительно внутри своей группы, производственная жизнь, часто ограниченная опять-таки преимущественно узким кругом данного коллектива – все это затрудняло процессы консолидации.

1. О политической истории Кокандского ханства см.: *Наливкин В.П.* Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886; *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана // Соч. в 9-ти тт. Т.П, ч.1.М., 1963. С.286 – 290; *Иванов П.П.* Очерки по истории Средней Азии (XV1 – середина XIX в.). М.,1958. С.108 – 110. 178 – 213; *Чехович О.Д.* К истории Узбекистана в ХУШ в. // ТИВ АН УзССР. Вып. Ш. 1954; *Набиев Р.Н.* Из истории Кокандского ханства (феодальное хозяйство Худояр-хана). Ташкент, 1973; *Бейсембиев Т.К.* “Тарих-и Шахрухи” как исторический источник. Алма-Ата, 1987. С. 6 – 27, 91 – 134.
2. По Т.К. Бейсембиеву, годы правления Алим-хана делятся с 1798 по 1810 (*Бейсембиев Т.К.* Указ. соч. С.14).
3. Год принятия ханского титула не установлен (*Бартольд В.В.* Указ. соч. С.287).
4. По Т.К. Бейсембиеву, время правления Умар-хана длится с 1810 по 1822/23 гг. (*Бейсембиев Т.К.* Указ. соч. С.19).
5. Иванов П.П. Указ. соч. С.201 – 203.
6. По Т.К. Бейсембиеву, годы правления Мадали-хана: 1823 – 1842 (*Бейсембиев Т.К.* Указ. соч. С.19).
7. *Иванов П.П.* Указ. соч. С.203.
8. *Плоских В.М.* Очерки патриархально-феодальных отношений в Южной Киргизии (50 – 70 гг. XIX в.). Фрунзе, 1969.С.9.
9. *Иванов П.П.* Указ. соч. С. 67, 70, 90.
10. *Иванов П.П.* Казахи и Кокандское ханство // ЗИВ. Т.7., 1939. С. 104 – 105.
11. Подробнее о политической истории горных владений и о взаимоотношениях их с Кокандским ханством см.: *Кисляков Н.А.* Очерки по истории Каратегина. К истории Таджикистана. Сталинабад, 1954; *Искандаров Б.И.* Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России. Сталинабад, 1960; *Он же.* Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Ч.1. Душанбе, 1962. Ч.2. Душанбе, 1963; *Он же.* Социально-экономические и политические аспекты истории Памирских княжеств. Душанбе, 1983.
12. *Иванов П.П.* Указ. соч. С.93; *Кармышева Б.Х.* Население // Этнографические очерки узбекского сельского населения. М., 1969. С.22; *Бейсембиев Т.К.* Указ. соч. С. 9.
13. *Бейсембиев Т. К.* Там же.

14. *Батраков В.С.* Характерные черты сельского хозяйства Ферганской долины в период Кокандского ханства // ТСАМГУ. Нов. серия. Вып. 62. Гуманитарные науки. Кн. 8. История. 1955. С. 121 – 122 .
15. Полевой материал автора.
16. *Бартольд В.В.* Указ. соч. С.290.
17. *Бартольд В.В.* История Туркестана // Соч. в 9-ти тт. Т.П, Ч.1. М., 1963. С. 165.
18. История народов Узбекистана. в 2-х тт. Т. П. Ташкент, 1947. С.146.
19. *Бартольд В.В.* История культурной жизни... С.290.
20. О предистории и ходе завоевания Кокандского ханства написано много работ. См., в частности: *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России. М., 1965.
21. История народов Узбекистана. С.246
22. История народов Узбекистана. С.247 – 252; *Искандаров Б.И.* Социально-экономические и политические аспекты... С.105.
23. ЦГВИА, ф.400, оп.1, д.1038, л.34; ЦГИА, ф.23, оп.1, д.532, лл.200 – 241; д.646, лл. 226 – 239; д.699, лл.164, 171; д.1581 а, лл.317 – 318; ф.298, оп.1, д. 108, л. 50, д.121, л.93. В работе используется административно-территориальное деление, принятое в конце XIX – начале XX в. Там, где приводится полевой материал автора, который собирался в 70 – 80-е годы XX в., используется административно-территориальное деление этого времени..
24. *Кушелевский В.И.* Материалы для медико-географической и санитарного описания Ферганской области в 3-х тт. Т.2. Новый Маргилан, 1891. С.121.
25. *Кушелевский В.И.* Там же; *Кузнецов П.Е.* О таджиках Намаганского уезда // ИТОРГО. Вып. П. Т.Х1. Ч.1. 1915. С.31 и др.
26. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К.Паленом. Ч.П, отд.1, Таблицы. СПб, 1911. С.4.
27. Там же. С. 28.
28. Об этом много написано. См., в частности: *Жданко Т.А.* Этнические общности и этнические процессы в дореволюционной России // Современные этнические процессы в СССР. М., 1975. С. 39.
29. Материалы к характеристике народного хозяйства... Ч.1, отд. П. СПб., 1911. С.62. Точные сведения по Ходжентскому уезду привести затруднительно, так как значительная часть его находилась за пределами Ферганской долины.
30. Статистический обзор Ферганской области. Новый Маргелан, 1907. Приложение 2.
31. Там же.
32. *Бушков В.И.* Население Северного Таджикистана (формирование и расселение). М., 1988. Таблицы.
33. Материалы к характеристике народного хозяйства...Ч. П, отд. 1. С.11.
34. Там же.
35. Среди большого количества работ, так или иначе касавшихся воздействия экономических факторов на этнические процессы, протекавшие в Средней Азии в конце XIX – начале XX в., в первую очередь следует назвать исследования М.Г. Вахабова (*Вахабов М.Г.* Формирование узбекской социалистической нации. Ташкент, 1965) и Б.Х.Кармышевой (*Кармышева Б.Х.* О торговле в восточных бекствах Бухарского ханства в начале XX в. в связи с хозяйственной специализацией (по этнографическим данным) // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М., 1979; *Она же.* “Кочевая степь Мавераннахра” и ее население в конце XIX в. (по этнографическим данным) // СЭ. 1980. № 1.
36. Проблема межхозяйственных связей на территории Ферганской долины затрагивалась в ряде работ (Современный кишлак Средней Азии. М.,1927. тт.У1, УП (далее: Современный кишлак, У1; Современный кишлак, УП); *Погорельский П., Батраков В.* Экономика кочевого аула Киргизстана. М., 1930; *Батраков В.С.* Характерные черты сельского хозяйства Ферганской долины в период Кокандского ханства // ТСАМГУ. Новая серия, вып.62, гуманитарные науки, кн.8. История. 1955; *Сухарева О.А., Бижанова М.А.* Прошлое и настоящее селения Айкыран. Ташкент, 1955; *Еришов Н.И.* Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района ТаджССР перед Октябрьской революцией. Сталинабад, 1960; *Турсунов Н.О.* Сложение и пути развития городского и сельского населения Северного Таджикистана XIX – начала XX в. Душанбе, 1976.
37. *Кармышева Б.Х.* “Кочевая степь”... С.46.
38. *Батраков В.С.* Указ. соч. С.113 – 114.

39. Современный кишлак, У1. С.130.
40. *Турсунов Н.О.* Указ. соч. С.218; Полевой материал автора.
41. Полевой материал автора.
42. Современный кишлак, УП. С. 133.
43. Материалы к характеристике народного хозяйства... Ч.1, отд.1. С.312.
44. *Батраков В.С.* Указ. соч. С.134.
45. Современный кишлак, У1. С.35.
46. *Бабур Захириддин Мухаммад.* Бабур-наме. Пер. М. Салье. Ташкент, 1958. С.14.
47. Там же.
48. *Наливкин В.П., Наливкина М.* Очерк быта женщин туземного оседлого населения Ферганской долины. Казань, 1886. С.133; Полевой материал автора.
49. Полевой материал автора.
50. *Давыдов Ю.* Кокан-кишлакская волость перед земельной реформой. Ташкент, 1926. С. 51 – 52.
51. *Миддендорф А.Ф.* Очерки Ферганской долины. СПб., 1882. С.136.
52. Там же.
53. Материалы к характеристике народного хозяйства... Ч.1, отд.1. С.312.
54. Подсчет урожайности сделан автором по данным, приведенным Трусковым о посевах в Ферганской области Русского Туркестана в 1886 г. (*Трусов.* Краткое описание Ферганы 1886 г. // СМА. 1888. Вып.35. С.178.
55. *Вельяминов-Зернов В.В.* Сведения о Коканском ханстве // ВРГО. 1856. Ч.ХУШ. Кн.5.С.121.
56. *Бабур Захириддин Мухаммад.* Указ. соч. С.15.
57. *Трусов.* Указ. соч. С.178; *Наливкин В., Наливкина М.* Указ. соч. С.14; Полевой материал автора.
58. О дислокальном поселении горожан см.: *Сухарева О.А.* Традиция сочетания городских сельских занятий в Средней Азии конца XIX – начала XX в. // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М., 1979. С. 203 – 204; *Турсунов Н.О.* Указ. соч. С. 115; *Писарчик А.К.* Традиционные способы отопления жилищ оседлого населения Средней Азии в XIX – XX вв. // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982. С.98.
59. Полевой материал автора.
60. Материалы к характеристике народного хозяйства... Ч.1, отд.1. С.17.
61. Подробнее о циклах перекочевков см.: *Плюских В.М.* Очерки патриархально-феодальных отношений в Южной Киргизии (50 – 70 гг. XIX в.). Фрунзе, 1969. С. 24 – 25.
62. *Кушелевский В.И.* Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области в 3-х тт. Новый Маргилан, 1891. Т.1. С. 365.
63. ЦГИА. Ф.23, оп.1, д.2291, л.7; д.2292, лл. 1 – 16.
64. Полевой материал автора.
65. ЦГИА. Ф.19, оп.11, д.5984, л.5; ф.23, оп.1, д.2292, лл.1 – 16, 19.
66. ЦГИА. Ф.19, оп.1, д.871, л.1.
67. *Погорельский П., Батраков В.* Указ. соч. С.19.
68. Полевой материал автора.
69. *Толстова Л.С.* Каракалпаки Ферганской долины. Нукус, 1959. С. 68.
70. *Шаниязов К.Ш.* К этнической истории узбекского народа (Историко-этнографическое исследование на материалах кипчакского компонента). Ташкент, 1974. С.190.
71. Материалы по киргизскому землепользованию (Ферганская область Андижанский уезд), Ташкент, 1913. Т. 6. С.53.
72. *Миддендорф А.Ф.* Указ. соч. С.289; *Ершов Н.Н.* Указ.соч. С.152.
73. Современный кишлак, У1. С.131.
74. ЦГИА. Ф.23, оп.1, д.2292, л.19.
75. *Батраков В.С.* Особенности развития сельского хозяйства Бухарского ханства с половины ХУШ до 70-х гг. XIX в. - // ТТГУ. Ташкент, 1962. Вып.193. С. 176; *Ершов Н.Н.* Указ. соч. С.156.
76. Материалы к характеристике народного хозяйства... Ч.1, отд.1. С.17.
77. Там же.
78. Обзор Ферганской области за 1888 г. Новый Маргилан, 1889. С.8.
79. *Валиханов Ч.Ч.* Материалы и исследования о Кашгарии // Валиханов Ч.Ч. Сочинения в 5-ти тт. Т.П. Алма-Ата, 1962. С.392; *Куропаткин А.Н.* Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. СПб., 1879. С. 71; *Турсунов Н.О.* Из истории городского ремесла Северного Таджикистана. Душанбе, 1974. С.87, 173.

80. *Гулишамбаров С.И.* Экономический обзор Туркестанского района, обслуживаемого среднеазиатской железной дорогой. В 3-х чч. Асхабад, 1913. Ч. 1. С. 60.
81. *Развадовский В. Н.* Опыт исследования кустарных промыслов в Туркестанском крае. Ташкент, 1916. С. 9 – 11.
82. *Валиханов Ч.Ч.* Указ. соч. С.392; *Развадовский В.Н.* Указ. соч. С.10; *Сухарева О.А. Турсунов Н.О.* Из истории городских и сельских поселений Средней Азии второй половины XIX – начала XX в. // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982. С. 21.
83. *Турсунов Н.О.* Из истории... С.87, 173.
84. *Валиханов Ч. Ч.* Указ. соч. С.391. О тканях в одежде киргизов в XIX - начале XX в. см.: *Смеико Т.Н.* Ткани в одежде киргизов (2-я половина XIX – XX в. // Костюм народов Средней Азии (историко-этнографические очерки). М., 1979.
85. *Развадовский В.Н.* Указ. соч. С.27 – 44; *Пецерева Е.М.* Гончарное производство Средней Азии // ТИЭ АН СССР .1959. Новая серия. Т.XLII. С. 202.
86. Полевой материал автора.
87. Обзор Ферганской области за 1888 г. С.8.
88. *Турсунов Н.О.* Сложение и пути развития... С.218; Полевой материал автора.
89. *Гамбург Б.С.* К характеристике орудий земледельцев Ферганской долины и Ташкентского оазиса конца XIX – первой четверти XX в. // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии. М., 1975. С.112.
90. *Дубов А.И.* Производство традиционных ножей в некоторых районах Средней Азии // Полевые исследования Института этнографии. М., 1975.С. 92 – 102; Полевой материал автора.
91. О локальных формах тюбетеек в Средней Азии, об их стилевых особенностях см.: *Сухарева О.А.* Тюбетейки // Народное декоративное искусство Советского Узбекистана. Текстиль. Ташкент. 1954. С. 149 – 166.
92. Об отражении этнических особенностей в ткачестве см.: *Кармышева Б.Х.* Ткачество и прядение у населения южных районов Таджикистана и Узбекистана (XIX – начало XX в.) // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.
93. О коврах Ферганской долины см.: *Антипина К.И.* Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962. С.65 – 95; *Она же.* Ворсовое ткачество // Народное декоративно-прикладное искусство киргизов ТКАЭЭ. 1968. Т.У. С.59 – 77; *Мошкова В.Г.* Ковры. // Народное декоративное искусство Советского Узбекистана. Текстиль. Ташкент, 1954. С.78 – 86; *Она же.* Ковры народов Средней Азии конца XIX – начала XX в. Ташкент, 1970. С. 86 – 103.
94. *Мошкова В.Г.* Ковры. С.67 – 82; *Она же.* Ковры народов... С.86 – 87.
95. Современный кишлак..., УП. С.119.
96. Полевой материал автора.
97. *Калантаров Я.И.* Среднеазиатские евреи // Народы Средней Азии и Казахстана в 2-х тт. Т.П. С.614; *Турсунов Н.О.* Из истории... С.59.
98. *Снесарев Г. П., Троцкая А.Л.* Среднеазиатские цыгане // Народы Средней Азии и Казахстана. Т.П. М., 1963. С.600.
99. Полевой материал автора
100. Современный кишлак, УП. С.113.
101. Полевой материал автора.
102. *Миддендорф А.Ф.* Указ. соч. С.46, 59.
103. *Миддендорф А.Ф.* Указ.соч. С.339 – 340; *Макишев А.* Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае // ЗИРГООС. 1871.Т.П, С.231; *Плюских В.М.* Указ.соч. С.39; Полевой материал автора.
104. Материалы к характеристике народного хозяйства..., 1911. Ч.1, отд.П. С.299.
105. *Вахабов М.* Формирование узбекской социалистической нации. Ташкент, 1965. С.60. Об особом типе селений – торговых селениях см.: *Сухарева О.А., Турсунов Н.О.* Указ. соч. С.34 – 37.
106. *Вельяминов-Зернов В.В.* Указ. соч. С.125.
107. *Кузнецов П.Е.* О таджиках Наманганского уезда // ИТОРГО. 1915. Вып. П. Т. XI. Ч.1. С.17 – 18.
108. *Наливкин В.П.* По поводу книги А.Ф.Миддендорфа “Очерки Ферганской долины” // Туркестанские ведомости. Ташкент, 1883. № 35.
109. Полевой материал автора. Товарности женских промыслов посвящены специальные статьи: *Сухарева О.А.* Участие женщин в товарном производстве тканей и одежды у равнинных таджиков

- в конце XIX – начале XX в. // Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980; Кармышева Б.Х. О товарности женских промыслов (этнографические данные по восточным бекствам Бухарского ханства) // Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980.
110. Полевой материал автора.
  111. Сухарева О.А. Участие женщин... С.208.
  112. Наливкин В.П., Наливкина М. Указ. соч. С.119 – 120.
  113. О переходных базарах и базарных циклах см. также: Андреев М.С. Поездка летом 1929 г. в Касанский район (Северной Ферганы). Ташкент, 1929; Современный кишлак, УП. С.143 – 145; Турсунов Н.О. Сложение и пути развития... С. 217.
  114. Андреев М.С. Поездка летом... С.127.
  115. Полевой материал автора. О караванных путях, ведущих из Ферганы, в частности из Кыстакоза, в Ташкент, Самарканд см.: Еришов Н.Н. Сельское хозяйство таджиков Ленинадского района ТаджССР перед Октябрьской революцией. Сталинабад, 1960. С.26 – 27.
  116. О часто мнимой роли маклеров во время сделок на обычных базарах очень остроумно написано супругами Наливкиными (Наливкин В., Наливкина М. Указ. соч. С. 37).
  117. Трусов. Указ. соч. С.178.
  118. Стеценко С.А. Аграрная политика царского правительства в Ходжентском уезде после присоединения к России // Известия ООН АН ТаджССР, 1957. № 13. С.87, 89.
  119. Юферев В.И. Очерки по экономике хлопкового хозяйства. М., 1927. С.18.
  120. Причина того, почему именно Ферганская долина стала основной базой хлопкового производства в царской России, впервые достаточно глубоко и четко рассмотрены В.И.Юферевым (Юферев В.И. Указ. соч. С. 3 – 10.)
  121. Демидов А.П. Экономические очерки хлопководства, хлопковой торговли и промышленности в Туркестане. М., 1926. С.52; Мелик-Саркисян С.А. Хлопковое дело в Ферганской области и меры к его упорядочению. М., 1904. С.14.
  122. Юферев В.И. Указ. соч. С.75.
  123. Бартольд В.В. Хлопководство в Средней Азии // Бартольд В.В. Соч. в 9-ти тт. Т.П, ч.1. М., 1963. С.447.
  124. Батраков В.С. Особенности развития сельского хозяйства Бухарского ханства с половины ХУШ до 70-х гг. XIX в. // ТТГУ. Вып.193. Ташкент, 1962. С.179.
  125. Материалы к характеристике народного хозяйства... Ч.1. Отд. 1. С.102.
  126. Полевой материал автора. Об этом пишет по Ходжентской области и Н.Н.Еришов (Еришов Н.Н. Сельское хозяйство... С.149 – 150).
  127. Наливкин В.П. Очерки земледелия в Наманганском уезде // ТВ. № № 11 – 29. Миддендорф А.Ф. Указ. соч. С.242 – 243.
  128. Там же.
  129. Киселевич И. Вести из Ферганы // Туркестанское сельское хозяйство. Ташкент, 1911 № 12. С.933.
  130. История народов Узбекистана в 2-х тт. Т.П. Ташкент, 1947. С.275.
  131. Материалы к характеристике народного хозяйства... Ч.1. Отд.1. С.85.
  132. А на внушительные размеры изъятий указывала даже сама царская администрация (ЦГВИА. Ф.400, оп.1, д.3886, л.22).
  133. Постоянная нехватка пастбищ приводила к постоянным спорам из-за них, о чем свидетельствуют архивные данные (ЦГИА. Ф.17, оп.1. д.17079, л.10; ф.19, оп.1, д.871, лл. 1, 6, 9; Д.3473, л.1; д.5884, л.4; ф.23, оп.1, д.911, л.1; д.919, л.4).
  134. ЦГИА ф.19, оп.1, д.3886, л.22.
  135. Кушелевский В.И. Указ. соч. т. 1. С.367.
  136. Материалы к характеристике народного хозяйства... Ч.1, отд.1. С.82, 83.
  137. Левитов И. Значение скотоводческо-земледельческих поселков для Ферганы // ТС. Т.508. С. 170, 171.
  138. Статистический обзор Ферганской области. Скобелев, 1910 С.5.
  139. Заорская В.В., Александер К.А. Промышленные заведения Туркестанского края. Пг., 1915. С.79.
  140. Кушелевский В.И., Указ. соч. Т.1. С.369.
  141. Кармышева Б.Х. О торговле в восточных бекствах... С.128
  142. История народов... Т.2. С.284 – 285.
  143. Там же. С.284 – 285; Турсунов Н.О. Из истории городского ремесла... С.31, 79.

144. История народов...Т.2. С.285 – 286; *Турсунов Н.О.* Из истории городского ремесла... С.108 – 170.
145. *Заорская В.В., Александр К.А.* Указ. соч. С.23.
146. *Раджабов З.* Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во 2-й половине XIX – начале XX в. Сталинабад, 1957. С.47.
147. Статистический обзор Ферганской области. Скобелев, 1911. С.7.
148. *Юферев В.И.* Очерки... С.6.
149. Материалы к характеристике народного хозяйства... Ч. 1. Отд.1. С.116.
150. ЦГИА. Ф.300, оп. 1, д.317, л.90.
151. Там же. Лл. 16 – 17, 44 – 57.
152. Там же. Л. 9.
153. Там же. Лл. 16-17, 44-57.
154. Полевой материал автора.
155. *Турсунов Н.О.* Из истории городского ремесла... С.126.
156. ЦГИА. Ф.19. оп.1, д.3341, л.91.
157. Там же. Л.45.
158. Современный кишлак Средней Азии. М., 1927. Т. У1. С. 130.
159. *Ериов Н.Н.* Указ. соч. С.56; Полевой материал автора.
160. *Турсунов Н.О.* Из истории городского ремесла... С.41.
161. *Заорская В. В., Александр К.А.* Указ. соч. С.99.
162. *Ериов Н.Н.* Указ. соч. С.147.
163. *Сухарева О.А., Бикжанова М.А.* Указ. соч. С.51.
164. Там же.
165. *Бартольд В.В.* История Туркестана // Соч. в 9-ти тт. Т.2, Ч.1. М., 1963. С.165.
166. Структуре и характеру поселений XIX – начала XX в. в Средней Азии, в том числе и Ферганской долине, значению городов в жизни региона, занятиям населения посвящена специальная статья О.А.Сухаревой и Н.О.Турсунова (*Сухарева О.А., Турсунов Н.О.* Указ. соч.). См. также: *Аминов А.М.* Экономическое развитие Средней Азии (колониальный период). Ташкент. 1959. С.156; *Вахабов М.Г.* Указ. соч. С.97-98.
167. Материалы к характеристике народного хозяйства.. Ч.1. Отд.1 С.57.
168. Там же.
169. Там же. С.58.
170. Там же.
171. *Бартольд В.В.* Хлопководство в Средней Азии // Соч. в 9-ти тт. Т.2.Ч.1. М.,1963. С.461.

КОНСОЛИДАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ У УЗБЕКСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ

К вопросу о формировании узбекского населения

Ферганы

К концу XIX – началу XX в. в Фергане, как и на остальной территории Узбекистана, в составе узбекоязычной части населения четко выделялись три крупных субэтнуса, которые имели определенные различия в антропологическом типе, в говорах, в материальной и духовной культуре. Один из них – издавна оседлое население городов и селений, не имевшее родоплеменного деления и известное до революции под названием “сарг”. Как известно, сарты сформировались в результате длительного процесса смешения древних ираноязычных народов Среднеазиатского междуречья (в том числе и Ферганы) и тюркоязычных племен, которые начали проникать в Среднюю Азию с конца I тысячелетия до н.э. и продолжали прибывать во все последующие века.

Вторая часть узбекского народа была известна до революции под названием “тюрк”. Она представляла собой исторических потомков той части тюркских и тюрко-монгольских племен, которая, поселившись в Средней Азии до нашествия узбеков Шейбани-хана, не растворилась среди оседлого населения, а вплоть до начала XX в. сохраняла полукочевой образ жизни и родоплеменные традиции.

И наконец, третьей группой в составе узбекского народа были потомки даштикипчакских узбеков, прибывших в Мавераннахр в конце XV – начале XVI в. Их так же, как и тюрков, характеризовали полукочевой быт, занятие скотоводством в сочетании с земледелием, наличие родоплеменных традиций. Отличали же от сартов и тюрков антропологическая характеристика, джокающие (кипчакские) говоры, некоторые этнографические особенности и самоназвание “узбек”¹.

Все эти субэтноты в составе узбекского народа до революции довольно четко отличали себя друг от друга, хотя в быту, традициях, языке было уже так много общего, что, как пишет Б.Х.Кармышева, “не остается сомнения в принадлежности их всех... еще в дореволюционный период к единой узбекской народности”².

С а р т ы. В Фергане, как и на других территориях Средней Азии, в частности, в Ташкентском, Хорезмском оазисах, термином “сарт” кочевое и полукочевое население называло издавна оседлых жителей городов и селений, узбеко- и таджикоязычных. Так же называли, как увидим ниже, и окончательно осевшего полукочевника, человека, который стал заниматься исключительно “сартовским” делом, а именно земледелием, ремеслом, торговлей. В данном разделе будет рассмотрена узбекоязычная часть сартов.

Сарты постоянно, в течение веков, вплоть до начала XX в. пополнялись за счет оседающих кочевников. В разных районах Мавераннахра этот процесс оседания кочевников и ассимиляции их оседлым населением протекал с разной степенью интенсивности. В Ферганской же долине, в силу различных обстоятельств, он шел гораздо быстрее, чем на остальной территории Среднеазиатского междуречья³. В результате к концу XV – началу XVI в., к периоду появления в Фергане даштикипчацких узбеков, здесь уже было густое тюркоязычное население, хотя и не утратившее еще родоплеменного деления.

Анализ “Бабур-наме” и других письменных источников, а также топонимии Ферганской долины привел меня в свое время к выводу о том, что до появления даштикипчацких узбеков здесь жили следующие тюркские и монгольские племена: ягма, карлук, чигиль, ашпар, турукшар, чограк, каучин, джалаир, барлас, найман, ктай, минг, кырк, чурас, канглы, бахрин, нарын, тагай, дулгат, утарчи, аргын, балыкчи⁴ и, по-видимому, другие. В частности, хотелось бы отметить еще тюрков анди* чей след, видимо, сохранился, по

---

* Любопытно, что среди чувашских языческих имен В.Магницким были приведены Аднаган, Андуган, Антуган⁷. А поскольку в основе тюркских этнонимов часто лежали собственные имена (и наоборот), поскольку названия населенных пунктов часто образовывались от этнонимов, и, наконец, поскольку древними формами названия Андижан были Андиган и Андукан, то приведенные

предположению В.П.Наливкина, в названии города Андижан⁵, бачкиров, алчинов⁶ и многих других (о чем свидетельствуют данные топонимии).

Большинство этих племен, судя по “Запискам” Захириддина Мухаммада Бабура, были уже в это время оседлыми. Кочевых же племен Ферганы Бабур приводит не так уж много. В частности, он упоминает несколько раз тюркские племена ашпар, турукшар, чограк, кочевавшие в горных районах к югу и востоку от Андижана¹⁰. В горных районах северной Ферганы тоже обитали какие-то племена, названия которых Бабур, к сожалению, не приводит. Все эти горцы должны были поставлять Бабуру скот и время от времени, в период междоусобий, привлекались им в качестве союзников¹¹.

О племенах, кочевавших в собственно долине, Бабур ничего не пишет. Можно предположить, что их почти не было (ведь для ферганских скотоводов издавна было характерно вертикальное кочевание), а если они и были (из прикочевавших из других территорий), то число их, думается, было невелико, или они были на стадии оседания. Вряд ли Бабур, столь тонко описавший Фергану, ее города и селения, занятия, быт, нравы жителей, не упомянул, хотя бы бегло, о кочевавших в долине племенах, если бы число их было значительным.

Далее. Бабур пишет: “Жители Андижана все тюрки (а он четко отличал древних насельников края – сартов от тюрков – С.Г.): в городе и на базаре (а на базар приезжает обычно немалое число крестьян не только из окрестных, но и из довольно отдаленных селений – С.Г.) нет человека, который не знал бы по-тюркски. Г о в о р н а р о д а с х о д е н с л и т е р а т у р н ы м (разрядка моя – С.Г.) ”¹². Необходим, думается, немалый срок, чтобы говор недавнего полукочевника, живущего даже не в городе, а в селении, стал близок литературному языку. Все это, мне кажется, свидетельствует о том, что

антропонимы могут служить дополнительным свидетельством к указанному предположению. И наконец, в пользу него говорит и наличие одноименных топонимов, приведенных Б.Х.Кармышевой⁸, и сообщение “Тарих-и Шахрухи” о племенах анди, кочевавших в Ташкентском оазисе, Кураме, Южном Казахстане⁹.

большинство тюркских племен, живших в Фергане в период появления здесь узбеков из даштикипчакских степей, было уже оседлым.

Среди прибывших в начале XVI в. узбеков могли быть следующие племена, помимо целого ряда указанных выше: кунграт, кыят, катаган, кенегес, мангыт, сарай, юз, кипчак, уч-уру и др.¹³ Они тоже довольно быстро осели. Как писал автор XVII в. Махмуд ибн Вали, в большей части деревень близ Андижана обосновались (даштикипчакские – С.Г.) у з б е к и (разрядка моя – С.Г.), что является свидетельством оседлого их состояния в этот период¹⁴. В.С.Батраков и вовсе считает, что оседание даштикипчакских узбеков в Фергане завершилось не только в XVII, но даже в XVI в.¹⁵

Основными причинами оседания узбеков, как в свое время и оседания тюрков, были, естественно, глубокие социально-экономические изменения, связанные с начавшимся и все усиливающимся процессом расслоения внутри кочевого общества. Особо же быстрое оседание их в Фергане, думается, было связано с отсутствием здесь больших необитаемых пространств, которые являлись главным условием для развития кочевой формы хозяйства¹⁶. Горные же и предгорные районы, которые можно было приспособить для вертикального кочевания, были, во-первых, уже заняты тюркскими кочевыми племенами (о которых, в частности, писал Бабур), а во-вторых, для перехода на эту форму кочевания, совершенно новую для степняка-узбека, необходимы были и особые породы скота, приспособленные для пастбы в горах, и навыки, для приобретения которых нужно время.

Замкнутость и небольшие размеры Ферганы, а также относительно высокая для того времени плотность населения обуславливали и близкое соседство вновь прибывших скотоводов с земледельцами долины, что тоже содействовало более быстрому оседанию даштикипчакских узбеков именно в этом районе Мавераннахра. И, наконец, близкие говоры отдельных групп тюрков Мавераннахра и узбеков из Даштикипчакских степей, одинаковые родоплеменные названия некоторых групп тех и других облегчали процесс

оседания узбеков и слияния их с оседлым тюркским населением Ферганы, пополняя тем самым пласт тюркоязычных сартов края.

По мнению В.П.Наливкина, наиболее успешно шло оседание узбеков-кочевников (а значит, и сближение их с сартами – С.Г.) в средней и особенно восточной части долины, а именно в местности между Маргиланом, Араваном, Ошем и Узгеном¹⁷. Одной из главных причин колонизации узбеками именно востока долины, видимо, было то, что западная часть ее была к этому времени уже освоена и имела довольно густое население¹⁸. Кроме того, на заселение узбеками именно восточной части Ферганы оказало влияние достаточное количество воды и плодородной земли в этом районе, отсутствие болот, каковых было много, например в Центральной Фергане¹⁹. В районе Намангана оседание кочевых узбеков наиболее успешно шло, по В.П. Наливкину, между Наманганом, Чартаком, Наукентом и Пишкораном²⁰.

Собственно долинную часть Ферганы, в частности, территорию нынешнего Кокандского оазиса, даштикипчакские узбеки начали осваивать, видимо, гораздо позже, примерно в конце XVII – начале XVIII в.²¹ Причем, похоже, что они были едва ли не первыми поселенцами этих, тогда еще пустынных, солончаковых и песчаных, местами болотистых земель (остальные, более удобные для обитания территории были уже заняты). О густом узбекском (даштикипчакском) населении в этом районе говорят данные топонимии. Карта Кокандского оазиса буквально пестрит названиями кишлаков, в которых отразились родоплеменные названия узбеков: Кырк, Минг, Кунград. Кенегес, Катаган, Мангыт и др. Об этом же свидетельствуют и материалы ревизии, проведенной в Туркестане в 1907 г. Больше всего ревизия отметила узбеков (даштикипчакских – С.Г.) именно в Кокандском уезде – 31,87%, в то время как в Маргиланском уезде их отмечено всего 3,02%, в Наманганском – 0,02, в Андижанском и Ошском – по 0,01%²². А ведь заселение узбеками Ферганы началось, как уже говорилось, именно с последних территорий. Наличие же в начале XX в. в этих районах узбеков в очень небольшом числе свидетельствует о почти полном слиянии их с сартами. Более того, и это небольшое число было,

скорее всего, не остатками старых поселенцев, а позднейшими мигрантами: юзами, кипчаками и др.

Пополнение ферганских сартов за счет новых пришлых элементов не закончилось с приходом сюда даштикипчакских элементов. В течение всех остальных веков вплоть до начала XX в. в Фергану продолжают прибывать мигранты не только из сопредельных территорий, но и довольно отдаленных. Миграции были обусловлены нашествием на те или иные регионы внешних врагов, междоусобными неурядицами, поисками новых земель или пастбищ, насильственными переселениями, предпринимаемыми правителями обширного Кокандского ханства с целью освоения новых земель и т.д. Так, постоянная междоусобная борьба ханов, не прекращавшаяся в соседнем Бухарском ханстве в течение XVIII – XIX вв., вызывала массовые переселения в Фергану жителей Бухары, Самарканда и других городов и окрестных селений. Среди беженцев были не только узбеки, издавна оседлые и полукочевые, но и таджики, и другие народы²³. Немало мигрантов было и из Хивинского ханства, из районов Казахстана, Кыргызстана и других мест.

Так, около 250 лет назад прибыли в Фергану со стороны Хорезма узбеки-кунграты (хотя, как уже говорилось, они были в Фергане и раньше). В частности, некие Кунграт-бува и Куват-бува основали, по преданию, селение Кунграт близ Андижана. Примерно в это же время прибыли узбеки-кунграты в район нынешнего селения Укчи (к юго-востоку от Коканда), но уже из Бухарского ханства. В селении Гулякандоз (к югу от Ходжента) прибыли представители этого племени из районов Казахстана. Зарегистрированы мною потомки кунгратов и к северу от Коканда (кишлак Кунграт и др.) Таким образом, ареал распространения кунгратов, прибывших в Фергану в XVIII – XIX вв. был когда-то достаточно широк: от крайнего запада до востока долины. Но сохранились об этом сведения лишь в топонимии и в памяти некоторых стариков.

Примерно 250 лет назад появились в Фергане и новые группы сараев. Потомки подразделений сараев акбуралы-сарай, кыркаралы-сарай и

анджигалы-сарай зарегистрированы, в частности, в Тюракурганском районе Наманганской области. Выявлены сараи и в районе Шахрихана и Андижана²⁴. Около 200 лет назад, по данным Н.О. Турсунова, переселились на территорию Аштского района Ходжентской области и небольшие группы карлуков и карактаев из Ташкентского оазиса²⁵. Примерно в это же время из ташкентского селения Катаган мигрировали часть катаганов в упомянутый Тюракурганский район, создав здесь одноименный кишлак. Причем, как сообщил мне 95-летний житель этого кишлака Кыргызали Казаков, до недавнего времени поддерживались родственные отношения наманганских катаганов с соплеменниками, оставшимися на прежней родине. Зарегистрированы мною потомки катаганов и в Маргилане (здесь был даже одноименный квартал), и в Куве, и в Коканде. Впрочем, катаганы даже в первой четверти XX в. были достаточно широко распространены в Фергане. Гази Алим, изучавший язык катаганов в 20 – 30-е годы²⁷, отмечал их в большом числе в Ферганской долине. По М.Г. Вахабову, их было немало в районе между Кокандом и Наманганом²⁸, по Н.А. Кислякову, Н.О.Турсунову, – в Кыстакозе и его окрестностях Ходжентской области²⁹.

Постоянная борьба Бухарского и Кокандского ханств в конце XVIII – начале XIX в. за территории Ура-Тюбе и Джизака привели опять-таки к переселениям не только значительные группы тюрков и юзов, уходивших со своими стадами в более спокойную Фергану, но и оседлых жителей этих районов. Часть этих переселенцев тоже слились с сартами Ферганской долины.

Нашествие джунгар (калмыков) в 1723 г. на казахские и кыргызские кочевья, на районы Туркестана, Ташкента, Чимкента, Сайрама вынудили бежать в Фергану казахов, кыргызов, каракалпаков³⁰, ряд узбекских племен, например, кипчаков³¹, кураминцев³². Вторжение на короткий срок в Фергану после разгрома китайцами Джунгарского царства в середине XVIII в самих калмыков³³ также не осталось без следа для этнической истории края. Калмыки вскоре были изгнаны, но часть их осталась и слилась с местным населением, о чем свидетельствуют не только топонимы Калмак, разбросанные по всей

Ферганской долине³⁴, но и сообщения информаторов. В окрестностях Кувы, Маргилана, Коканда мне неоднократно говорили о живших здесь раньше калмаках (калмыках), которые к настоящему времени слились с сартами.

В сложении узбекоязычных сартов Ферганы приняли участие и часть среднеазиатских арабов, и часть уйгуров, мигрировавших сюда в течение XVIII – XIX вв., и таджиков, издавна живших на территории Ферганы, и многих других этнических групп.

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. оседлое тюркоязычное население Ферганы, именуемое “сарт”, представляло собой сложный синтез разнородных этнических элементов, объединенных общим типом хозяйства, одинаковым бытом, близкими говорами и единым самосознанием.

Х о д ж а. Среди исконно оседлого населения Ферганской долины (узбеко- и таджикоязычного), как и на остальной территории Средней Азии и вообще мусульманского мира, четко выделялись привилегированные группы сейидов и ходжей, представители которых считали себя потомками пророка Мухаммада и его сподвижников³⁵ или арабов вообще и даже местных “святых”. Все они относили себя к “белой кости” (*ок суюк*).

В силу своей социальной исключительности (часто мнимой), сейиды и ходжа резко противопоставляли себя остальной массе населения, “черни”, которую в Фергане чаще называли *коралар* (буквально “черные”) или *кора суюк* (буквально “черная кость”), иногда *карача*. В связи с тем, что население часто объединяло сейидов и ходжа общим наименованием “ходжа”³⁶, в данной работе тоже не будет разграничения их.

Среди ферганского населения ходжи составляли значительный слой и часто играли видную политическую роль в Кокандском ханстве, чему в немалой степени содействовали их родственные связи с кокандскими ханами³⁷. Так, известно, что в конце XVII в. власть в Фергане и вовсе перешла в руки ходжей, хотя и на короткий срок³⁸.

В конце XIX – начале XX в. ходжи жили практически во всех земледельческих областях Ферганской долины. Но особенно большое число их

было в городах (Маргилан, Андижан, Ош, Коканд, Наманган, Ходжент, Канибадам, Касан, Чуст, Пап и др.) и крупных селениях. По административным данным за 1902 г., только в Маргиланском уезде было зарегистрировано 1091 семья “святого” сословия, в том числе 343 семьи сейидов, 668 – ходжей, 72 – шейхов, хранителей мазаров, обычно из сословия ходжей, 8 – тюра. Причем, половина всех сейидов (153 семьи) и третья часть всех ходжей (210 семей) сосредоточились в Маргилане. Среди сельских волостей наиболее “святыми” были Чимионская (69 семей сейидов и 88 – ходжей), Файзабадская (44 семьи сейидов и 96 – ходжей, 2 – шейхов), Шахриханская (9 семей сейидов, 4 – ходжей), Алтыарыкская (7 семей сейидов, 21 – ходжей)³⁹.

Жили они обычно компактными, изолированными от остального населения группами, занимая отдельное селение или квартал в городах и селениях, которые назывались обычно Ходжамахалля или Ходжакишлак. Даже на кладбищах, по данным Р.Я. Рассудовой, захоронения ходжей располагались отдельно и в отдалении от других⁴⁰. Но особенно “исключительность” ходжей подчеркивалась эндогамными браками. Запрет вступать в брачные отношения с “черню” острее всего касался женщин, хотя и для мужчин он не был желателен. Существовало представление, что нарушившего этот запрет якобы должны были преследовать различные несчастья (например, неизлечимые, чаще психические болезни, увечья и т.д.) и даже не в одном поколении. Хотя истинные причины, причем не всегда осознаваемые местным населением, заключались, скорее всего, в нежелании ходжей как нисходить до черни (потомство от второго поколения мужчин-ходжей и “простых” матерей теряло свою принадлежность к этому сословию)⁴¹, так и принимать в свой клан простолюдинов (потомство от женщин-ходжей и мужчин из черни приобретали все права и привилегии этого сословия)⁴². Детей от ходжи и простолюдина в Фергане называли *чала-ходжа*, т.е. “наполовину ходжа”, подчеркивая тем самым их “нечистоту”, “второсортность”.

Благодаря многовековой замкнутости, сословная группа сейидов и ходжей приобрела со временем некоторый этнический оттенок. Не случайно

некоторые информаторы считают ходжей особой этнической общностью, а среди этнонимов многих народов встречаются и ходжа⁴³. Этим объясняется рассмотрение их в данной работе.

Привилегированное положение этой группы увеличивало число мнимых сейидов и ходжей, поэтому в доказательство своего действительно благородного происхождения потомки их даже в наши дни предьявляют родословную – *шаджара* (хотя часто недавнего происхождения), подчеркивают “истинность” свою добавлением к самоназванию прилагательного *асил* (буквально “настоящий, верный, истинный”).

Свидетельством того, что значительная часть ходжей стала принадлежать к этому сословию в обозримом прошлом, служат легенды о родоначальниках их, обязательно “святых” и творящих чудеса, но живших тем не менее относительно недавно. Так, о происхождении ходжей рода “пир Азиз” мною записана легенда в Юкори-кишлак Кувинского района Ферганской области. Когда-то в этих краях не было селений, а лишь простирались бескрайние тугайные леса. Проезжавший здесь Худояр-хан (правивший Кокандским ханством в предколониальный период) со своими нукерами, увидел человека, пасшего сайгаков. Худояр попросил у него для своих воинов айрана*. Но человек подал лишь одно блюдечко напитка. Возмутился Худояр. Но, как ни странно, блюдечко айрана утолило жажду всех воинов, и Худояр понял, что перед ним святой. В благодарность Худояр дал этому человеку (а его звали Азиз) документ на право постоянного пользования этой местностью. Потомство Азиза и стало относить себя к ходжам рода “пир Азиз”.

Дед одной из моих женщин-информаторов из селения Паласан Алтыарыкского района Ферганской области ишан Джалал, известный больше под прозвищем Акдуппи-ишан (буквально “ишан – белая тубетейка”), опять-таки жил совсем недавно, в конце XIX – начале XX в. Он тоже был известен тем, что творил чудеса и даже оживлял мертвых животных. Как-то, чтобы проверить его способности, сварили плов из кошачьего мяса и принесли ему.

---

* Айран – напиток из квашеного молока, разбавленного водой. Хорошо утоляет жажду в летний день.

Акдуппи-ишан, даже не глядя на плов, сказал: “Кыш!” И ожившая кошка с мяуканьем исчезла.

О том, что часть ходжей имела далеко не “благородное” происхождение, свидетельствуют и такие названия родов ходжей, как *шаптоли-ходжа*, т.е. “ходжа-персик”, *каламтир-ходжа*, т.е. “ходжа-перец”, *найза-ходжа*, т.е. “ходжа-пика”, *джинни-ходжа*, т.е. “ненормальный ходжа” и т.д.⁴⁴.

Одной из влиятельных фамилий сейидов в Кокандском ханстве (как и в Бухарском ханстве) была фамилия миёнов⁴⁵. Они обычно занимали высшие духовные должности; в числе их мюридов были даже кокандские ханы, как, кстати, и бухарские эмиры⁴⁶. С миёнами были, по-видимому, связаны так называемые майдони-ходжа. Так, дед одной из моих женщин-информаторов, живший когда-то в Майгире (к северо-западу от Андижана), был, по ее словам, ходжа-миён, хотя сама себя и, естественно, всех своих родственников относит она к майдони-ходжа. Отец другого моего информатора также был миёном, хотя, как считает сам информатор, они из андижанских майдони-ходжа. А майдони-ходжа, как свидетельствует Ч. Валиханов, занимали почти половину Андижана⁴⁷. Кроме того, по мнению местных жителей, они жили в Ассакинской, Алтынкульской, Майгирской, Балыкчинской и, по-видимому, в других волостях Андижанского уезда. В числе их мюридов были не только оседлые жители окрестных селений, но и кыргызы предгорий⁴⁸. Среди последних они были известны под названием “чекма-ходжа”, так как занимались оспопрививанием⁴⁹.

Так называемые “шахимарданские ходжи” жили не только в самом селении Шахимардан при мазаре, где, по преданию, был похоронен Али, один из первых халифов (отсюда и название селения, что буквально означает “царь мужей”; так называли Али), но и в Маргилане, в квартале Машад, где якобы тоже было захоронение Али⁵⁰. По-видимому, издавна жили в Маргилане и ходжи фамилий Хусейни⁵¹ и Мешгеди⁵². В квартале Хонако⁵³ жили так называемые “хонакали ходжа”, т.е. “ходжи из хонако”. Обосновались в этом городе и каратегинские ходжи (хотя сами были узбеками-сартами), известные

под названием “шо ходжа” (*шо* – в переводе с таджикского означает “самостоятельный правитель”). И вообще Маргилан до революции, как, впрочем, и многие другие города Средней Азии, был средоточием мусульманского духовенства, и здесь обосновались самые разные группы ходжей, которые иногда объединялись одним общим термином “маргиланские ходжи”.

Рядом с Маргиланом, в селении Ташлак, обитали *алтынбешикли ходжа*, т.е. “ходжи золотой колыбели”, часть из которых переселилась со временем в окрестности Кувы. Происхождение их возможно, было связано с легендой о сыне Бабура*. В Учкургане Ошской области жили ходжи, ведущие свое происхождение от некоего ишана Балхи (здесь был мазар этого ишана). Как известно, город Балх в Афганистане был одним из первоначальных центров суфизма. Представители балхской школы в IX – X веках вели активную пропаганду своего учения в Средней Азии⁵⁵.

В Учкургане же живут до сих пор и праправнуки известного здесь в свое время лекаря из ходжей Муй-муборак. Происхождение этих ходжей связывают в народе с преданием, приведенным В.П.Наливкиным. К Мадалихану (время правления 1822 – 1842) явился некий человек, который заявил, что у него есть чудотворный волос из бороды пророка (*муй-муборак*, буквально “благословенная борода”). Святыня была с торжеством водворена в урочище Каратепе, которое с тех пор стало именоваться Муй-муборак. Там же появилось и одноименное селение. Шейхи при этой святыне, естественно, тоже стали называться “муй-муборак”⁵⁶.

Расселились ходжи муй-муборак по всей Ферганской долине, и занимались, как свидетельствует мой полевой материал, врачеванием, чаще магического характера. Число этих ходжей было, по-видимому, велико, если

---

* По преданию, приведенному В.П.Наливкиным, когда Бабур бежал от узбеков Шейбани, одна из его жен родила сына между Ходжендом и Канибадамом. Чтобы не подвергать младенца предстоящим опасностям и лишениям, ребенка завернули в дорогие ткани и положили под кустом у дороги, а рядом кушак с драгоценностями и золотую колыбель. Мальчик был найден кочевавшими здесь племенами минг, кырк, кипчак, кыргыз. Воспитан племенем минг, которое и дало ему имя Алтынбешик, что значит “золотая колыбель”. Этот мальчик и стал якобы родоначальником мингов в Фергане⁵⁴. Есть ли связь между этой легендой и упомянутой группой ходжа, сказать трудно.

судить по докладной Каратепе-Чаукентского волостного управления кувинскому участковому приставу от 21 ноября 1909 г., в которой сообщалось о том, что во вверенной ему волости нет ни ишанов, ни муй-мубораков⁵⁷. Видимо, в других волостях они были, и в немалом числе, коль о них запрашивала сведения администрация края.

Несмотря на в целом привилегированное положение ходжей, большая часть их была простыми тружениками: земледельцами, ремесленниками, причем очень искусными. Очень многие когда-то пустынные и безводные земли Ферганской долины освоили именно ходжи. Так, селение Ходжа-кишлак в Кувинском районе возник около 150 – 200 лет тому назад, когда 25 семей хонакали-ходжа (так назывались каляндары, обзаведшиеся семьей и жившие среди мирского населения, хотя сохранявшие связь с общиной⁵⁸) переселились сюда из Маргилана, пробили тоннель сквозь адыр, провели воду из Исфайрам-сяя и превратили этот участок сухой каменистой степи в цветущий оазис⁵⁹.

В селении Аваль жили ходжи – мастера по изготовлению арб. К ним обращались как к хорошим специалистам, жители не только данного и соседних селений, но и относительно отдаленных, например, таких, как Каптархана, Наукат, Вуадиль и др. Ходжи, жившие в Учкургане Ошской области были отличными кузнецами, жившие в Маргилане – медниками, в Бешарыке – строителями, в Насретдинбеке – ткачами, обувщиками, в Чимионе ходжи занимались извозом и т.д.⁶⁰.

Т ю р к и . Тюрки в широком смысле этого слова, как уже говорилось, жили в Ферганской долине задолго до появления здесь узбеков Шейбани-хана. Все они давно слились с древним ираноязычным населением Ферганы, приняв участие в формировании тюркоязычных сартов долины. В данном разделе речь пойдет о той части тюрков, которая известна в литературе под названием «этнографическая группа “тюрк”» в составе узбеков и появилась в Фергане относительно недавно, в XVIII – XIX вв.

Этнографический материал, собранный мною во время поездок по Ферганской долине, а также данные топонимии позволили мне в свое время

уточнить и дополнить уже имеющиеся сведения о расселении этой группы в Фергане и определить в какой-то степени родоплеменной состав ее⁶¹. По записанным мною преданиям, тюрки переселились в Фергану из районов Ура-Тюбе и Заамина, а также некоторых районов Сурхандарьинской области в основном в XVIII – начале XIX в. Многие из них до сих пор поддерживают родственные связи с уратюбинскими и зааминскими тюрками. Пиры ферганских тюрков также до недавнего времени находились там.

Передвижению тюрков в Ферганскую долину способствовали и смутные времена, связанные с борьбой Кокандского ханства с Бухарским из-за районов Ура-Тюбе и Заамина, и насильственное переселение их со своих кочевий. Так, в Ходжабадском районе Андижанской области мне рассказывали, что во времена Мадали-хана (20 – 40-е годы XIX в.) тюрк по имени Бузахор, живший в местечке Сансорсай в Ура-Тюбе, убил во время спортивной борьбы (*кураш*) богатыря из Коканда. Разгневанный хан выселил Бузахора и его родственников в район Аваля (селение близ города Ферганы). Оттуда тюрки перебрались в окрестности Ходжабада (около Андижана), где было больше раздолья для пастбы скота, а главное, не было оседлых поселений. Кстати, по пути от Аваля до Ходжабада имеется немало тюркских поселений (по-видимому, из числа отколовшихся и осевших представителей тюрков) и среди них с названием Бузахор (близ Кувы). Одно из подразделений ферганских тюрков также называется “бузахор” и считает своим родоначальником упомянутого богатыря.

В целом же передвижения тюрков были связаны с поисками новых пастбищ. Так, одно из преданий гласит, что легендарный предок всех тюрков Турки-тугон, переселившийся несколько веков назад из Турции (“Усмония” называют ее информаторы)⁶², облюбовал для своих многочисленных стад районы Ура-Тюбе. Оттуда в поисках новых мест, удобных для пастбы скота часть тюрков передвинулась в степь Туя-буйин, а потом в Фергану. Да и в Фергане они то и дело переходили с места на место в поисках новых пастбищ. Так, например, тюрки-барласы Мархамата были выходцами из Ура-Тюбе. А в

окрестностях Кувы, Суфана мне говорили, что их предки, тюрки-барласы прибыли из Мархамата, а не Ура-Тюбе, как следовало бы ожидать, так как эти пункты (Кува, Суфан) находятся на пути следования из Ура-Тюбе в Мархамат.

Очень может быть, что Ферганская долина была одним из кочевий тюрков с давних пор, и она составляла единую территорию их расселения с Ура-Тюбе, Заамином, Сурхандарьей и Ташкентом. Прибывавшие сюда в течение XVIII – XIX вв. группы тюрков, продолжая кочевать, возвращались назад, в Ура-Тюбе и Заамин, а затем опять в Фергану. Как уже говорилось, тюрки Ферганы считают себя выходцами из указанных выше мест, в то время как по материалам Г.Ф. Благовой и Х.Д. Даниярова, тюрки Джизака считают своей родиной Андижан⁶⁴. А.Ф.Миддендорф писал о том, что тюрки-багрины переселились в Самаркандский оазис из Ферганы, в частности, из-под Маргилана⁶⁵, а М.Ф.Гаврилов – о том, что ветвь лолаки пришла в Ура-Тюбе из-под Ходжента⁶⁶.

Существовало мнение, что в Ферганской долине тюрки поселились в основном в ее юго-восточной части, в частности, в нынешних Мархаматском районе Андижанской области и Араванском районе Ошской области, а также в нескольких кишлаках Кокандского, Кувинского и Маргиланского оазисов⁶⁷. Собранный мною материал позволил дополнить эти данные. В период перекочевок тюрки выбирали, прежде всего, места, удобные для выпаса овец. В Фергане это в основном адыры и приадырные равнины, свободные от посевов.

Оседающие тюрки, естественно, селились преимущественно в местах своих кочевий. И поэтому тюркские поселения в Фергане расположились в основном по всей южной полосе долины, предпочтительно вблизи адыров, окружающих долину с юга, начиная с западных ее окраин и кончая восточными. Правда, самые крупные массивы их, действительно, зарегистрированы на юго-востоке долины. Так, по административным данным за 1890 г., в Араванской волости было зафиксировано 629 хозяйств тюрков, а в соседней Кувинской волости – 946 хозяйств⁶⁸. Кроме того, значительные группы тюрков обитали в Каратепе-Чаукентской волости (401 хозяйство),

Шахриханской волости (539 хозяйств), Сегазинской волости (769 хозяйств) Маргиланского уезда⁶⁹.

Составить генеалогию тюрков Ферганы, как, впрочем, и других территорий, в настоящее время довольно трудно⁷⁰. Процесс исчезновения родоплеменных делений (а значит, и названий), начавшийся в XIX веке, а, может быть, и раньше, и являющийся, несомненно, результатом консолидации узбеков, особенно усилился к 80-м годам XIX века. Информаторы обычно помнили только наименования семейно-родственных групп, к которым принадлежали их предки, в редких случаях – и принадлежность к племени, чаще всего к барласам, иногда к кальтатаям (а, судя по этнографическим данным и топонимии, в Фергану в XVIII – XIX вв. прикочевали именно барласы и кальтатаи)⁷¹. Кстати, по свидетельству информаторов, барласы и кальтатаи были непосредственными потомками упомянутого Турки-Тугона, а между собой братьями. Старшим из них был Барлас. На различных празднествах его потомки сидели на самом почетном месте, а сам праздник начинался только после его благословения. Известно, что этот род был и самым знаменитым, так как сам Тимур был из барласов.

Ю з ы – одно из крупных узбекских племен – представляли в дореволюционной Фергане довольно значительную группу, но точных сведений пока об их числе нет. Первые юзы прибыли в Фергану, вероятно, с войсками Шейбани-хана, но, думается, что эта группа давно осела, как и многие другие племена даштикипчакских узбеков, и слилась с оседлым тюркоязычным населением Ферганы. В данном разделе рассматриваются юзы, пришедшие в Фергану в более обозримое время, в конце XVIII – XIX вв.⁷²

Родиной предков большинства ферганских юзов были сопредельные с Ферганой территории Заамина и Ура-Гюбе, меньшая часть прибыла из Гиссара. В частности, предки моих информаторов (а они были из сад-юзов), живущих в селениях Янтак Матчинского района, Каттахайри Ходжентского района, Унджа (в 8 км от Ходжента) пришли в эти края около 200 лет назад со стороны Гиссара, а именно из кишлаков Галакапа, Чугунтепа, Четарык. А, как известно,

Заамин, Ура-Тюбе, Гиссар были основными местами расселения юзов в рассматриваемый период⁷³.

Причиной появления в Фергане юзов, как и тюрков и других мигрантов, были различны. Одни шли в Фергану в поисках новых пастбищ, других переселяли по указам ханов для освоения новых земель, третьих манила сюда более спокойная жизнь. Предки же юзов-баявутов, живших в селении Наукат близ упоминавшегося Бешарыка, славились у себя на родине, в Ура-Тюбе, как отличные воины и конники (а юзы вообще были известны как наиболее воинственные из узбекских племен). И один из кокандских правителей решил, по словам информаторов, переселить их поближе к своей столице, чтобы набирать из их числа воинов. Сначала юзы-баявуты были поселены близ Коканда, в селении Кайнар-булак. Но так как там было мало места для пастбы скота, они перебрались в окрестности Бешарыка.

Значительная часть юзов поселилась в Ходжентском уезде Ферганской долины (районы Нау, Пролетарский и другие Ходжентской области XX в.), т.е. той части края, которая во второй половине XVIII в. входила в состав Ура-Тюбинского владения⁷⁴, а также на территории Кокандского уезда, граничившего с Ходжентским (окрестности Коканда, Бешарыка и др.). Но в поисках пастбищ они дошли до Андижана. Крупные массивы юзов осели в свое время в окрестностях Кувы, Насретдинбека, Шахрихана, Ассаки и др. Остальные же селения их разбросаны почти по всей равнинной части долины и даже в южных предгорьях Кураминского хребта⁷⁵.

Юзы, по словам одного из прекрасных информаторов, узбека Нишанбая Абдуллаева (1903 г.р.) из селения Марка-юз близ Ассаки, входили в состав Младшего Джюза и подразделялись на марка, карапчи, кырк⁷⁶. Все они были братьями, причем старшим из них был марка, а младшим – кырк. На различных празднествах на почетном месте сидел представитель марка, справа от него – представитель карапчи, а слева – кырк. Голову барана (вареную), как самую почетную часть туши, на пиршествах ставили перед представителем

марка, который, отпробовав, передавал ее карапчи, затем кырку, а уж затем всем остальным.

Марка, в свою очередь, имел трех сыновей: Хтай-юз (информаторы произносили “Хтаб-юз”), Реджаб и Солин. У Хтай-юза было 12 сыновей от трех жен. От первой жены: Ханходжа, Сад-юз⁷⁷, Небусо (Немусо), Каракурсак; от второй жены он имел сыновей Куруккозон, Бешкуви, Тыгырык, Бахмачаи; от третьей – Увол, Мугол, Ходжа-бачча, Чиркыроук⁷⁸. Реджаб тоже имел 12 сыновей, но от двух жен: Бешюз, Бешбола, Чаллар, Чолджувит, Чиялы, Джувансирак, Туяклы – от одной жены; Оламан, Алями, Джумалакбош и еще двух, имен которых информатор не помнил, – от другой.

И, наконец, Солин тоже имел большое число сыновей. Информатор помнил имена лишь семерых: Давлей-солин, Кырсадак, Кавряк-солин, Джовчи-солин, Шадман-тови (топи), Тагай-тови (топи), Ляпкараш. Карапчи подразделялись на 13 ветвей: Карабуйин, Парча-юз, Баявут, Куштамгалы, Сеггиссары, Очамайлы, Кунгирвой, Найман, Тарнов-карапчи, Кокани-карапчи, Сювлы⁷⁹. Еще двух имен информатор не помнил. К сожалению, не мог он привести и подразделения кырков. В Ферганской долине, судя по этнографическим и топонимическим данным, жили юзы всех трех ветвей.

В селении Янтак (ныне Бустон) Матчинского района Ходжентской области мною записано еще одно представление о происхождении юзов. Исанбай Санджаров (во время сбора материала ему было 72 г.), потомок сад-юзов, рассказывал, что все юзы делились на три части: Улугджуз, ведущий свою родословную от Байориса, Уртаджуз – от Джонариса и Кичиджуз – от Бийариса. Марка-джузы представляли собой шестое колено Улугджуза: Байорис → Баджура → Мастанхон → Бахтиёр → Актойлак → Марка и брат его Кулика. Кстати, Кулика, брат Марка, был родоначальником правящей династии в Гиссаре⁸⁰. И, наконец, в селении Боз (бывший Насретдинбек) Андижанской области записана мною еще одна легенда о юзах. Все юзы являются потомками семи братьев (*етти огаини*): Марка (старший), Балгалы, Уроклы, Сулоклы, Каравош, Карабуйин, Карапчи. По именам этих

братьев, своих предков, они и назывались. В Фергане будто бы жили представители всех этих групп, кроме сулоклы.

Каждая из вышеуказанных групп имела свои более мелкие подразделения. Но составление полной генеалогической таблицы не только юзов, но и вообще всех недавних полукочевников, как уже говорилось, в наши дни дело довольно трудное. Этим, видимо, объясняется и тот факт, что этнонимический материал о юзах, собранный современными авторами⁸¹, во многом не совпадает. Кроме того, юзы в различных районах жили в неодинаковом окружении. А это всегда накладывало свой отпечаток на генеалогию. Поэтому ограничусь приведением еще одного ряда родоплеменных названий юзов, собранных в Ферганской долине: балои-азим, барчавек-юз, ганч-юз, диванбеги, калляр, кипчак, найман, мулла-топи, напкарач-юз, сыргалы, хаштияк, чаукан//чункан (с подразделениями каратепе-чаукен, бахрин-чаукен, курама-чаукен), эрганаклы-юз, чоркесар.

Одни мои информаторы считают, как мы уже видели, что кырки есть одно из подразделений юзов, наряду с марка и карапчи. Другие считают, что юзы и кырки – братья. Об этом же писал и Х.Данияров⁸². О каких-то родственных и территориальных связях этих племен свидетельствует и существование этнонима *кырк-мен-юз* (буквально “кырки с юзами”), который был зафиксирован и в Ферганской долине. Мною была записана такая легенда о происхождении этого этнонима. Один из кокандских ханов отправил в Ура-Тюбе посольство из 40 (*кырк*) человек, которое по какой-то причине не вернулось. Тогда хан отправил 100 (*юз*) новых послов. Но и эти люди не вернулись. В Ура-Тюбе же от смешения тех и других образовался родственный союз кырк-мен-юз.

Об определенной родственности этих этнонимов говорят и другие варианты приведенной легенды, и этимология самих племенных названий, восходящих в обоих случаях к числительным. В этой связи интересны и свидетельства рукописей, приведенные Т.И. Султановым, о том, что юзы и кырки, а также минги (от *минг* “тысяча”) родственны между собой⁸³. Их иногда,

по свидетельству К.Шаниязова, объединяли общим именем марка⁸⁴. Остается добавить, что в Ура-Тюбе и Заамине, а также в Фергане юзы постоянно жили по соседству с кырками, что могло обусловить и взаимопроникновение названий.

К у р а м а. Кураминцы – одна из крупных этнографических групп узбекского народа – известна у самого населения и в литературе под названием “курама”⁸⁵. Они расселены в основном в Ангренском оазисе Ташкентской области. В Ферганской долине Всероссийской переписью 1917 г. было зарегистрировано 1324 кураминца⁸⁶. Но, думается, что их было гораздо больше, так как только в Маргиланском уезде в 1895 г., по официальным данным, их было 1112 человек⁸⁷.

Происхождение кураминцев довольно сложное. Большинство исследователей считает, что в их формировании приняли активное участие и группы казахов, которые переселились в долину Ангрен⁸⁸. Мои информаторы также считают, что кураминцы образовались из смеси самых разных племен, но при этом подчеркивают, что значительную роль в этногенезе их сыграли казахи. Интересно, что в селении Гулякандоз Ходжентской области и его окрестностях, где жили как юзы, так и кураминцы, местное население называло последних *курама-узбек* или *казакча-узбек*, т.е. “казахские узбеки”, а юзов – *тоза узбек*, т.е. “чистые, истинные узбеки”.

Свою генеалогию ферганские кураминцы возводят к двум казахским джузам: Улугджуз (Большой, великий джуз) и Уртаджуз (Средний джуз). Но, видимо, в их формировании приняли участие и представители Кичиджуза (Малого джуза), так как этнонимы теляу, тама, алчин, зарегистрированные в составе ферганских кураминцев, были известны и Малому джузу казахов.

В Ферганскую долину кураминцы переселялись, как свидетельствует местное население, несколькими волнами. Одни называют временем переселения своих предков в Фергану конец XVIII – начало XIX в., другие называют и более ранние сроки, например, XVII в. Причинами переселения

были и нехватка пастбищ в Ангренском оазисе, и слишком высокие налоги и поборы, и, видимо, нашествие в XVIII в. джунгар..

Прибывали в Фергану в основном из окрестностей ангренских кишлаков Теляу, Ханабат, Джалаир, Абджаз, Карактай и других через перевалы Кураминского хребта Сарымсаклык (самый пологий и удобный), Каракия, Кендырдаван и др. Часть кураминцев стала кочевать тут же у подножия Кураминского хребта. Эта группа вплоть до революции сохраняла полукочевую жизнь. Другая часть отправилась в глубь Ферганской долины, выбирая места, более или менее удобные для пастьбы своего скота. Но высокая плотность населения в центре и недостаток пастбищ привели к относительно быстрому, по сравнению с первой группой, оседанию их и слиянию с оседлым населением.

По свидетельству информаторов, в Фергану переселились следующие группы кураминцев: джалаир с подразделениями керейт, джапалак, турайгыр, тупар, карачапан, чувалдак, джастабан; тама с подразделениями чубаланчи, алчын; уйшун с подразделениями чувилдак, абиз, бешкаль, курпа; теляу с подразделениями карагуйлы, карасийрак; унгут; абджаз; уроклы; балгалы; гышлык и, возможно, другие. Почти все эти этнонимы отразились в названиях поселений кураминцев. Из всех этих переселенцев в Ферганской долине особо почитаемыми и уважаемыми считаются джалаиры, как представители Старшего джуза. На всех празднествах они сидели на почетном месте, и только они обладали правом начать общее застолье.

В конце XX в. потомки бывших переселенцев были расселены в значительной степени вдоль подножия Кураминских гор (северная часть Ходжентской области), в районах Нау, Пролетарский той же области⁸⁹, в городе Ходжент и его окрестностях⁹⁰. Немало их, по моим данным, осело и в Наманганской области, в частности, в Тюракурганском, Учкурганском, Уйчинском, Янгикурганском и Касансайском районах; в Ферганской области, а именно в окрестностях районного центра Бешарык, города Коканд, в

Кувинском и Риштанском районах; в Ленинском, Московском, Алтынкульском, Пахтаабадском районах Андижанской области.

Кроме того, в предреволюционной Фергане, как уже говорилось, жили сараи, минги, кунграды, багрины, катаганы и др. Но почти все они были в это время уже оседлыми, занимались земледелием и ремеслами, т.е. занимались в основном сартовским делом, хотя сохранили еще самоназвание.

Сближение различных групп узбекоязычного населения Ферганы в области материальной культуры

Переход полукочевников к оседлой жизни в XVI – XVII и более ранних веках уже сам по себе способствовал консолидации до того разобщенных родов и племен, сближению их с тюркским земледельческим населением долины. Близкие же говоры тех и других, в значительной степени одинаковые родоплеменные названия уже осевших и только переходящих к оседлости групп, а также давние экономические и этнокультурные контакты полукочевников и земледельцев облегчали процесс слияния их и образования единого оседлого тюркоязычного населения Ферганы.

Условия, сложившиеся в Фергане колониального периода, еще более ускорили оседание полукочевников, привели к расширению контактов всех групп населения между собой, более быстрому распространению общих черт в хозяйстве, культуре, быте, к стиранию диалектных особенностей в языке и создали предпосылки для национальной консолидации узбекского народа, которая, правда, до революции еще не завершилась.

Выразительны цифры, приведенные в отчетах по ревизии Туркестанского края в 1907 г. По этим данным в начале XX в. 59,5% сартов занимались земледелием, 39,97% - торговлей, ремеслом, извозом и тому подобными занятиями, 0,53 – скотоводством (видимо, скотопромышленники). Таким образом, почти все издавна оседлые узбеки без родоплеменного деления, а именно 99,47%, были заняты своим традиционным ремеслом. В то же время 99,6% узбеков, бывших в недавнем прошлом скотоводами, уже занимались в

этот период не характерными для них видами деятельности: земледелием – 44,72%, торговлей, ремеслами, извозом – 54,88%. И только 0,4% их, т.е. даже меньше, чем сартов, занимались своим исконным делом – скотоводством⁹¹. Эти цифры свидетельствуют о почти стремительном, хотя в значительной степени вынужденном, оседании полукочевников в Фергане XIX – начала XX в. и о не менее стремительном сближении их с издавна оседлым населением в области хозяйственной деятельности.

Правда, земледельческое хозяйство недавних полукочевников еще значительно отличалось от земледельческого хозяйства сартов не только меньшей тонкостью в ведении его (например, знанием агротехники), но и приверженностью к определенным видам культур и, в первую очередь, к зерновым (пшенице, ячменю, просу, кукурузе), привычным для них издавна. Но поселившиеся среди оседлого населения стали выращивать уже и огородные (преимущественно лук и морковь и только для собственных нужд), что было совершенно не свойственно хозяйству полукочевников.

Тюрки на юго-востоке долины (Джалалабадский и Узгенский районы), изобиловавшей водными ресурсами и являвшейся древним рисоводческим районом, под влиянием сартов, как свидетельствует мой полевой материал, стали выращивать даже рис, очень капризную и трудоемкую культуру. Рисосеянием занялись и кипчаки, поселившиеся в низовьях реки Нарын⁹². Выращивание масличных, бобовых, разведение садов и виноградников тоже стало появляться у недавних полукочевников и тоже под влиянием сартов, хотя носило еще случайный характер.

В области земледелия имело место и обратное влияние. Так, сарты раньше почти не выращивали проса, особенно итальянского. Последнее, например, высевалось в минимальном количестве по окраинам бахчевых полей и исключительно для перепелов (которых сарты держали как певчую птицу или для перепелиных боев) или кур (их в хозяйстве было не больше пяти–шести). У полукочевников же посевы проса, в частности итальянского, занимали значительное место. Просо они ценили за урожайность и скороспелость. Как

уже говорилось, оно вызревало всего за 40 дней – важное качество для полукочевника. Кроме того, итальянское просо в частности, устраивало их больше и потому, что готовить из него было проще, чем из обычного. И, наконец, блюда из итальянского проса считались у полукочевников вкуснее, чем из обычного. В рассматриваемое же время сарты в ряде районов (например, Тюракурганский, Задарьинский, Учкурганский районы Наманганской области, Бозский, Алтынкульский – Андижанской области и др.) под влиянием соседей-полукочевников стали не только употреблять в пищу просо, но и выращивать в своем хозяйстве. Правда, итальянское просо по-прежнему выращивали только для перепелов и кур.

В дореволюционный период еще в значительной степени сохранялись различия в способах хранения продуктов земледелия и скотоводства у издавна оседлых жителей и недавних полукочевников, хотя и в этой области не обходилось без взаимовлияния. Как известно, хранение продуктов земледелия и скотоводства также зависело как от этнических традиций, так и от природных и исторических условий, а в рассматриваемый период в значительной степени и от традиций окружающего населения. Если у древних земледельцев были разнообразные способы хранения продуктов земледелия, то скотоводы, естественно, знали больше способов хранения мясных и молочных продуктов.

Способы хранения молочных продуктов были у всех полукочевников примерно одинаковыми. Из молока для хранения впрок приготавливали в основном два вида продуктов: масло, сбиваемое из квашеного молока, и курт – особый вид подсолненного и высушенного в виде шариков творога, полученного из склотины путем ее кипячения. Масло нетопленое, слегка подсолненное хранили в своеобразном сосуде, сделанном из желудка овцы или козы (желудок козы предпочитали использовать кураминцы). Желудки эти заготавливали заранее, когда резали скот. Их тщательно промывали, очищали от жесткой внутренней пленки, а затем подвешивали в надутом виде, как шар, для просушки. В подвешенном же виде их и хранили. В период же заготовки масла желудки вымачивали, еще раз промывали, набивали подсолненным

маслом и туго завязывали. Затем шкуру барана или козы (старую или новую, безразлично) обмазывали со стороны мездры круто соленой творожной массой, укладывали на шкуру желудок с маслом и плотно заворачивали. В таком виде масло могло храниться в течение всего года, вплоть до новых заготовок. Желудок только что зарезанной овцы не использовали для хранения масла, так как он быстро портился. Причем предварительно заготовленного желудка хватало только на одну консервацию масла, поскольку потом он становился ломким. Перетапливали масло только в том случае, если оно начинало портиться. Топленое масло хранили в керамических сосудах – хумах и использовали только для приготовления пищи. Но вообще его не очень любили.

У полукочевников имелось несколько способов консервации мяса. Один из них: обжаривали мясо на сливочном масле и складывали в хум, который закапывали в землю, накрыв сначала досками, а затем засыпав землей. В таком виде мясо могло храниться до трех и более лет. Другой способ: вяление предварительно подсоленного мяса. Третий – обжаренное на сливочном масле мясо складывали, как и сливочное масло, в желудок овцы или козы, заворачивали так же в шкуру, смазанную соленым творогом, и хранили до четырех – пяти месяцев. И, наконец, в желудке хранили и сырое, но подсоленное мясо. Правда, срок хранения в этом случае небольшой – всего один месяц⁹³. Любопытно, что в желудок того или иного вида скота могло поместиться все мясо зарезанного животного. Существовала даже поговорка: *Жонли нарсанинг ичида бола мечкайди, жонсиз нарсанинг ичида корин мечкайди*, т.е. “Среди одушевленных предметов никогда не наедается ребенок, среди неодушевленных – желудок”⁹⁴.

Но к концу XIX в., когда скотоводческое хозяйство в Фергане свелось к минимуму, и оседающие скотоводы стали переходить почти целиком на растительную пищу, все эти способы длительного хранения мясных и молочных продуктов оказались большинству осевших уже ненужными. Для

них гораздо важнее стало знание того, как сохранить продукты земледелия, и в первую очередь, зерновые – основу питания среднеазиатского земледельца.

Издавна оседлые земледельцы, сарты, например, в зависимости от материального состояния и локальных традиций, хранили зерно в мешках, бордонах*, хумах, специальных деревянных или глиняных ларях**, в сосудах из крупных тыквин. Деревянные лари больше использовались в городах и пригородных селениях, причем чаще состоятельными земледельцами. В сельских местностях присырдарьинских территорий и других местах с высокими грунтовыми водами, изобиловавших камышовыми зарослями, предпочитали хранить зерно в бордонах. Камыш, сам растущий в болотистых местах, устойчив к сырости, в отличие от дерева, и потому зерно в бордонах сохраняется в сырых местах превосходно. Кроме того, перед бордоном бессильны крысы и мыши, которых немало водится в этих районах: они не в состоянии прогрызть камыш.

В районах, где было развито гончарное производство (например, в окрестностях Намангана), хранили зерно в хумах. Впрочем, хумы и циновки для бордонов поставлялись и в довольно отдаленные территории от места их производства. Так, из Наманганского уезда их везли на плотах во все районы, лежащие вниз по течению Сырдарьи, вплоть до Ходжента. Просо, джугару, семенное зерно, из овощных – лук хранили, связав стебли в пучки и подвесив к потолку.

У полукучевников был один, но универсальный способ хранения зерна, в ямах. Кураминцы, кочевавшие у подножия Кураминского хребта, яму, предназначенную для хранения зерна (в два–два с половиной метра глубиной)

---

* Бордон – ларь из толстой камышовой циновки (которая тоже называется “бордон”), свернутой в виде цилиндра, иногда обмазанной сверху глиной. В бордон помещается, как показывает полевой материал, до 400 – 500 кг зерна.

** Деревянные лари, как рассказывали мне информаторы, делали обычно из дерева грецкого ореха или кайрагача – наиболее прочных пород дерева. Из остальных пород дерева, например, из ивы, делать эти сундуки было бесполезно: прогрызали крысы. Иногда такие лари были выше человеческого роста и назывались они *туя-сондык*, т.е. “верблюдо-сундук”. Разделены они были на три – четыре отделения для разных видов зерна. Извлекали зерно через отверстия в низу каждого отделения, которые при необходимости открывали. Глиняные лари (*халпа*) выкладывали из сухих катышей глины или делали корпус из деревянной арматуры, который обмазывали глиной с внешней и внутренней стороны.

обкладывали всю, дно и стенки, ферганской полынью (*ок иувок*) и засыпали зерно. Сверху зерно также покрывали слоем полыни (а полынь предохраняет от гниения) и замазывали глиной. Яма с зерном должна иметь чуть выпуклый верх, чтобы с нее стекала дождевая и снеговая вода. Выбор же места для нее определялся качеством земли: она должна быть сухой и не каменистой (в каменистой земле, по словам информаторов, высоко располагаются грунтовые воды). При откочевках зерно в ямах оставалось до возвращения хозяев.

Кураминцы, осевшие в Тюракурганской волости Наманганского уезда, тоже хранили зерно в ямах, но которые предварительно обжигали, чтобы просушить их, так как здесь высоки были подпочвенные воды. Затем яму обкладывали циновкой или просто камышом, которые должны были предохранить зерно от влаги. Кураминцы и юзы, осевшие в Ассакинской волости, тюрки Кувинской волости в рассматриваемый период хранили зерно уже не в ямах, как их предки, а в бордонах и деревянных сундуках, как их соседи-сарты.

Но в экстремальных ситуациях, например, во время учащавшихся грабительских набегов, и осевшие полукочевники, и сарты хранили урожай в ямах, замазанных вровень с землей так, чтобы никто, даже собственные дети, не знал, где находится тайник. В Тюракурганской же волости, например, где, по традиции зерно хранили в хумах, в тревожные времена зарывали его в тех же хумах, иногда замазывали в стальных нишах. В ряде районов сарты и осевшие полукочевники делали из проса в смеси с глиной гувала (глиняные катыши), которые при необходимости раскалывали и размачивали, чтобы извлечь зерно⁹⁶. Между прочим, другие злаки нельзя было хранить подобным образом, так как они в отличие от толстокожего проса прорастали. Как видим, неблагоприятные условия, в частности разбойничьи набеги, также способствовали сближению различных групп узбекоязычного населения Ферганы в области хозяйства.

Превращение Ферганы в район монокультуры хлопка явилось следующим значительным шагом в нивелировании хозяйственной

деятельности узбеков. Основной возделываемой культурой для всех земледельцев без исключения стал хлопок, и все они, издавна оседлые земледельцы и ставшие ими недавно, стали осваивать способы выращивания именно этой культуры, отодвинув на второй план зерновые, овощные и прочие.

Изменение хозяйственно-бытового уклада бывших скотоводов, связанного с переходом к оседлой жизни и занятию земледелием привел к постепенному изменению и типа жилища у них, а именно замене юрт глинобитным домом, характерным для земледельца⁹⁷. Появившись лишь как зимние жилища стационарного характера у беднейшей оседающей части полукочевников, они со временем стали основным видом жилья у всех недавних полукочевников. И решающую роль в этом сыграли не преимущества глинобитного дома перед юртой (напротив, как мне говорили многие старики, недавний полукочевник очень долго не мог привыкнуть к такому типу жилья, считая, что в доме человек гниет), а неблагоприятные экономические условия, создавшиеся в Фергане конца XIX – начала XX в. Они привели, как уже говорилось, к резкому уменьшению поголовья скота, а значит, и шерсти, необходимой для выработки войлоков – важнейшей составной части юрт. Правда, в ряде районов Ферганы юрта сохранялась вплоть до 30 – 40-х годов XX в., но, естественно, у тех групп, которые продолжали заниматься скотоводством и в советский период.

Результаты же этнокультурных контактов полукочевников с оседлым узбекоязычным (и таджикоязычным) населением выразились не столько в стремлении заменить юрту сартовским домом, сколько в заимствовании у окружающего населения техники постройки домов, исходного материала, планировки, интерьера.

Для ферганских городов второй половины XIX в. были уже характерны дома с так называемыми каркасными стенами, т.е. с однорядными и двухрядными деревянными креплениями, пространство между которыми заполнялись кусками сухой глины или гуваля⁹⁸. В сельской же местности, как

показывает полевой материал, такие дома были только у зажиточных, так как строительного леса в Ферганской долине было мало, и бедноте он не был доступен. Бедняки возводили стены без всякого крепления из гувалья, дерновых кирпичей (*чим*) или битой глины (*пахса*). Более прочными считались стены из битой глины. Если их выкладывал хороший специалист, то пахсовые стены, по словам информаторов, стояли до 100 лет. Они были сейсмо- и влагоустойчивыми. Влагоустойчивыми были и стены из дерновых кирпичей. И потому в солончаках и там, где высоки были подпочвенные воды, прибегали к двум последним видам строительного материала.

Так, в присырдарьинских районах, например, в Джумашуе и его окрестностях (левобережье Сырдарьи), где были солончаки, а вдобавок и достаточно высокие грунтовые воды, жилище строили без фундамента, но с высоким цоколем, роль которого выполняли камни, выложенные в один ряд. На цоколь укладывали толстые пуки камыша (в изобилии росшего в этой местности) с внутренней и внешней стороны стен, связанные в виде балок. Камыш этот выполнял, во-первых, функцию нижней обвязки стены (*чорчун*). А во-вторых, предохранял стены, выложенные из дерновых кирпичей или битой глины, от сырости и солей.

В Бешарыкской волости (а это район сухих солончаков) осевшие юзы и кураминцы строили дома, как и окрестное сартовое население, тоже предпочтительно из дерновых кирпичей. А вот в каменисто-щебнистых равнинах, например, в Кувинской волости, осевшие турки, как и окрестное издавна оседлое население, ограничивались постройкой домов из гувалья. Но следует отметить, что недавние полукочевники строили дома хуже сартов и потому, если была возможность, приглашали для этого специалистов из среды издавна оседлых узбеков и таджиков.

Заимствовали полукочевники и интерьер сартовского дома. Так, в рассматриваемый период в Фергане уже достаточно широко был распространен очаг с дымоходом типа камина (*мори*), особенно в городах⁹⁹. Но во многих сельских районах, особенно отдаленных от центра, как показывает

полевой материал, сарты, а вслед за ними и оседающие тюрки, юзы, кипчаки, кураминцы топили еще “по-черному”. Готовили еду на костре, установив над ним металлический треножник или, еще проще, несколько камней. У костра же обогревались.

Дым выходил через раскрытую дверь и специальное отверстие в потолке круглой или квадратной формы (*туйнук*), которое служило и вместо окна (окон в домах не было, а четырехугольные проемы в стене со ставнями - дарча, предназначенные для света, были лишь у относительно зажиточных). Крышкой для светодымового отверстия, которой пользовались в ненастную погоду, могли служить и несколько сбитых досок, если таковые были, и плоская плетеная корзина, утепленные старым халатом или другим каким-нибудь тряпьем. В рисосеяющих районах, например, присырдарьинских, крышкой для туйнука мог служить и просто пук рисовой соломы, прикрученный к палке длиной около метра для того, чтобы при необходимости можно было вытолкнуть пук наружу или, напротив, затянуть в отверстие.

Все большее распространение в Фергане очага с дымоходом и своеобразного и очень удобного обогревательного устройства – сандали* не только в городах, но и сельских местностях, естественно, приводило к появлению их и в домах недавних полукочевников. Более того, все больше завоевывая право на существование, сандали под влиянием оседлого населения проникает даже в кочевья, в юрты. Здесь на треножник, установленный над костром для приготовления пищи, укладывали после сгорания топлива небольшие чурочки, что превращало его в подобие столика, и накрывали одеялом.

Костюм ферганских узбеков, имевших, как мы уже видели, сложную этническую структуру, к рассматриваемому периоду был довольно однороден и мало чем отличался от узбекско-таджикского костюма вообще¹⁰¹, хотя не был лишен некоторых чисто ферганских особенностей, в первую очередь,

---

* Сандали - низкий столик, установленный над углублением с горячими углями и накрытый толстым одеялом, вокруг которого садились люди, сунув ноги под одеяло.¹⁰⁰

элегантности, большей строгости¹⁰². Одежда узбеков собственно ферганского региона имела отдельные различия локального, этнического и сословного характера, что нашло отражение в цвете, рисунке тканей, крое одежды, отделках, вышивке. Так, для маргиланского бекасаба (вид шелковой ткани, идущей на мужские халаты) было характерно сочетание широких зеленых и фиолетовых полос, для ходжентского – белых, ярко-зеленых, фиолетовых и малиновых¹⁰³.

В Маргилане мунисаки (вид женской распашной одежды) шили из ткани, в которой сочетались желтый, розовый и зеленый цвета, в Намангане – фиолетовый, синий, серый и красный¹⁰⁴. Маргиланские мунисаки отличались от таковых других территорий и покроем. Они, прежде всего, были элегантны и очень удобны¹⁰⁵.

По узору тюбетеек, основного вида мужского летнего головного убора узбеков (и таджиков)*, также можно было определить местность ее изготовления. Так, тюбетейки из Чуста имели узор в виде плода миндаля, а тюбетейки из Маргилана – в виде изогнутого стручка перца. Тот и другой узор вышивался белыми нитками на черном фоне, иногда на темно-зеленом. Особой же популярностью пользовались в Фергане чувстские тюбетейки. Как показывает полевой материал, тюбетейки с маргиланским узором носили лишь на территории от Коканда до Кувы. На всей же остальной территории, а именно от Коканда до Ташкента, а также от Ассаки до Оша, Узгена, Джалалабада предпочитали носить тюбетейки с чувстским узором, хотя далеко не всегда они были из самого Чуста. Особенно же ценились тюбетейки с чувстским узором, изготовленные из сатина с примесью шерстяной нитки. Такой сатин называли *соколли сатин*, т.е. “бородатый сатин”. При покупке тюбетейки фактуру ткани,

---

* Женщины в конце XIX – начале XX в. тюбетейки в Фергане не носили. Об этом нам с Б.Х.Кармышевой сообщила Шаропат Абдувахитова (узбечка, 1886 г.р.) из селения Ходжа-Магыз близ Маргилана. В годы, когда она была невестой (ей тогда было 14 лет. Значит, это было в 1900 г.), девушки носили только платки. Но, по мнению О.А.Сухаревой, традиция ношения девичьих шапочек типа тюбетеек существовала у узбеков и, возможно, вообще у народов среднеазиатского региона, и стала изживаться лишь с середины XIX в.¹⁰⁶

из которой она была изготовлена, определяли спичкой: если есть запах шерсти, значит, это то, что нужно.

Одежда ходжей, в целом не отличавшаяся от одежды исконно оседлого населения (узбекского и таджикского), тем не менее, выделялась наибольшей сдержанностью и элегантностью по сравнению с одеждой остальных слоев. Кроме того, ходжи, для которых в целом был характерен некоторый консерватизм (в силу замкнутого образа жизни), проявляли этот консерватизм и в одежде, что находило выражение, в частности в приверженности к традиционным видам одежды. Рассмотрим это на примере.

В последней трети XIX – начале XX в. в узбекско-таджикской одежде на всей территории Средней Азии под влиянием все более расширяющихся контактов появляются изменения в крое, в некоторых элементах одежды, обуви, появляются даже новые виды одежды, вытеснявшие старые. На смену туникообразной одежды приходит выкройная, входят в моду новые варианты воротничков, каблук у кожаных галош т.д.¹⁰⁷. Эти изменения, коснувшись в первую очередь, городской одежды и преимущественно одежды зажиточных слоев, интеллигенции, молодежи, постепенно проникали в пригородные, а затем и более отдаленные селения. Во многих районах Узбекистана в этот период стал выходить из повседневного употребления мунисак и заменяться камзолом или халатом наподобие мужского¹⁰⁸. В Самарканде в начале XX в. мунисак существовал уже как исключительно поминальный костюм. В быту его совершенно не носили¹⁰⁹. В Ташкенте к концу XIX в. мунисак превратился тоже в основном в траурную одежду, хотя еще можно было встретить старух, которые донашивали привычный для них с молодости вид одежды¹¹⁰.

В Фергане тоже шел этот процесс исчезновения мунисака, но, видимо, в несколько замедленном темпе (возможно, на замедление этого процесса повлияли относительная замкнутость и определенная изолированность этого края). Здесь в рассматриваемый период мунисак бытовал еще как повседневная одежда, хотя далеко уже не повсеместно. Так, супруги Наливкины в конце XIX в. писали: «В городах у старух, а в кишлаках у всех вообще замужних женщин

до сих пор можно встретить (разрядка моя – С.Г.) старинный “мунисак” – халат с короткими до локтя только и очень широкими рукавами»¹¹¹. Значит, в городах Ферганы (в первую очередь) и даже в селениях он уже начал исчезать в конце XIX в. Обратим внимание на слова “можно встретить”, а можно и не встретить.

Многие мои информаторы, сартянки, родившиеся в этот период, даже не слышали о нем. Но в костюме женщин ходжей даже таких крупных селений как Бешарык, Мархамат, не говоря уже о небольших и отдаленных кишлаках, мунисак бытовал как повседневная одежда. Причем существовали зимняя и летняя форма ее. И он обязательно входил в состав приданого¹¹². Длина его информаторами определялась так: “Длиннее камзола и короче халата”. В Самарканде же длина мунисака доходила до лодыжек¹¹³.

Длина и форма рукава ферганского мунисака, судя по описанию Наливкиных, также отличались от самаркандского варианта: там рукав был длинным, а также широким у основания и сужающимся книзу¹¹⁴. Впрочем, различные варианты имелись и в самой Фергане¹¹⁵. Но в отличие от самаркандцев, ферганские, в частности, бешарыкские ходжи надевать мунисак на похороны считали неприличным. Для этих случаев они имели специальные черные халаты, зимние и летние. Таким образом, этот исчезающий вид одежды дольше всего сохранялся у ходжей¹¹⁶ – наиболее консервативной части издавна оседлого населения. Но и у них он был на грани исчезновения. Так, ходжи из Чимиона и не слышали о нем, что свидетельствует о том, что новые веяния коснулись и этой группы населения.

Костюм полукочевника, как и везде, должен был отличаться от костюма оседлого жителя. Но в рассматриваемый период массовый переход полукочевников к оседлости привел к утрате ими многих традиционных видов одежды. Например, исчезли кожаные и шерстяные шаровары, бараньи тулупы, меховые, особого покроя шапки и т.д., причем не только в связи с резким уменьшением необходимого материала (кожи, шкур, шерсти), но и с отсутствием потребности в них (например, в кожаных шароварах). Под

влиянием оседлого населения у недавних скотоводов широкое распространение получили мужское летнее распашное платье ферганского покроя (*яктак*), зимний стеганный халат, тубетейка, ичиги с галошами, сначала с кустарными кожаными, а со временем фабричными резиновыми.

Женская одежда недавних полукочевников сохраняла несколько больше традиционных черт, чем мужская. В значительной степени это объяснялось их более замкнутым образом жизни. Так, у них и в начале XX в. сохранялся исчезающий у сартов мунисак, хотя в свое время он был, несомненно, заимствован у оседлых жителей¹¹⁷. По моим материалам, мунисак как повседневная форма одежды (летняя и зимняя) существовал в конце XIX – начале XX в. у всех полукочевников Ферганы. Кураминцы называли его *минсак*, юзы-баявуты – *мусак*, кипчаки – *мунсак*, тюрки – *мурсак*. Его надевали и во время похорон. Причем допускался любой цвет, кроме красного, хотя траурным цветом считались черный и синий. Это говорит лишь о том, что специально для похорон мунисак не шили, а пользовались повседневным..

Процесс исчезновения этого вида одежды дошел и до полукочевников, но гораздо позднее, чем у оседлого населения, как и все изменения в одежде вообще. Но уже не в силу консервативности полукочевых групп узбекоязычного населения (как ходжей, например), а, скорее, в силу отдаленности большинства из них от городских центров. У той же части полукочевников, которые осели в относительной близости от крупных населенных пунктов, процесс утраты старых и заимствование новых элементов в одежде шел, конечно, быстрее под влиянием городского и сельского сартовского населения. Так, у тюрков Ходжаабадского района Андижанской области (а он находится в относительной близости от областного центра) в начале XX в. мунисак носили, вернее, донашивали уже только женщины старшего возраста, что является свидетельством влияния на них сартовской моды.

Головной убор замужней женщины полукочевых групп узбеков в виде тюрбана (*локки*) также еще продолжал бытовать на рубеже столетий, причем

размеры, способы завязывания его зависели от этнической принадлежности носительниц. Но и он постепенно стал исчезать и заменяться сартовским способом ношения платка. Так, кураминки предгорий Чаткальского хребта носили этот чалмообразный головной убор уже после 50 лет, хотя это был головной убор замужней женщины вообще, независимо от возраста. То же самое можно сказать и о женщинах кипчаков, юзов, тюрков. А вот женщины юзов-баявугтов в начале XX в. тюрбаны уже не носили, а подвязывались платками, как сартянки¹¹⁸.

Во многих районах оседающие полукочевники еще шили сами традиционные виды обуви (*чорик* – вид полуоткрытой обуви из сыромятной кожи; *муки* – сапоги с короткими голенищами и без каблуков), но уже только для мальчиков и молодых мужчин. Для стариков и женщин всех возрастов в рассматриваемое время обувь уже покупали на ближайшем базаре.

На базаре же покупали и почти всю одежду. Причем славились как центры продажи одежды маргиланский, кокандский, андижанский, ходжентский, ошский, узгенский базары. Но и менее крупные базары, такие как бешарыкский, чимионский, шахриханский, ассакинский, шахандский и др. тоже могли обеспечить всем необходимым. Даже приходившие в Фергану на заработки отходники перед возвращением домой покупали в первую очередь одежду для себя и всей семьи¹¹⁹.

Распространение покупной одежды, часто из фабричных тканей, почти среди всех слоев населения еще больше способствовало уже начавшемуся процессу стирания этнических и локальных черт в этом виде материальной культуры, приводило к нивелированию ее локальных особенностей, а значит, и к консолидации узбекоязычной части населения в этой сфере.

Как известно, пищевой рацион оседлых и полукочевых групп населения сложился, прежде всего, под влиянием различных видов хозяйственной деятельности, что, в конце концов, составило специфику этнических вкусов и традиций в этой области материальной культуры. В основе питания земледельцев вообще были зерновые, овощи, фрукты, а скотоводов – мясо,

сало, молочные продукты. Но многовековые этнические контакты, хозяйственный обмен между теми и другими давно уже в значительной степени сгладил различия в употреблении продуктов питания у скотоводов и земледельцев. Правда, количественное соотношение зерновых и мясомолочных продуктов в пищевом рационе оседлого и кочевого населения, способы приготовления тех или иных продуктов и просто приверженность к определенным блюдам продолжали сохраняться не только в конце XIX – начале XX в., но в значительной степени и в наши дни. И, тем не менее, в этой сфере материальной культуры тоже шел активный процесс взаимовлияния и взаимопроникновения.

Поражает, например, удельный вес мучных блюд в рационе полукочевых узбеков Ферганы (и не только ее), в частности, наличия у них большого разнообразия видов хлеба, а также блюд, одним из компонентов которых был хлеб. По своей популярности эти блюда не уступали таким чисто кочевым блюдам, как мясные (*шурпа* – суп из баранины без каких-либо приправ, *каурма* – жареное мясо, *казы* – колбаса из конины, *нимта* – целиком отваренный баран, которого ставят на стол, разделив пополам, и др.), молочные.

Кураминцы, например, пекли большие сочни из пресного теста в казане, не смазанном маслом. Сочни прилеплялись к внутренней стенке казана, который устанавливался затем над горячими угольями вверх дном (кстати, это характерный способ выпекания хлеба для всех кочевых и полукочевых народов). Такой хдеб назывался у них *юкма* (у тюрков подобный хлеб назывался *чевати*, у кипчаков – *юпка*), и ели его, накрошив в мясной бульон. Немногим отличался от юкма другой вид хлеба – *катирма* (был он и у тюрков). Сочни, обжаренные в масле, кураминцы называли *сузма*. На поминки готовили специальные ритуальные лепешки – *джайма*. Очень сытным и лакомым блюдом считалось катлама-патир: большие, часто величиной с поднос лепешки прилепляли к стенкам казана, не смазанного жиром, и, поставив казан на бок, поворачивали его по ребру у огня до тех пор, пока лепешка не испечется. Затем в горячей еще лепешке делают несколько отверстий, в которые клали столько

сливочного масла, сколько могла впитать лепешка. Горячие лепешки, мятые со сливочным маслом, назывались у кураминцев *гачмиш* (юзы такое блюдо называли *мижим*). Еще одно лакомое блюдо готовили из хлеба кураминцы – *гылымынды*. Тонкие сочни пекли в казане без масла, затем варили густой кисель из муки и молока, намазывали на сочень, который ели, сложив вдвое и макая в топленое сливочное масло (кипчаки сочень, обмазанный киселем и сложенный вдвое, обжаривали в кипящем масле; называлось это блюдо у них – *гилбинди*¹²⁰). Торжественным блюдом у кураминцев, как и у других полукочевников, считалось *катлама* – слоеные лепешки, обжаренные в масле. В дорогу брали обычно с собой *баурсак* – ромбовидные кусочки теста, обжаренные в масле, или *тукач* – круглые кусочки теста, обжаренные в масле, а также толокно из пшеницы. Для получения толокна пшеницу предварительно отваривали, затем поджаривали без масла и толкли в ступе.

Любили кураминцы, как и другие полукочевники, и пельмени, и лапшу мясную, и *куритоб* (постная лапша с добавлением разведенного в воде курута и топленого масла). Но особенно лакомым мучным блюдом считался *нарын*. Сочни, нарезанные на большие квадраты, отваривались в крепком мясном бульоне и выкладывались на большое деревянное блюдо для остывания. Затем нарезали на треугольнички острым бараньим ребром. Мясо нарезали на кусочки ножом. Тонко нарезанный лук слегка отваривали в бульоне и смешивали его с тестом и мясом. Раскладывали все это в деревянные чашки и поливали бульоном. Юзы и тюрки ели крошево, запивая бульоном, и называли это блюдо *кульчатой*. У кипчаков был несколько иной способ приготовления его¹²¹. Все перечисленные мучные блюда любимы, считаются, а многие и являются исконными и, несомненно, есть результат давних связей скотоводов и земледельцев.

В конце XIX в. оседающие полукочевники стали переходить к лепешкам, испеченным в специальных печах-тандырах, как это делало издавна оседлое население. Гостям, например, уже подавали шурпу (блюдо из рациона кочевника и полукочевника), но уже с лепешками, испеченными в тандыре (как

у оседлого жителя), хотя в обыденной жизни долго еще отдавали предпочтение традиционному хлебу, испеченному в казане, золе (такой хлеб назывался *комач*) или на раскаленном камне. Появилось своеобразное гибридное блюдо – *сукоши*. Это каша из проса (любимый злак полукочевников; оседлые жители, как уже говорилось, не любили его) и фасоли (которую обычно выращивало и употребляло только оседлое население). Широко распространенный среди всех групп узбеков плов (а это блюдо из рациона издавна оседлого населения) у полукочевников появился относительно поздно, причем сначала в рисосеющих районах и среди более или менее состоятельных людей.

В рассматриваемый период общего упадка скотоводства в Ферганской долине мясные блюда стали и вовсе малодоступными не только для оседлого жителя, но и полукочевника-бедняка. Как очень точно отметил В.С. Батраков, скотоводу стало гораздо выгоднее есть растительную пищу, а не мясную¹²². А общее уменьшение зерновых, но увеличение посевов джугары привели к тому, что повседневной пищей бедняка как земледельца, так и скотовода, стали блюда из джугары. Ее ели во всех видах. Из нее делали лепешки, варили похлебку, заправленную квашеным молоком, а зимой размоченным курутом, готовили каши. Одним из любимых блюд бедняка-кураминца, например, стала своеобразная квашеная похлебка из джугары. Для этого готовую похлебку наливали в сосуд из тыквы и оставляли на ночь киснуть. Утром подогревали ее и ели с хлебом. Такая подкисшая похлебка (появившаяся, может быть, в связи с уменьшением и молочных продуктов; ведь обычно похлебку заправляли квашеным молоком, чтобы подкислить) считалась приятной на вкус, а, кроме того, она утоляла не только голод, но и жажду. Именно поэтому ее брали с небольшим количеством хлеба в поле, например, во время жатвы.

Таким образом, сложившиеся в конце XIX – начале XX в. неблагоприятные социально-экономические условия сыграли решающую роль в обеднении осевшей и оседающей части полукочевых групп узбеков и изменении их рациона. А это сблизило их и в этой области материальной культуры с издавна оседлой, но тоже небогатой частью узбекского населения.

Но с другой стороны, шло взаимное обогащение рациона различных групп узбекского (и неузбекского) населения. Этому способствовали, в частности, и усиление роли рынка в этот период, а, значит, и такого института как ошничик¹²³, не обходившегося без взаимного угощения; и появление в городах и крупных селениях, на всех более или менее крупных базарах общественных мест питания (харчевен); и обычай устраивать трапезу вкладчину, часто в чайхане, по какому-нибудь поводу, например, после удачного базарного дня; и массовое отходничество и связанная с этим необходимость питаться длительное время вне дома; и, наконец, праздники, семейные торжества, поминки, в которых принимали участие жители всего квартала или селения. Естественно, что заимствование тех или иных блюд другой этнической среды имело место, в первую очередь, среди горожан, а также относительно состоятельной части населения

Сближение различных групп узбекоязычного населения Ферганы в области духовной культуры

Взаимоотношения в области духовной культуры между различными группами узбекского народа были двойственными и противоречивыми. С одной стороны, близкие говоры тех и других, общая религия, многие обряды и обычаи содействовали сближению их. С другой же стороны, разные формы хозяйства, обусловившие различия в материальной культуре, быте, традициях полукочевого и оседлого населения служили определенным барьером на пути объединения. Только массовое оседание полукочевников в конце XIX – начале XX в. и связанное с этим сближение в области материальной культуры с оседлым населением послужили основой для интеграции их и в духовной сфере. Этому, естественно, способствовали и другие факторы, порожденные развивающимся капитализмом, а именно массовое отходничество, совместная работа на возникающих фабриках и заводах, формирование местных кадров пролетариата и передовой интеллигенции, появление и увеличение числа смешанных браков и т.д.

Для Ферганы была характерна относительная конфессиональная однородность, и потому принадлежность к одной религии (ислам суннитского толка) не играла здесь той роли в объединении оседлых и полукочевых групп узбеков, какую она играла бы в районе с более сложной конфессиональной ситуацией. Более того, как ни странно, этот фактор, вернее, отношение к выполнению религиозных треб, играл не интегрирующую, а дезинтегрирующую роль.

Полукочевники, как и кочевники, никогда не отличались особой набожностью, и к религиозным отправлениям (мусульманским) относились с большой легкостью, если не легкомыслием. Религиозное невежество их было причиной насмешек со стороны более приверженного к ортодоксальному исламу сарта. В свою очередь, и скотоводы, особенно богатые, не благоговели не только перед поднаторевшим в области религии сартом вообще, но даже перед имамами и муллами и часто помыкали ими в своих кочевьях¹²⁴.

Несколько большее влияние на полукочевников имел суфизм. Все они, как и издавна оседлые жители, имели духовного наставника и покровителя (пира). Более того, как пишет Б.Х.Кармышева, не иметь пира в глазах кочевника было даже неприлично. Часто близость тех или иных родов определяли по общему пиру¹²⁵. Пир кураминских подразделений джалаир, тупар, джастабан, кочевавших у подножия Кураминского хребта, жил в Самарканде, пир кураминских же подразделений каракуйли, карасийрак, джапалак – в Коканде, пир уроклы – в Сардобе, пир юзов-баявутов – в Самарканде, тюрок Кулинской волости Андижанского уезда – в Андижане и т.д.

Но и к своим духовным наставникам большинство полукочевников относилось без должного почтения. Так, пир юзов-баявутов, живших в селении Саримсоклик (у подножия Кураминского хребта), периодически приезжал к своим мюридам за сбором пожертвований. Но сами они к своему пиру не ездили, считали вполне достаточным того, что он у них “в душе”. В то время как набожные сарты время от времени ездили к своим духовным наставникам с

дарами за благословением. Такое различное отношение к религии и ее служителям становилось своеобразным психологическим барьером на пути сближения полукочевых и оседлых групп населения Ферганы.

Усиленное же оседание полукочевников, приведшее к появлению новых селений и мечетей в них, а значит, и духовных служителей, часто из числа оседающих, несколько изменило отношение последних к религии (исламу) вообще. Мечети во вновь возникающих селениях и особенно имамы (причт мечети) из числа недавних полукочевников стали для них даже предметом особой гордости. Как справедливо отмечает Б.Х.Кармышева, имамство стало «престижным занятием, возможностью показать свою ученость, оказать влияние на общественную жизнь своего рода, иметь большой общественный вес»¹²⁶.

Так, один из моих информаторов Абдумуталиб Саидназаров (узбек-курама, 1914 г.р.) из селения Токмак (у подножия Кураминского хребта) с упоением говорил, что его отец был *кори* (чтец Корана; человек, знающий Коран наизусть), причем самым грамотным во всей округе, так как образование он якобы получил в Бухаре*. С неменьшей гордостью информаторы-кураминцы рассказывали, что селение Токмак вообще было средоточием богословской учености на всей территории кураминских кочевий (в пределах Ферганской долины). По их словам, здесь были мечети и мактаб – низшая конфессиональная школа, готовившая мусульманских служителей из числа кураминцев для окрестных селений.

Новое более уважительное отношение к служителям ислама, а значит, и к исламской обрядности, теперь уже помогало сближению разных групп узбекского народа в духовной сфере. Несомненно, что этому способствовали и почитание крупных общих святых локального или даже общеферганского значения, где проходила, так сказать, идеологическая обработка

---

* Это было явным преувеличением, так как другие информаторы в этом же селении и в окрестностях утверждали, что не было в те времена ни одного кураминца, обучавшегося в Бухаре. В лучшем случае муллы из их среды получали образование в Коканде. В Коканде, например, окончил медресе и Махмуд Касымов (юз-баявут, 80-ти лет из селения Наукент близ Бешарыка), тоже ставший *кори*.

полукочевников в сфере ислама; и купцы из числа сартов (и татар), помимо торговли занимающихся в кочевьях и укреплением исламского духа; и странствующие дервиши, и другие факторы.

Как известно, кочевники и полукочевники хоронили своих покойников на родовом кладбище, которое часто оказывалось в силу кочевого образа жизни на довольно отдаленном расстоянии от места, где печальное событие постигло тот или иной род. Это вынуждало часто везти покойника в течение многих дней для захоронения¹²⁷. У кураминцев рода кара-сийрак, например, родовое кладбище находилось в районе упомянутого селения Токмак. Здесь хоронили своих сородичей все кара-сийраки, кочевавшие в северо-западной части Ферганской долины, даже в 30 – 40 км от Токмака.

С началом оседания бывшие полукочевники стали устраивать кладбища рядом с селениями, как и оседлые жители. Но, как говорили мне информаторы, на первых порах кладбища бывших полукочевников находились отдельно от кладбищ оседлого населения, несмотря на то, что те и другие были мусульманами. Только длительная совместная жизнь издавна оседлых групп и недавно осевших полукочевников привела к тому, что со временем стали хоронить они на общем кладбище, объясняя теперь этот факт тем, что ведь все они мусульмане. Этому способствовало и совместное проведение многих семейных обрядов, в первую очередь, погребально-поминальных. Правда, отличия, порой незначительные, в проведении тех или иных семейных мероприятий у разных групп узбекского народа долго еще играли этнодифференцирующую роль.

Так, в обрядах юзов, тюрков, кипчаков, курама, особенно в погребально-поминальных, сохранилось большое количество пережиточных явлений, уходящих своими корнями в прошлое (как известно, кочевой и полукочевой образ жизни консервирует многие обряды и обычаи)¹²⁸. Например, во время оплакивания умершего у этих групп узбеков (как и у кыргызов Ферганской долины) близкие родственники покойного, и в первую очередь жена, в знак глубокого траура распускали волосы, царапали себе лица до крови. Считалось

даже постыдным, если лицо царапали не до крови. У сартов этот обычай давным-давно исчез, хотя, несомненно, когда-то существовал. Сохранился он лишь у отдельных групп ходжей: у ходжей Бешарыка, Тюракурмана, Чимиона и некоторых других районов. В Джуйдаме (селение близ города Ферганы) рассказывали мне, что, если умирал мулла, его жена тоже распускала волосы и раздирала лицо в кровь. Но отсутствие этого обычая у большинства сартовского населения в конце XIX – начале XX в. воспринималось населением уже как этнический разграничитель.

В Бозском районе Андижанской области у кипчаков (и у кыргызов) мною был записан не менее архаичный, чем описанный выше, обычай. Если умирал не женатый, но достигший брачного возраста молодой человек (или девушка), то родители перед похоронами устраивали нечто вроде свадьбы: вешали в доме, где лежал усопший (усопшая), свадебную занавеску (*чимылдык*), раскладывали и развешивали на всеобщее обозрение приданое (если умирала девушка), пели свадебные песни и только после этого оплакивали и хоронили. Делалось это для того, чтобы парень или девушка не ушли на тот свет неженатыми (незамужними). Распространение этого обычая у многих других народов рассмотрено и интерпретировано Б.Х.Кармышевой¹²⁹.

Мне хотелось бы добавить к этому еще одно свидетельство, приведенное Марко Поло, говорившее о том, что у монголов, видимо, тоже существовало представление о недопустимости безбрачия. Так, один случай, описанный Марко Поло, свидетельствует о том, что родители стремились заключить брачные контракты даже для умерших детей: “Если у двух умрут, у одного сын лет 4-х, а у другого дочь, они их женят, мертвую девку дают в жены мертвому парню, пишут уговор и сжигают его, а когда дым поднимется на воздух, говорят, что уговор унесло на тот свет, к их детям, чтобы те почитали друг друга за мужа и жену. Играют свадьбу, разбрасывают еду там и сям и говорят, что это детям на тот свет..., а кончат все это, почитают себя за родных и родство блюдут так же, как бы дети были живыми”¹³⁰.

У сартов Ферганы такого обычая не было, во всяком случае, на рубеже XIX и XX вв. Если он когда-то и был (а это вполне возможно; был же он у таких народов, как русские, марийцы, таджики и др.¹³¹), то давным-давно исчез. Но в том же Бозском районе мне удалось записать подобный обряд и у сартов, который появился у них, по словам информаторов, под влиянием соседнего кипчакского (и кыргызского) населения. Таким образом, в рассматриваемый период он (обряд) воспринимался сартами как характерный только для полукочевых групп узбеков (и вообще полукочевников, например, кыргызов) и в некоторых районах непосредственного контактирования с последними даже заимствовался.

Еще один обряд, по моим записям, имевший в прошлом этнодифференцирующий характер, существовал у некоторых полукочевых групп узбеков: тюрков, кипчаков, юзов (а также у кыргызов, арабов) – и отсутствовал у сартов. Это так называемый *гушт тортиш* (буквально “деж мяса”). В день смерти в доме умершего резали и варили барана (юзы из селения Марка-юз близ Андижана варили мясо у соседей, там же и ели). Вареное мясо резали на одинаковые части, примерно по полкилограмма, и раздавали присутствующим. Мясо съедали тут же и обязательно до выноса покойного. После похорон кушать что-либо уже не полагалось. Этот интересный и, видимо, очень древний обычай, мне кажется, перекликается с обрядом вкушения *атали* (похлебки из семи частей барана), подробно рассмотренным и интерпретированным Б.Х. Кармышевой и бывшим отголоском одного из архаичных обычаев – ритуального поедания тела умерщвленного соплеменника с тем, чтобы унаследовать его достоинства¹³². В ряде районов, например, у тюрков Ходжаабадского, Кувинского районов, мясо жертвенного барана ели уже после похорон, что свидетельствует, на мой взгляд, о начавшемся вырождении этого обряда. В районах же дисперсного расселения бывших полукочевников среди издавна оседлого населения обряд “гушт тортиш” и вовсе исчез, сохранившись только в памяти очень немногих информаторов-стариков.

У юзов, а особенно у тюрков, возможно, и у других групп полукочевых узбеков на свадьбы, тои по поводу обрезания, поминки родственники делали крупные вклады (*кушиш*): один приводил корову или овец, другой приносил рис, третий муку и т.д. Это значительно облегчало устройство этих дорогостоящих мероприятий и было пережитком древнего, как считают многие исследователи, универсального принципа распределения расходов и перераспределения доходов в родовой (территориальной) общине¹³³. Возвращался этот вклад не тут же, а в период проведения подобного мероприятия родственником, внесшим этот *кушиш*.

У сартов же в конце XIX – начале XX в. (и в наши дни) было принято приносить на подобное событие так называемый *дастархан* – поднос с лепешками, сладостями и каким-нибудь подарком (если это той или свадьба), – который возвращался сразу же после проведения мероприятия. При этом на поднос гостя клали уже другие лепешки и сладости, другой, но равнозначный подарок, если он был.

Думается, что *дастархан* генетически восходит к тому же вкладу-кушиш в общеродовое дело, но уже в рудиментарной форме, на последней стадии существования его, превратившийся у издавна оседлых народов – сартов, таджиков – в ритуал и только. Но в предреволюционной Фергане *кушиш* и *дастархан* рассматривались как разные явления и служили отличительным признаком у разных групп населения. Постепенная замена крупных вкладов у юзов и тюрков *дастарханом*, несомненно, происходила под влиянием сартов и воспринималась теми и другими как заимствование.

Одним из проявлений процесса этнической консолидации узбекского народа стали смешанные браки, которые начали практиковаться (хотя не так уж и часто) в рассматриваемый период. Будучи сами результатом сближения разных этнических групп, смешанные браки в то же время еще больше усиливали и ускоряли течение процесса консолидации, как и вообще этнических процессов.

М.Ф. Гаврилов в 1929 г. писал о том, что в Ура-Тюбинском районе, граничащем, как уже говорилось, с Ферганой, юзы стали родниться с тюрками (и таджиками) лет 30 – 40 тому назад¹³⁴, т.е. на рубеже XIX – XX вв. “До этого времени, – писал он, – они старались избегать этого или ограничивались только женитьбой”¹³⁵. То же явление было и в Ферганской долине. И данные различных исследователей, и мой полевой материал говорят о том, что смешанные браки не были характерны не только между полукочевниками и сартами, но даже между разными полукочевыми группами. Тюрки, кипчаки, юзы, кураминцы старались вступать в брачные отношения только внутри своих групп и даже, по возможности, внутри родовых подразделений. Но зато широко практиковался кузенный брак, который не изжит и в наши дни; имели место левират и сорорат.

Такой консервативный взгляд на брак сохранился в некоторых районах компактного расселения бывших полукочевников даже в наши дни. Так, в селении Булок-баши (Ходжаабадский район Андижанской области), где крупным массивом живут тюрки, на моих глазах была расстроена свадьба между юношей-тюрком и девушкой-сартянкой, причем по инициативе родителей-тюрков. Основная причина заключалась в разной этнической принадлежности молодых людей. В районах же дисперсного расселения представителей тех или иных этнографических групп в конце XIX – начале XX в. сближение на основе смешанных браков уже наблюдалось. Те же тюрки, разбросанные небольшими группами в окрестностях Маргилана и Ферганы, на браки с сартами смотрели довольно спокойно. Юзы-баявуты и кураминцы, жившие в предгорьях Кураминского хребта, также вступали в брачные отношения друг с другом. Отец Юнусходжи Исомиддинова из Маргилана (отец родился в 1887 г.) был катаганом, а мать – сартянкой. Себя он считает узбеком (в современном понимании этого слова). Таких примеров можно привести немало.

Оседлая жизнь бывших полукочевников среди сартовского населения в течение многих лет приводила к утрате не только привычного, характерного

для скотоводов, быта, к утрате не только элементов материальной и духовной культуры, но и самоназвания, а значит, и самосознания. Так, жители квартала Сарт в селении Хакулабад (Балыкчинский район Андижанской области), предки которых были юзами подразделения карабуин, давно уж считают себя сартами и только сартами. С подобным явлением пришлось столкнуться во многих районах Ферганской долины, когда потомки полукочевых групп узбеков на вопрос “Какой вы этнической принадлежности?” отвечали: “Мы давно стали сартами”. А появление у людей нового этнического самосознания означает их принадлежность к новому этносу.

Изменение этнического самосознания имело место не только у отдельных представителей полукочевников, живущих в районах компактного расселения сартов, но и среди самих полукочевников. Одним из показателей этого является взаимопроникновение названий родовых подразделений. Так, например, в составе подразделений ферганских тюрок мне называли курукказан/куруггукказан, хотя этот этноним зафиксирован многими исследователями в составе юзов¹³⁶. И, напротив, в числе подразделений юзов мне называли калытай, которое является наименованием крупного подразделения тюрок¹³⁷. Это явление можно объяснить не только неточной информацией (о чем уже говорилось), но и поглощением тех или иных групп тюрок юзами и наоборот. Тем более, что те и другие жили издавна в близком соседстве не только в Заамине, Ура-Гюбе, Ташкенте, но и Фергане.

Кипчаки, живущие в окрестностях Балыкчи и Шахрихана (здесь они издавна соседствовали с юзами, причем кипчаков было больше), в числе своих подразделений называли не только пучугай и саккиз-сары, которые А.И.Макшеев относил в свое время к подразделениям юзов¹³⁸, но даже юз. В селениях Курама-чаукен и Курама-кипчак (близ Андижана) живут кураминцы, которые считают, что их селения своими наименованиями обязаны соответствующим кураминским этнонимам. Но чаукены опять-таки всегда считались подразделением юзов¹³⁹, а этноним “кипчак” вовсе не требует комментариев.

В числе наименований кураминцев мне назвали и карактай. Но Т.Файзиев, который исследовал кураминцев Ангренского оазиса, считает, что, хотя карактаи и жили в близком соседстве с кураминцами, но были самостоятельным узбекским племенем¹⁴⁰. Число примеров можно увеличить, но и без того ясно, что такое взаимопроникновение этнонимов не случайно. И является оно одним из проявлений процесса консолидации узбекоязычных групп.

Но было немало факторов, препятствовавших консолидации узбекского народа. В первую очередь, это были сословная и социальная неоднородность его. Издавна оседлое население, как уже говорилось, подразделялось на привилегированные группы ходжей, составлявших малую часть, и чернь, представлявшую основную массу сартов. Никаких отличий в языке, культуре, быте между ними не было, кроме осознания как представителями ходжей, так и чернью, исключительности первых. Более высокий статус ходжей и связанные с этим замкнутость и изолированность их мешали слиянию этой группы узбекского народа (как и таджикского) с остальной массой, а потому отрицательно сказывалось на процессе консолидации узбекоязычных групп.

Правда, уже начавшееся стирание граней между этими сословными группами к концу XIX – началу XX в. усиливается, о чем свидетельствуют, например, смешанные браки, имевшие место до революции. Эти браки облегчались тем, что значительная часть ходжей принадлежала к трудящемуся слою. Принадлежность к имущим или неимущим и раньше играла немаловажную роль. С появлением же капиталистических отношений сословные различия не только становятся менее важными, чем социальные, но в ряде случаев даже заменяются ими.

1. Вахабов М. Формирование узбекской социалистической нации. Ташкент, 1965. С.31 – 57; Кармышева Б.Х. Население // Этнографические очерки узбекского сельского населения. М., 1969. С.17 – 20; Она же. Очерки этнической истории южных районов Узбекистана и Таджикистана. М., 1976. С. 162 – 164.
2. Кармышева Б.Х. Очерки этнической истории... С.67.
3. Об оседании тюрков в Фергане уже в I тысячелетии н.э. см.: Брыкина Г.А. Юго-Западная Фергана в первую половину I тысячелетия нашей эры. М. 1982.

4. *Губаева С.С.* Этнический состав населения Ферганы в конце XIX – начале XX в. (по данным топонимии). Ташкент, 1983. С.49 – 60.
5. *Наливкин В.П.* Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886. С.6.
6. Об этом свидетельствуют данные топонимии (см. об этом: *Губаева С.С.* Этнический состав населения Ферганы ...
7. *Магницкий В.* Чувашские языческие имена // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1904. Т.XX. С.69.
8. *Кармышева Б.Х.* Очерки этнической истории... С.171.
9. *Бейсембиев Т.К.* “Тарих-и Шахрухи” как исторический источник. Алма-Ата. 1987. С.78 – 79.
10. *Бабур Захириддин Мухаммад.* Бабур-наме. Записки Бабура. Пер. М.Салье. Ташкент, 1958. С.77.
11. Там же. С.44, 77.
12. Там же. С.12.
13. *Губаева С.С.* Указ. соч. С. 60 – 74.
14. *Махмуд ибн Вали.* Море тайн относительно доблестей благородных. Ташкент, 1977. С.17.
15. *Батраков В.С.* Особенности развития сельского хозяйства Бухарского ханства с половины ХУШ до 70-х годов XIX в. // ТГУ, 1962. Вып.193. С.155.
16. *Как пишут многие авторы.*
17. *Наливкин В.П.* Указ. соч. С.20 – 21.
18. *Батраков В.С.* Характерные черты сельского хозяйства Ферганской долины в период Кокандского ханства. // ТСАГУ Новая серия. Вып.62. Гумм. Науки. Кн.8. История. 1955. С.114.
19. *Наливкин В.П.* Краткая история ... С.21.
20. Там же. С.25.
21. Там же. С.20.
22. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К.Паленом. Ч.1. Отд. 1. СПб., 1911. С.66.
23. *Иванов П.П.* Очерки по истории Средней Азии (XVI – сер. XIX в.). М., 1958. С.93, 180; *Кармышева Б.Х.* Население. С.22.
24. Полевой материал автора.
25. *Турсунов Н. О.* Сложение и пути развития городского и сельского населения Северного Таджикистана. XIX – начало XX в. Душанбе, 1976. С. 223.
26. Там же. С.114.
27. *Гази Алти* Указ. соч. С.24.
28. *Вахабов М.* Указ. соч. С.56.
29. *Еришов Н.Н., Кисляков Н.А., Пещерева Е.М., Русайкина С.П.* Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. М.- Л., 1954. С.16; *Турсунов Н.О.* Сложение и пути... С.120.
30. *Толстова Л. С.* Каракалпаки Ферганской долины. Нукус, 1959. С.17.
31. *Шаниязов К.Ш.* К этнической истории узбекского народа. Историко-этнографическое исследование на материалах кипчакского компонента. Ташкент, 1974. С. 103.
32. Полевой материал автора.
33. *Наливкин В.П.* Краткая история... С.60. – 61; *Бейсембиев Т.К.* Указ.соч. С. 233.
34. *Губаева С.С.* Этнический состав населения Ферганы... С.74 – 76.
35. *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана // Бартольд В.В. Сочинения в 9-ти томах. Т. П. Ч.1. М., 1963. С. 276; *Сухарева О.А.* Ислам в Узбекистане. Ташкент, 1960. С.66; *Кармышева Б.Х.* Очерки... С.148.
36. *Кармышева Б. Х.* Очерки... С.148.
37. О родственных связях верхушки хождей с кокандскими ханами и политических притязаниях первых см.: *Бейсембиев Т.К.* Духовенство в политической жизни Кокандского ханства в ХУШ – XIX вв. (по некоторым сочинениям кокандской историографии) // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985.
38. *Бартольд В.В.* История культурной жизни... С.276.
39. ЦГИА. Ф.23, оп.1, д.1030. Лл. 2 – 3 .

40. *Рассудова Р.Я.* Этносоциальный состав водоземельных общин северо-восточных районов Средней Азии. К расселению ходжа (начало XX в.) // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений (вопросы социальной и культурной истории Средней Азии и Кавказа). Ноябрь, 1983. Л., 1983.С.3.
41. *Сухарева О.А.* Ислам... С.67.
42. *Бартольд В.В.* История культурной жизни... С.276.
43. *Гребенкин А.Д.* Таджики // СРТ. Вып.П. 1972. С.117 – 119 ; *Жданко Т.А.* Очерки исторической этнографии каракалпаков. Родоплеменная структура и расселение в конце XIX – начале XX в. М. – Л., 1950. С.161, 164 – 165; *Кармышева Б.Х.* Очерки... С.148 – 153.
44. Полевой материал автора.
45. *Валиханов Ч.Ч.* Материалы и исследования о Кашгарии // Валиханов Ч.Ч. Сочинения в 5-ти томах. Т.П. Алма-Ата, 1962. С.367, 368, 369. *Миён* - от таджикского “середина”. Н.С.Лыкошин писал: «...фамилия, происходящая от некоего имама Раббони, жившего в Индии, носит при своем имени приставку “миан”, и у них достоинство переходит по наследству. Приставка “миан” представляет своего рода титул: имам Раббони происходит от халифа Умара и был “умари”, а жена происходит прямо от Мухаммада и, следовательно, была из рода “саидов”, поэтому потомство имама Раббони и составило “миан”- середину между родами» (*Лыкошин Н.С.* Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. Пг. 1916. Вып.1. С. 153). О мианах см. также: *Кармышева Б.Х.* Очерки... С.150 – 151.
46. *Валиханов Ч.Ч.* Материалы... С.369.
47. Там же. С.220.
48. Полевой материал автора.
49. *Валиханов Ч.Ч.* Материалы... С.220.
50. Там же. С.221.
51. Хусейн – сын дочери пророка Мухаммада Фатимы и ее мужа Алия, культ которого (как и его брата-близнеца Хасана), а именно культ страдающего божества, ставший одним из главных догматов шиизма, был распространен и в Ферганской долине (*Сухарева О.А.* Ислам... С.27).
52. Мешхед – один из крупнейших религиозных центров шиизма в Северном Иране. В Ферганской долине целый ряд селений и квартал в городе Маргилане носили это название. О связи топонима Мешхед / Машад в Средней Азии, в частности в Фергане, с культом страдающего божества см.: *Сухарева О.А.* Ислам... С.33 – 34.
53. *Хонакох* или *каляндархона* – обитель холостых каландаров, странствующих дервишей, суфийский монастырь. Каландары, по словам Шаропат Абдувахидовой (узбечка, 1882 г.р. селение Ходжа-Магиз близ Маргилана), были исключительно из ходжей. См. об этом также: *Кармышева Б.Х.* Очерки... С.152.
54. *Наливкин В.П.* Краткая история... С.46-49; *Бейсембиев Т.К.* Легенда о происхождении кокандских ханов как источник по истории идеологии в Средней Азии // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XV1 – XVШ вв. Алма-Ата, 1983. С.95 – 98.
55. *Бартольд В.В.* История культурной жизни... С.229 – 230.
56. *Наливкин В.П.* Краткая история... С.135 – 136.
57. ЦГИА. Ф.298, оп.1 д.1086, л.133.
58. Каландары, обзаведшиеся семьей , жили среди мирского населения, хотя сохраняли связь с общиной (*ТроицкаяА.Л.* Abdol-tili – аргс цеха артистов и музыкантов Средней Азии // Советское востоковедение. У. М., 1948.193.
59. Полевой материал автора.
60. Там же.
61. *Губаева С.С.* Этнический состав... С.68 – 71. Здесь же приведен обзор литературы о тюрках.
62. Легенда о Турки-тугоне, который якобы жил во времена Мухаммада, приведена . Б.Х.Кармышевой (*Кармышева Б.Х.* Очерки...С.165).
63. Там же. С.175.
64. *Благова Г.Ф., Данияров Х.Д.* Говоры тюрков Узбекистана в отношениях к языку староузбекской литературы. // ВЯ 1966. №6. С.92.
65. *Миддендорф А.Ф.* Очерки Ферганской долины. СПб, 1882. С.411.

66. *Гаврилов М. Ф.* Материалы к этнографии “тюрок” Ура-Тюбинского района // ТСАГУ, Серия П. Orientalia. Вып. 2. 1929. С.8.
67. *Иногамов Ш.И.* Этнический состав населения и этнографическая карта Ферганской долины в границах УзССР. Автореф. дисс. кин. Ташкент, 1959; *Винников Я.Р.* Современное расселение народов и этнографических групп в Ферганской долине // СЭС, П. 1959 С.389.
68. ЦГИА. Ф.23, оп.1, д.532, лл.231 – 237.
69. Там же.
70. *Кармышева Б.Х.* Очерки... С.165.
71. Названия семейно-родственных групп тюрок приводились мною в работе “Этнический состав...”. С.70 – 71.
72. О времени появления юзов в Фергане мне уже приходилось писать раньше (*Губаева С.С.* Этнический состав... С.65 – 67).
73. *Гребенкин А.Д.* Узбеки // СРТ. Вып П. 1872. С.91 – 93. *Мухтаров А.* Очерк истории Ура-Тюбинского владения в XIX в. Душанбе, 1964. С.17; *Кармышева Б.Х.* Очерки... С.222.
74. *Мухтаров А.* Указ. соч. С.17 – 18.
75. Полевой материал автора.
76. По Х.Даниярову, юзы имели подразделения марка, карабчи, реджаб (*Дониёров Х.* Узбек халкининг шажара ва шевалари. Тошкент, 1968. С.83. На узбекском языке).
77. По мнению Нишанбая Абдуллаева и некоторых других информаторов, у юзов не было подразделения сарт-юз, Так якобы ошибочно называют сад-юзов.
78. Ср. подразделения хтай-юзов, приведенные А.И. Макшеевым (*Макшеев А.И.* Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае // ЗИРГООС. Т.П. 1871. С.39).
79. В Заамине, по словам информаторов, все эти этнонимы бытовали и в конце XX в. Немало там и одноименных селений.
80. *Мухтаров А.* Указ. соч. С.18; *Кармышева Б.Х.* Очерки... С.223.
81. Например, материал Х.Даниярова (*Дониёров Х.* Указ. соч. С.83 – 86) и Б.Х.Кармышевой, собранный ею в Самаркандской и Джизакской областях в 60-е годы XX в., но, к сожалению, не опубликованный.
82. *Дониёров Х.* Указ. соч. С.86.
83. *Султанов Т.И.* Кочевые племена Приаралья в ХУ – ХУП вв. М., 1982. С.84.
84. *Шаниязов К.Ш.* Узбеки-карлуки. Ташкент, 1964. С.2.
85. *Иванов П.П.* Казахи и Кокандское ханство // ЗИВ, Т.7. М.-Л., 1939. С.104; Полевой материал автора.
86. Материалы Всероссийских переписей. Вып. IV. Сельское хозяйство Ферганской области по материалам переписи 1917 г. Ташкент, 1920. С.42, 44.
87. ЦГИА. Ф.23, оп.1, д.699, л.162.
88. *Файзиёв Т.* К вопросу изучения узбеков-кураминцев // Научные работы и сообщения АН УзССР. ООИ. Кн.3. Ташкент, 1961. С.238 – 239; *Резиетов В.В.* О диалектной основе узбекского литературного языка // ВЯ. 1955. № 1.
89. Полевой материал автора.
90. *Турсунов Н.О.* Сложение и пути развития... С.120.
91. Материалы к характеристике... Ч.1, отд. 1. С.85.
92. *Шаниязов К. Ш.* К этнической истории... С.169 – 171.
93. Ср. свидетельство Филиппа Назарова, писавшего в начале XIX в. о том, что баранье мясо сохраняется “в высушенной брюшине в продолжении 20 дней” (*Назаров Ф.* Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. М., 1968. С.62)
94. Полевой материал автора.
95. Там же.
96. Похожий способ хранения проса описан Н.Н. Ершовым: “В Ходжентском уезде в период набегов просо смешивали с глиной и штукатурили этой смесью стены. После набегов обмазку размельчали и зерно отсеивали” (*Ершов Н.Н.* Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района ТаджССР перед Октябрьской революцией. Сталинабад, 1960. С.11).
97. Типы жилищ оседлого населения Ферганы и некоторых полукочевых групп (кипчаков, кураминцев, тюрок) в целом освещены в литературе. См.: *Писарчик А.К.* Строительные

- материалы и приемы мастеров Ферганской долины // СЭС. 1. 1954. С.216 – 299; *Она же*. Традиционные способы отопления жилищ оседлого населения Средней Азии в XIX – XX вв. // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982. С.69 – 111; *Кармышева Б.Х.* Этнографическая группа “тюрк” в составе узбеков // СЭ. 1960. №1. С.17 – 18; *Шаниязов К.Ш.* К этнической истории...С.223 – 248; *Шаниязов К.Ш., Исмаилов Х.Х.* Этнографические очерки материальной культуры узбеков конца XIX – начала XX в. Ташкент, 1981. С.25 – 66; *Файзиев Т.* О родоплеменном составе узбеков-кураминцев в конце XIX – начале XX в. // Общественные науки в Узбекистане. Ташкент. 1963. № 11. С.13 – 14; *Воронина В.Л.* Жилище народов Средней Азии и климат // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982. С. 48 – 69.
98. *Писарчик А.К.* Строительные материалы... С.260 – 261.
99. *Писарчик А.К.* Традиционные способы отопления... С.87.
100. Подробнее о сандалях см. *Писарчик А.К.* Традиционные способы отопления... С. 93 – 100.
101. О среднеазиатской одежде написано немало работ, отдельные страницы которых посвящены и костюму ферганских узбеков (Народы Средней Азии и Казахстана. В 2-х томах. Т.1. М., 1962. С.279; *Кармышева Б.Х.* Этнографическая группа “тюрк”... С.21. *Рассудова Р.Я.* К истории женской одежды Ферганы и Ташкента (XIX – начало XX в.) // Полевые исследования Института этнографии АН СССР. М., 1983. С.164 – 178; *Она же*. Сравнительная характеристика мужской одежды населения Фергано-Ташкентского региона (XIX – XX вв.) // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М., 1989. С.139 – 156; *Шаниязов К.Ш.* К этнической истории... С.248 – 271; *Шаниязов К.Ш., Исмаилов Х.Х.* Указ. соч. С.67 – 103;
102. *Сухарева О.А.* История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX – начало XX в.). М., 1982. С.37.
103. *Там же*. С.29.
104. *Рассудова Р.Я.* К истории женской одежды... С. 173.
105. *Там же*. С.167; Полевой материал автора.
106. *Сухарева О.А.* История среднеазиатского костюма... С.80 – 82.
107. *Там же*. С.51 – 57, 67.
108. О генезисе этого вида одежды, покроях и разновидностях его см.: *Сухарева О.А.* Опыт анализа покровов традиционной “туникообразной” среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции // Костюм народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. М., 1979. С. 77 – 103; *Она же*. История среднеазиатского костюма... С. 34 – 44; *Бижанова М.А.* Мурсак – старинная верхняя одежда узбеков Ташкента // Памяти Михаила Степановича Андреева. Сталинабад, 1966. С. 47 – 53; *Рассудова Р.Я.* К истории женской одежды Ферганы и Ташкента (XIX – начало XX в.) // Полевые исследования Института этнографии, 1979. М., 1983. С.164 – 178.
109. *Сухарева О.А.* История среднеазиатского костюма... С.36.
110. *Бижанова М.А.* Мурсак... С.52.
111. *Наливкин В., Наливкина М.* Очерк быта женщин туземного оседлого населения Ферганской долины. Казань, 1886. С.97.
112. Полевой материал автора.
113. *Сухарева О.А.* История среднеазиатского костюма... С.34.
114. О различных вариантах мунисака в Ферганской долине см.: *Рассудова Р.Я.* К истории женской одежды...
115. По материалам Р.Я. Рассудовой, мунисак тоже был повседневным видом одежды у ходьжей (*Рассудова Р.Я.* К истории женской одежды... С.168.
116. См. об этом и у Р.Я. Рассудовой (*Рассудова Р.Я.* К истории женской одежды... С.174.
117. Полевой материал автора.
118. *Там же*.
119. *Шаниязов К.Ш.* К этнической истории... С.275.
120. *Там же*.
121. *Там же*.
122. *Батраков В.С.* О разделении труда между кочевыми и оседлыми районами // ТСАГУ. Новая серия. Вып.75. Экономические науки. Кн.1. 1955. С.131.

123. Институт “торгового друга” существовал почти во всех районах Средней Азии, при котором скотовод имел в том или ином селении, городе друга (*ошино*) из среды сартов, который помогал ему продать скот. Подробнее об этом см.: *Кармышева Б.Х.* О торговле в восточных бекствах Бухарского ханства в начале XX в. в связи с хозяйственной специализацией (по этнографическим данным) // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М., 1979. С.131.
124. *Кармышева Б.Х.* О мусульманском духовенстве в сельских районах Бухарского ханства в конце XIX – начале XX в. // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985. С.99 – 100.
125. *Кармышева Б.Х.* Очерки... С.152,153.
126. *Кармышева Б.Х.* Духовенство... С.100.
127. Там же. С.96; Полевой материал автора.
128. Погребально-поминальным обрядам узбеков Ферганы посвящена специальная статья Б.Х. Кармышевой (*Кармышева Б.Х.* Арханческая символика в погребально-поминальной обрядности узбеков Ферганы // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. М., 1986).
129. *Кармышева Б.Х.* Погребально-поминальные обряды... С.166 – 167.
130. *Кыпчанов Е.И.* Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. М., 1973. С.23.
131. См. об этом: *Кармышева Б.Х.* Арханческая символика... С.166 – 167.
132. Там же. С. 151 – 154, 159 – 163, 169 – 171.
133. *Сухарева О.А.* Квартальная община позднефеодального города Бухары. М., 1976. С. 28; *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971. С.218 – 219; *Люшкевич Ф.Л.* Традиции межсемейных связей узбекско-таджикского населения Средней Азии. (к проблеме бытования калыма и других патриархальных обычаев) // СЭ. 1989. № 4. С.58 – 68.
134. *Гаврилов М.Ф.* Материалы к этнографии “тюрок” Ура-Тюбинского района // ТСАГУ. Серия П. Orientalia. Вып. 2. 1929. С.10.
135. Там же.
136. *Макшеев А.* Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае // ЗИРГООС. Т. 2, 1871. С.39; *Гребенкин А.Д.* Узбеки //СРТ. Вып. 2. М., 1972. С.93; *Дониёров Х.* Узбек халкининг шажара ва шевалари . С.84).
137. *Кармышева Б.Х.* Очерки ... С.173 – 177.
138. *Макшеев А.* Указ. соч. С.39.
139. Там же.
140. *Файзиев Т.* Узбеки-курама (в прошлом и настоящем). Автореф. дисс...к.и.н. Ташкент, 1963, С.10.

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ У ТАДЖИКОВ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ

К вопросу о формировании таджикского населения

Ферганы

Таджиков Ферганы можно условно разделить на две группы. Древние насельники этого края, которые не были ассимилированы тюркоязычными группами, прибывшими сюда в древности и средневековье, а также более поздние переселенцы из Самаркандского, Бухарского, Ура-Тюбинского, Ташкентского оазисов известны в литературе под названием “равнинные таджики”. Выходцы из горных районов Таджикистана (Матчи, Каратегина, Дарваза, Куляба, Гиссара и др.), также составлявшие значительный слой среди таджиков Ферганы, известны в литературе как “горные таджики”¹. Эти группы, будучи компонентами одного народа, имели, тем не менее, антропологические (относились к равнинному и горному подтипам европеоидной брахицефальной расы Среднеазиатского междуречья²), языковые (равнинные таджики говорили на диалектах северо-западной³ или северной⁴ группы таджикских говоров, горные же таджики – на диалектах юго-восточной⁵ или центральной, южной и юго-восточной групп таджикских говоров) и культурно-бытовые отличия.

Специальной работы о таджиках всей Ферганской долины конца XIX – начала XX в. нет, но население Ленинабадской (ныне Ходжентской) области Таджикистана, где они составляли основной процент, а также таджикское население некоторых районов Наманганской и Ферганской областей Узбекистана были предметом изучения этнографов⁷, антропологов⁸, лингвистов⁹. Данные по этнической истории и этнографии Северного Таджикистана имеются и в некоторых археологических работах¹⁰.

Почти все эти труды преимущественно о равнинных таджиках. Сведения о горцах, если таковые имеются, приводятся в них лишь попутно. Только исследование М.А.Хамиджановой целиком посвящено переселенцам из Матчи, но в основном в советский период, хотя в нем имеются сведения и о миграциях

дореволюционного времени. Именно поэтому в основу данной главы легли материалы полевых исследований автора предпочтительно по горным таджикам, осевшим в Ферганской долине. Но и при этом больше внимания уделено каратегинским таджикам. Во-первых, потому, что они были более многочисленны по сравнению с выходцами из других горнотаджикских областей, а во-вторых, не изучены в аспекте данной темы.

Таджики Ферганской долины были сосредоточены в основном в западной и северо-западной частях края. В Ходженте и ее окрестностях (напомним, что эта территория входила в состав Ходжентского уезда Самаркандской области Русского Туркестана) таджики, по данным Н.О.Турсунова составляли 85% всего населения¹¹, по данным В.И.Бушкова, в городе Ходженте было 96,5% таджиков, в окрестностях его – 74,4%¹². Чустская волость Наманганского уезда Ферганской области Русского Туркестана была сплошь таджикской¹³, в Бабадарханской волости того же уезда было 50% таджиков¹⁴, в Аштской – 60% таджиков¹⁵. В Исфаринской волости Кокандского уезда Ферганской области, по данным Н.О.Турсунова, было 81,6% таджиков, Канибадамской – 73%¹⁶, по данным В.И.Бушкова, в Исфаринской волости было 85,1% таджиков, в Канибадаме – 95%, в окрестностях его – 48,4%¹⁷. Сохская волость того же уезда была сплошь таджикской¹⁸.

На остальной территории Ферганской долины таджикские кишлаки представляли лишь вкрапления среди сплошь узбекских. В целом же в Ферганской области Русского Туркестана таджики составляли всего 6,62% всего населения¹⁹. По уездам же они были распределены следующим образом: Наманганский уезд – 15,79%, Кокандский уезд – 12,44%, Маргиланский уезд – 5,41%. Андижанский уезд – 0,61%, в Ошском уезде таджики не были зарегистрированы вовсе²⁰. Эти цифры отражают, естественно, число как равнинных, так и горных таджиков.

Точное число горцев в Ферганской долине трудно назвать даже приблизительно, так как ни перепись 1897 г, ни статистические издания Ферганской области Русского Туркестана не выделяли их отдельно. Но число

переселенцев из горных районов Таджикистана в Фергане было так велико, что, как отмечал В.П. Наливкин, это имело для нее (в плане заселения долины) громадное значение²¹. Так, только в Маргиланском уезде, где, как уже сказано, таджики составляли всего 5,41%, в 1890 г. их было зафиксировано более 16 тысяч хозяйств, в том числе в Чимионской волости – 5427, Алтыарыкской – 1308, Аувальской – 1202, Коканкишлакской – 1071, Мингтепинской – 1427, Ассакинской – 1268, Шахриханской – 833 и т.д.²². А полевые исследования показывают, что во всех этих волостях жили преимущественно горные, в первую очередь, каратегинские таджики, хотя не исключено, что были здесь и равнинные. В целом же, как свидетельствуют информаторы, горные таджики до революции были расселены практически по всей Ферганской долине. Трудно найти здесь район, куда бы не приходили горцы на заработки и не обосновывались в той или иной степени. Причем на западе долины было больше выходцев из Магчи, на востоке, начиная с долины Соха – выходцев из Каратегина, Дарваза, Бальджуана, Бадахшана, в том числе Шугнана, Гунта и др.

Таджики из Самаркандского, Бухарского, Ура-Тюбинского, Ташкентского оазисов мигрировали в Фергану в разное время²³, и обуславливались эти переселения в основном теми же причинами, что и переселения узбеков.

Миграция горных таджиков в Фергану имела место еще при Бабуре²⁴. В последующие века число горцев в Ферганской долине лишь увеличивалось. Но основное переселение их происходит в XVIII и особенно в XIX – начале XX в. Так, одни информаторы считают, что их предки прибыли сюда примерно 250 лет тому назад, другие – 150–175 лет назад, третьи – 75–100 лет назад²⁵. В этот период феодальные владения горного Таджикистана страдали от постоянных усобиц. Кроме того, они то и дело попадали под влияние своих более могущественных соседей, в первую очередь, Кокандского и Бухарского ханств²⁶.

Стремление захватить эти области было одним из направлений экспансии Кокандского ханства, превратившегося к началу XIX в. в сильное среднеазиатское государство. Кокандские ханы, начиная с Алим-хана, и вплоть

до 70-х годов XIX в. не раз находили повод для вмешательства во внутренние дела горных стран, что кончалось обычно захватом их на какой-то отрезок времени. Уже в период Алим-хана, а потом его брата Умар-хана “мало-помалу почти все каракиргизы и киргизы Большой орды признали зависимость от Коканда, а горные области – Каратегин, Дарваз, Куляб – были присоединены к Кокандским владениям”²⁷. Однако подчинение большинства горных стран Коканду было временным, непрочным и часто номинальным. Только Каратегин находился в зависимости от кокандских ханов до 1869 г. Но и здесь правители были местные, хотя и признававшие себя вассалами Кокандского ханства²⁸.

Постоянная междоусобная борьба горных владетелей, вторжения в их страны иноземцев заставляли горцев искать убежище в сопредельных государствах, в том числе в Фергане. Так, каратегинец Сайдулла Умаров (1904 г.р.) из селения Каптархана (между Ферганой и Вуадилом) рассказывал, что значительная часть каратегинцев, поселившихся в свое время на обширной территории от Вуадила до Шахрихана, бежали сюда из-за усобиц вечно враждовавших между собой *миров* – правителей вассальных мелких владений. Подобные же рассказы приходилось слышать и в других местах, например, в Учкургане (селение к югу от города Фергана), в селении Бобочек (близ Шахрихана) и т.д. Об этом же писал в конце XIX в. и А.П.Федченко: “Местность эта (между Учкурганом и Вуадилом, а именно районы кишлаков Ауваль, Каптархана, Наукат, Ляган, Аирваз, Джаильма, Гурган – С.Г.) сравнительно недавно стала заселяться оседлыми жителями. Эти поселенцы преимущественно выходцы из Каратегина. Недавние междоусобицы и поселение в Учкургане Музафар-ша, бывшего правителя Каратегина, тоже не остались без влияния на увеличение населения”³¹.

Представляет в этом плане интерес и сообщение А.Ф. Миддендорфа о том, что местность между упомянутыми Вуадилом и Учкурганом вообще начала осваиваться лишь вследствие переселений из Каратегина³², и антропологические изыскания К. Уйфальви³³, о чем писалось выше. В этой же

местности поселились и дарвазцы, и вахиочи, и кулябцы, о чем свидетельствуют архивные³⁴ и полевые материалы, а также данные топонимии.

В первой половине XIX в. в Средней Азии, как и в сопредельных странах, еще сильно была развита работорговля. Частые междоусобные войны правителей горных стран обеспечивали рабами из представителей поверженных стран (чаще всего Читрала, Вахана, Гунта, Шугнана, Ишкашима) рынки Яркенда, Бухары, Коканда³⁵. В рабство продавали не только пленных, но часто и своих подданных. Например, бадахшанский мир, по выражению М.Н.Тимковского, “сделал из подданных своих разменную монету”³⁶. “Ишкашим и Вахан, - писал А.А. Бобринской, - обезлюжен, главным образом, подобными набегами и продажей людей собственными мирами”³⁷. Все это вынуждало людей выселяться из своих родных мест в соседние страны, в том числе и Коканд. В частности, около 40 семейств ваханцев поселилось в городе Ош³⁸. Часть шугнанцев и рушанцев создали несколько поселков “в дальних окрестностях Маргилана в первой половине XIX в.”³⁹.

В 70–80-е годы XIX в. Бадахшан, а затем Рушан, Шугнан, Вахан были захвачены афганским эмиром Абдурахманом. Вслед за этим последовало массовое бегство местных жителей, в том числе и в Ферганскую область Русского Туркестана⁴⁰. В селении Учкурган поселились даже родственники бывшего бадахшанского правителя Джехандаршаха с многочисленной челядью⁴¹. В город Ош после занятия афганскими войсками Шугнана переселилось 100 семейств шугнанцев общим числом в 450 человек, которые заселили целый квартал⁴². В 1885 г. “Вестник Европы” писал: “После неоднократных междоусобных войн Гунт побит, разорен (шугнанским шахом – С.Г.). Большинство жителей искало спасения в Коканде и Кашгаре”⁴³.

Фергана привлекала горцев и как место паломничества. В частности, в селении Шахимардан, где, по преданию, как уже говорилось, был похоронен один из первых халифов – Али, стекались богомольцы из многих сопредельных с Кокандским ханством территорий, особенно из Каратегина⁴⁴. Многие из них и оседали здесь. Не случайно, в Шахимардане и соседнем с ним Иордане в 1890

г. были зарегистрированы только таджики (в одном селении 305 хозяйств, в другом – 156) и ни одного представителя другого этноса⁴⁵. А как показал полевой этнографический материал, здесь жили именно каратегинцы⁴⁶.

Однако более тесными, чем политические и религиозные, были экономические контакты горных областей Таджикистана и Ферганы. В конце XIX – начале XX в. горные страны в силу суровых природных условий и недостатка земли находились на низком уровне экономического развития. Здесь в значительной степени господствовало еще натуральное хозяйство, так как общение не только с внешним миром, но даже с соседними районами было осложнено из-за труднодоступных горных путей. Тем не менее торговые связи с Ферганой существовали.

Ферганские купцы, алайские кыргызы и наиболее предприимчивые из среды горных таджиков доставляли в горные страны хлопок, хлопчатобумажные кустарные ткани, обувь ремесленного производства, железо и изделия из него, разные галантерейные товары, чай, сахар, а с появлением в Ферганской долине промышленных товаров – стали доставлять и их. Оттуда в Фергану вывозили невыделанную кожу, шерсть и другие предметы скотоводства, меха диких животных, пшеницу. Из Каратегина вывозили даже золото, добываемое промывкой песка из речных наносов⁴⁷. Но, главным образом, в Фергану из Каратегина, Гиссара, Куляба гнали скот⁴⁸.

Одной из форм социально-экономических связей Ферганы и горных областей Таджикистана было отходничество. “Туркестанские ведомости” писали по этому поводу: “Население (Дарваза, как и других горных стран – С.Г.) поддерживает свое существование отхожими промыслами в Фергане и даже Ташкенте, потому что занятие земледелием по недостатку годной для культуры земли не дает средства и для самого умеренного пропитания”⁴⁹. Были в Фергане и отходники из Бальджуана⁵⁰, Куляба, в частности, из долины Камароу⁵¹, Гиссара, но особенно из Каратегина, в том числе из Джиргаталя⁵², а также из Матчи⁵³. Из отдельных селений верховий Зеравшана уходило на заработки от 25 до 75% взрослого мужского населения⁵⁴.

Не останавливали поток отходников даже политические осложнения. Так, весной 1871 г. отношения между Кокандом и Каратегиним обострились из-за того, что каратегинский владетель Рахим-хан поддержал антикокандское восстание кыргызов, живших по реке Сох на границе с Каратегиним. Были и другие причины, повлиявшие на взаимоотношения между этими странами. В результате в Коканде были запрещены торговые отношения с Каратегиним и даже проезд туда и обратно. И, тем не менее, отходники-каратегинцы продолжали появляться в Кокандском ханстве⁵⁵.

Отходники часто нанимались на военную службу к кокандским ханам. Те, в свою очередь, предпочитали вербовать в свои войска горцев, так как доверяли им больше, чем местной военной аристократии, и, может быть, ценили в них мужество, выносливость, исполнительность. Кроме того, над простодушными, доверчивыми отходниками, целиком зависевшими в экономическом отношении, ханам легче было поддерживать классовое господство. Еще Алимхан, как свидетельствует кокандский историк Нияз-Махаммад, создал два отряда (несмотря на возражения военной аристократии) из горцев: один состоял из каратегинцев, дарвазцев (вахючи), шугнанцев, бадахшанцев и др.; а другой – из читральцев, иранцев гунтцев⁵⁶. Но в конце XIX – начале XX в. горцы в Фергане в основном нанимались поденщиками и чернорабочими.

Отходники приходили на заработки практически в течение всего года. Если они имели дома клочки земли, а в семье было несколько мужчин, в отход уходили по очереди. Один из мужчин обязательно оставался дома, чтобы присматривать за посевами. Если в семье был всего один мужчина, он обрабатывал землю, засеивал ее и оставлял следить за посевами жену, а сам уходил на заработки с тем, чтобы вернуться ко времени уборки урожая. Некоторые отправлялись в отход только после уборки урожая, осенью, чтобы, отработав зиму на фабриках и заводах, вернуться домой к началу весенних полевых работ. Многие бедняки уходили на заработки на несколько лет. Весной и ранней осенью они нанимались на строительные и поденные работы,

на плантации, а поздней осенью и зимой работали на заводах и фабриках прессовщиками, грузчиками.

На заработанные деньги отходники покупали товары фабричного и ремесленного производства: ткани, обувь, чай, краски, металлические изделия. Но, главным образом, покупали хлопок для изготовления тканей домашним способом. Покупки набивали в корзины по 70 – 80 кг и несли на себе*; редкий отходник имел осла.

Каратегинцы, прибывавшие в восточную часть Ферганской долины, шли предпочтительно следующим маршрутом: из Каратегина вдоль реки Сурхоб (Кызылсу) попадали в Алайскую долину, где шли до селения Учкурган и дальше в город Скобелев (ныне Фергана) и другие районы. Подробное описание этого пути дал бывший *деволкаш* – специалист по возведению глинобитных стен Таваккал Додоев из селения Суфан (близ Ферганы), который сам неоднократно ходил пешком из Каратегина в Фергану и обратно: Калаилаби-об (селение в Каратегине) – Хашт – Сайрун – Кушакба – Дамбирачи – Аччик-Алма – Киязарбедро – Илликарами – Даштиджеканди – Дарауткурган (селение в Алайской долине) – Тенгизбай (перевал в Ферганскую долину) – Арчакутал – Сфедоро – Лянгар – Чикыркуприк – Караул – Куприкбаши – Майдон – Караягач – Учкурган⁵⁸. Этот путь проходили пешком в среднем за 5 – 7 дней. Зимой этот путь, естественно, затруднялся из-за большого количества снега. В этом случае нанимали у кыргызов яков, которые чувствуют основную тропу и под глубоким снегом и, кроме того, утаптывают его. За яками шли люди.

На протяжении всего пути располагались чайханы, принадлежавшие кыргызам, где можно было за плату отдохнуть, переночевать. Их владельцы следили за исправностью дорог, особенно мостов, за что вносили с путников плату. Один из таких пунктов находился в Учкургане. Последний, благодаря

---

* Ср. характеристику, данную горцам А.А.Семеновым: “Своей спокойной походкой горец проходит без отдыха по несколько десятков верст в день, не чувствуя особой усталости. Выносливость его в этом случае подчас бывает поразительна. Пройти верст 50 в день без передышки по каменистым горным дорогам и обрывам для горца самое обыкновенное дело”⁵⁷.

удобному местоположению (на основном пути, соединявшем Фергану с Каратегином и другими горными странами), превратился даже в довольно крупный торговый центр. Здесь, в частности, не только временно размещали пригнанный из Каратегина скот (который гнали по описанному выше пути) перед отправкой его в глубь Ферганской долины, но и продавали значительную часть его. Квартал Юлбони (от узбекского *юл* “дорога” и таджикского *бони* “охрана”) в Учкургане свидетельствует о существовании в этом районе и своеобразной таможни. Другим таким пунктом был Дарауткурган в Алайской долине, который В.И. Масальский называл “сравнительно бойким местом”⁵⁹.

Многие отходники, большей частью те, кто приходил в Фергану на несколько лет, обзаводились здесь семьями и оседали. Объясняется это не только более высоким уровнем жизни в Ферганской долине, но и непосильными пошлинами таможенников, поборами феодалов на родине, а в период вхождения горных стран в состав Бухарского эмирата – и бухарских чиновников.

Консолидационные процессы у таджиков Ферганы

Равнинные таджики Ферганской долины, являвшиеся исконными жителями ее, постоянно пополнялись за счет прибывавших сюда в течение веков таджиков из Самаркандского, Бухарского, Ташкентского, Ура-Тюбинского и других оазисов. Хотя материальная и духовная культура, формы быта, говоры имели некоторые локальные различия, а земляческие самоназвания (самаркандец, бухарец и т.д.) сохранились в ряде мест до наших дней, в целом они были представителями равнинных таджиков и сближение их на территории Ферганской долины в процессе консолидации таджикского народа не был осложненным.

Несколько иным был процесс сближения ферганских (и вообще равнинных) таджиков с переселенцами из горных районов Таджикистана. Он затруднялся и большими диалектными различиями в языке (как уже говорилось, их диалекты относились к разным группам говоров таджикского

языка), и различиями в материальной и духовной культуре, а в некоторых случаях и конфессиональными различиями (равнинные таджики были суннитами, а ваханцы, шугнанцы, ишкашимцы – исмаилитами).

Тормозящим моментом в процессе консолидации таджиков был и малопрестижный род занятий горцев на территории Ферганы. Ферганские таджики издавна занимались земледелием (причем были искусными земледельцами, как и сарты-узбеки), ремеслами, торговлей. Все эти виды деятельности требовали определенной подготовки, знаний, сноровки, ловкости. Прибывавшие же на заработки горцы могли предложить местному населению в основном силу, выносливость, трудолюбие, но не высокую специализацию в какой-либо области. Исключение составляли лишь часть каратегинцев, которые славились среди ферганцев (и не только среди них) как специалисты высокого класса по возведению глинобитных стен (*пахса девол*). Их в Фергане называли не иначе как уважительным *деволкаш*, т.е. “мастер по возведению глинобитных стен”. Стены, выложенные каратегинцами, отличались высокой прочностью, влаго- и сейсмоустойчивостью и были предметом мечтаний многих домохозяев Ферганы. Секрет такой прочности заключался в особом способе приготовления глины, которую делали накануне из лесса, без каких-либо примесей, но тщательно вымешивали ногами⁶⁰. Традиция ферганцев приглашать на эту работу именно каратегинцев сохранилась до наших дней*

Но в целом горцы нанимались на любую работу, даже тяжелую, грязную, малооплачиваемую: была бы возможность заработать. Преимущественно это была поденная работа. Горцы составляли также основную рабочую силу на фабриках, хлопкоочистительных заводах, где они работали опять-таки на самой грязной и тяжелой работе. Узбеков и равнинных таджиков, по словам информаторов, там было намного меньше. Так, грузчики-горцы способны были поднимать до 200 кг и более, на что не были способны ни равнинные таджики,

---

* Напротив, для строительства мазаров из жженого кирпича, украшения мечетей и частных домов росписью в Каратегине приглашались мастера из Ферганы⁶¹.

ни узбеки. Их можно было узнать по специальным твердым подушкам на заплечных ремнях – *паланг*, которые они постоянно носили на спине.

На хлопковых плантациях горных таджиков использовали как сезонных рабочих для вскапывания земли и уборки урожая. Матчинцы нанимались также на очистку полей после сбора урожая от хлопковых стеблей (*гузапоя*) Для этого подвязанный к поясу серп они подводили под нижнюю часть куста и, резко выпрямившись, выдергивали последний с корнем.

Было среди горцев-отходников немало жнецов, которые приходили со своими серпами или покупали их в Фергане, а порой получали у нанимателя; дроворубов, которые срубали деревья, пилили и кололи их, корчевали пни, получая по 15 копеек за день работы при своем харче; водоносов; ночных сторожей и т.д.

Рабочими маслодавилен также были в основном горные таджики, чаще всего матчинцы и каратегинцы. Работали они на следующих условиях. Семена, льняные, дынные, арбузные и др., для масла покупал рабочий. Маслодавиля и волю или лошади, вращающие пест, принадлежали баю. За это бай получал по фунту масла за одну закладку семян. А так как в день выжимали масло из трех закладок, то он получал три фунта масла в день и весь жмых. Остальное масло получал рабочий и продавал его местному населению, разнося по домам*. Очень часто горцы работали на маслодавилях и вовсе за харчи. При этом семена для масла покупал сам хозяин маслодавиля, а в обязанности рабочего входило выполнение всей черной работы⁶³.

Все перечисленные выше виды труда не требовали специализации и были малооплачиваемыми, а потому малопрестижными. Часть ягнобцев и матчинцев и вовсе занимались сбором подаяния⁶⁴.

Своего рода барьером между равнинными и горными таджиками было и чувство неуверенности, присущее любому бедняку (а в отход уходила только

---

* Хотя к концу XIX в. в Фергане появилось большое количество маслозаводов, местное население с неохотой покупало заводское масло, получаемое горячим способом, а предпочитало привычное масло из необжаренных семян, получаемое в кустарных маслодавилях⁶². Мне информаторы говорили, что масло с маслозавода не брали потому, что считали его нечистым (*хором*); ведь его гнали в машинах, хранили в бочках и т.д.

самая бедная часть населения), прибывшему на чужбину для заработков, и определенная экономическая зависимость от нанимателя – ферганского таджика (или узбека). Это ощущение социальной незащищенности, не покидавшее горца в течение длительного времени даже после оседания в Фергане, заставляло горцев сплачиваться между собой и замыкаться в своем кругу. В частности, селились они компактными группами, занимая отдельное селение или квартал, которые чаще всего называли по имени селения, откуда прибыли (что, кстати, тоже представляет собой попытку создать психологический комфорт, ощущение, что ты находишься на родине, а не на чужбине). Например, названия селений Гульпион, Ляган, Лянгар, Калача (сокращенное от Калаи-ляби-об), Пингон, Уртакакир, Шакар (от Шакарие), Гузар, Япалак, Вахио в Ферганском районе, Казылкия, Човай., Какыр – в окрестностях упомянутого Учкурмана, Хаит в Кокандском оазисе, Пингон недалеко от Чуста, Кызылкия в долине реки Сох и многие другие идентичны каратегинским. То же можно сказать и о матчинских селениях в Фергане, и селениях других горцев-мигрантов.

Замкнутость усиливалась эндогамными браками. Это с одной стороны. С другой стороны, вышеуказанные чувства вызывали у горца вполне естественное желание слиться с местным населением, называться ферганским, а не каратегинским или матчинским, например, таджиком, что и делалось при первой же возможности.

В свою очередь, имелся целый ряд факторов, способствовавших сближению равнинных и горных таджиков на территории Ферганы*. Во-первых, в течение многих веков этносы двух регионов, Ферганской долины и горных районов Таджикистана, тесно соприкасались в политическом, социально-экономическом и культурном отношениях. Во-вторых, процессу

---

* В восточной части Ферганской долины сближение шло в основном между горными таджиками и узбеками, поскольку равнинных таджиков здесь было не очень много. Но в связи с тем, что материальная культура узбеков-сартов и равнинных таджиков Ферганы была очень близка, то процесс интеграции между равнинными таджиками и горцами, с одной стороны, и между узбеками-сартами и горцами, с другой, был во многом схожим, во всяком случае, в области материальной культуры.

сближения (и слияния) способствовали близость языка горных и равнинных таджиков, культуры, единая религия (каратегинцы, дарвазцы, матчинцы, кулябцы, гиссарцы и другие были, как и равнинные таджики, мусульманами-суннитами). Дисперсное расселение горцев – важный фактор, ускоряющий этот процесс. Большое значение имел и психологический фактор. Горные таджики, по словам коренного населения Ферганы, таджикского и узбекского, были простодушными, покладистыми, неприхотливыми, а главное, трудолюбивыми, что не могло не вызывать симпатии у коренного населения, в первую очередь, у таких же бедняков, как и мигранты. Особенно трудолюбие горцев не мог не ценить и сам очень трудолюбивый ферганский крестьянин.

Горцы считались отличными работниками и в среде заводчиков и плантаторов. Не случайно, когда ферганская администрация стала выселять таджиков-отходников, не имевших паспортов, назад (по ходатайству бухарских властей, в чьем подданстве находились горные районы Таджикистана в конце XIX – начале XX в.), хозяева заводов и фабрик, владельцы плантаций обратились к военному губернатору Ферганской области с просьбой отменить паспортную систему в отношении горцев⁶⁵.

Иные экологические и социально-экономические условия, этнокультурные контакты горцев с народами Ферганы, в первую очередь, с равнинными таджиками и узбеками, приводили к постепенной утрате горцами многих этнических признаков. Со временем утрачивается, например, такое исконно каратегинское ремесло, как возведение глинобитных стен. В 70 – 80-е годы XX в. в селениях, сплошь населенных потомками каратегинцев (например, в селениях окрестностей Ферганы), эту работу делали не сами, а, по возможности, приглашали специалистов из Каратегина (в эти годы деволкаши летали уже в Ферганскую долину самолетами). Горянки в Фергане перестали вязать *джурабы* – длинные шерстяные узорчатые носки из цветных ниток. И вообще материальная и духовная культура горцев претерпела значительные изменения в сторону нивелирования этнических особенностей, отражая тем самым процесс сближения горных таджиков с коренным населением Ферганы.

Пища считается наиболее консервативной частью материальной культуры. Но и она во многом видоизменилась у переселенцев, хотя некоторые элементы сохранились до наших дней. В Каратегине и Ферганской долине, как и во всей Средней Азии, до революции горячую пищу готовили только на ужин. Завтрак и обед состоял обычно из лепешек и чая, а также фруктов, свежих или сухих, иногда масла, чаще топленого, или квашеного молока, сливок. Такой режим питания был связан как с климатическими условиями, так и с древними традициями. Но в горных районах подавали по утрам так называемый *ширчай* (буквально “молочный чай”), который готовили следующим образом: спитой чай (*шамма*), а до революции часто веточки яблони или груши, так как чай был не всем доступен, заливали водой и молоком, слегка подсаливали и кипятили. Затем разливали в чашки, добавляли топленое масло и крошили в чай кусочки лепешки. Это считалось (и было) очень сытной пищей.

Коренные жители Ферганы ширчай не пили. Более того, в пищевом рационе их молочные продукты вообще играли небольшую роль, что объяснялось отсутствием в оазисах Ферганы пастбищ и выгонов, а потому условий для содержания молочного скота⁶⁶. Но каратегинцы, привыкшие к молочной пище, долго сохраняли традицию пить по утрам молочный чай, причем больше старики, особенно в период религиозного поста: сытно и не мучает жажда. В конце XX в. многие каратегинцы предпочитали уже обычный, чаще всего зеленый чай, любимый чай всех ферганцев. Более того, некоторые информаторы даже пожилого возраста говорили мне, что ширчай их предки вынуждены были пить из-за бедности, чтобы насытиться. А сейчас якобы потребность в молочном чае отпала, так как живут они в достатке.

Надо, однако, помнить о том, что большинство каратегинцев осело преимущественно в равнинной части долины, где в конце XIX – начале XX в., в связи с превращением Ферганы в район монокультуры хлопка, молочного скота стало еще меньше, чем прежде. Сыграли, конечно, свою роль и традиции местного ферганского населения. В Учкургане же, например, который

расположен в предгорьях, т.е. в зоне относительно развитого скотоводства, ширчай в период сбора материала по-прежнему был в большом употреблении. Кроме того, население этого района, помимо каратегинцев состояло в значительной степени из равнинных таджиков, переселившихся из Самаркандского оазиса, и кыргызов. В пищевом же рационе тех и других также издавна были молочные продукты и блюда, в том числе и ширчай. Поэтому влияние менее многочисленного узбекского населения, тоже живущего здесь, на традиции каратегинцев не могло быть значительным. Более того, в Учкургане имел место обратный процесс: под влиянием соседей и у учкурганских узбеков молочный чай стал повседневным напитком.

В пище переселенцев долгое время преобладали блюда, одним из компонентов которых были лепешки, особенно свежеспеченные. Так, одним из лакомых блюд в Каратегине было фатир-маска (буквально “лепешка и сливочное масло”): между двумя свежеспеченными лепешками кладут кусок масла и мнут ложкой до тех пор, пока все это не превратится в однородную массу. Ферганские каратегинцы, хотя и любят это блюдо (в Ферганской долине оно называется *чанголи*), делают его довольно редко, и гостям, в отличие от своих предков, не подают.

Часто приготовляемым блюдом в Каратегине является *шакароб* (от *шакар* “вкусный”, *об* “вода”). В чашку с холодной водой крошат еще горячую пшеничную или ячменную лепешку, заправляют зеленым луком, кориандром и красным перцем, толчеными с солью⁶⁸. В Фергане это блюдо делают на горячей воде (преимущественно в Ферганском районе и в Учкургане), также заправляют зеленью и солью с перцем, а в некоторых местах топленным маслом (например, в Учкургане) или квашеным молоком (в селениях Суфан, Валик, Калача, Каптархана Ферганского района), крошат туда свежеспеченные лепешки (в Каптархана куски лепешки просто обмакивают) и называют его *намак-шапак* (*намак* “соль”, *шапак*, по-видимому, компонент, образующий с предыдущим словом парное словосочетание со значением обобщенности).

В районах дисперсного расселения каратегинцев (например, квартал Таджик в городе Тюракурган Наманганской области, селении Холдедонбек близ Шахрихана и др.) этого блюда уже не знают. Термином же *шакароб* называют салат из помидоров, лука и кориандра с добавлением перца и соли (причем не только таджики-горцы, но вслед за ними почти все народы, живущие в Фергане и других районах Средней Азии) – один из последних, относительно недавно появившихся вариантов этого блюда*. Едят его, также макая в него куски лепешки.

На свадьбы, празднества по поводу обрезания, поминки и при приеме особо важных гостей в селениях Ферганского района, в окрестностях Шахрихана, Учкургана, в долине реки Сох, т.е. в местах компактного расселения каратегинцев, они, как и их предки, еще пекут обрядовый хлеб *чапоти* – очень тонкие и большие лепешки из кислого теста. Но в большинстве районов долины, где каратегинцы живут относительно мелкими группами среди массива узбекского населения, чапоти не пекут уже даже в торжественных случаях, заменяя их обычными узбекскими лепешками. Объясняют такую замену сложностями в изготовлении чапоти.

В период переселения в Фергану каратегинцы употребляли, как и у себя на родине много мучных и молочных блюд, которые считались сытной и легкой пищей. До сих пор в их меню сохранились такие традиционные блюда как *умач-руга* (вареные в молоке и заправленные маслом клецки), *курутоб* (кипятят курут с водой, добавляют топленое масло и крошат туда лепешки), *угра* (лапша), *оштутта* (густая лапша с мясом). Но, как говорил в 1979 г. с огорчением информатор, перебравшийся из Каратегина в Фергану относительно недавно, в 1949 г., каратегинские блюда здесь готовить не умеют, а если и делают, то далеко не так, как в Каратегине.

Пожалуй, единственное, что сохранилось в пище каратегинцев, осевших в Фергане – это употребление сливочного масла (преимущественно топленого),

---

* Как известно, помидоры в Средней Азии появились только после прихода сюда русских, а в рационе коренного местного населения едва ли не в советское время.

получаемого из квашеного молока, а не из пресного или сливок, как у равнинных таджиков и узбеков. Причем ферганские каратегинцы сбивали масло в керамических маслобойках путем вращения мутовки при помощи ремня, как в Каратегине, в то время как коренное население Ферганы сбивало его способом толчения в узких цилиндрической формы маслобойках. Сбивание масла из квашеного молока в керамических маслобойках – один из ярких признаков, сохранившихся у каратегинцев Ферганской долины до наших дней и отличающий их от местного таджикского населения.

Сближению горцев с коренным таджикским (и узбекским) населением Ферганы способствовало и появление смешанных браков, что вынуждалось обстоятельствами, так как на заработки приходили только мужчины, часто неженатые. Например, по местным преданиям, основателем кишлака Ризомахалля в Ферганском районе был некий Мамаризо, прибывший из Каратегина и женившийся здесь на равнинной таджичке. До сих пор в этом кишлаке живут потомки первопоселенца. Порой случалось, что ферганский таджик, попавший в силу обстоятельств в одну из горных стран, женился там и возвращался с женой-горяжкой, как это случилось с отцом Мухаммаджона Усманова (1908 г.р.) из селения Аваль, отправившегося в молодости на поиски счастья в Каратегин.

Процесс консолидации таджиков, горных и равнинных (не только ферганцев, но переселившихся сюда самаркандцев, бухарцев, ташкентцев и др.) на территории Ферганской долины, начавшийся в XIX в., в середине и конце XX в. был на пути к завершению. Локальные самоназвания как горцев (каратегини, масчои, кулоби, хисори и т.д.), так и переселенцев из других оазисов (самарканди, бухори, ташкенти и др.) почти вышли из употребления. Повсеместно бытует самоназвание “таджик”. Почти везде на вопрос: “Какой Вы таджик? Откуда родом?” отвечают “местный”, т.е. “ферганский”. Только старики знают, откуда прибыли их предки, да пока еще живы некоторые элементы материальной и духовной культуры, могущие служить этническим определителем при изучении населения.

Сближение части таджиков с узбеками Ферганы

Особенности расселения таджиков на территории Ферганской долины определили направление сближения их с узбеками. На территории Ходжентской области, а также в Сохском районе Ферганской области, Чустском, Касанском районах Наманганской области, где преобладающим этническим компонентом были таджики, менее многочисленные узбеки попадали под влияние первых. На остальной территории долины, где большинство населения составляли узбеки, шел обратный процесс.

Уже говорилось, что равнинные таджики, как и издавна оседлые узбеки, были известны у полукочевого населения Ферганы под названием “сарты”. А поскольку именно таджикоязычные сарты составляли основу населения Ходжентского уезда, а узбекская часть была здесь представлена полукочевыми группами кураминцев, юзов, кипчаков, тюрков (в южных же предгорьях кочевали кыргызы), то процесс сближения между теми и другими шел здесь примерно в том же направлении, что и между полукочевыми и оседлыми узбеками. Схожесть этого процесса усугублялась тем, что материальная и духовная культура узбеко- и таджикоязычных сартов Ферганы была не только близка, но в ряде черт и совершенно одинакова.

Сближению таджиков-сартов с полукочевыми узбеками способствовали те же факторы, что рассматривались в главе об узбеках. Прежде всего, давние тесные экономические контакты между оседлым и полукочевым населением этой части долины. Например, кураминцы, юзы-баявуты, кочевавшие у подножия Кураминского хребта и по правобережью Сырдарьи в западной части долины (а также кыргызы предгорий), ездили для продажи скота, продуктов скотоводства, а также для приобретения товаров земледельцев и ремесленников на базары Ходжентского уезда и прежде всего в город Ходжент. Здесь почти каждый скотовод имел торгового друга (ошно), у которого останавливался на период базарных дней и который помогал продать ему товар и купить необходимый. В ответ на эту услугу скотоводы расплачивались деньгами или

овцами. В свою очередь, таджики-сарты отправлялись продавать продукты земледелия, прежде всего, фрукты, свежие и сухие, в кочевья и также останавливались у своего друга. Были и другие взаимные услуги. Например, кураминцы, юзы и другие полукочевники (а также кыргызы) выпасали скот таджиков в течение мая – августа месяцев, получая взамен изюм, миндаль, сушеный урюк.

Взаимные угощения, участие в период пребывания у друга в семейных событиях способствовали взаимопроникновению различных черт материальной и духовной культуры полукочевых групп узбеков (и кыргызов) и таджиков. Усиленное оседание полукочевников в конце XIX – начале XX в. часто среди таджиков (оговариваю это потому, что полукочевники обычно оседали вдали от населенных пунктов, в местах своих былых кочевий), ускорило появление общих черт в культуре тех и других. Причем преобладали инновации в среде недавних полукочевников. Во-первых, потому что этого требовали новые, изменившиеся условия, в которых оказывались бывшие полукочевники, а во-вторых, значительное численное преобладание таджикоязычных сартов определяли направление заимствований⁶⁹.

Функцию межэтнического общения в подобной ситуации, естественно, выполнял таджикский язык. У узбеков (и кыргызов) стало распространяться двуязычие, а порой и полное забвение своего родного языка. Особенно интенсивно этот процесс протекал в городах и городках, таких как Ходжент (где таджики, по переписи 1897 г., составляли 96%), Канибадам (где они составляли 97%), Чуст (98% таджиков) и т.д., а также в тех городах и крупных селениях, где население было пестрым, но с преобладанием таджиков.

Е.М. Пещерева в 1951 г. сделала в Канибадаме запись о том, что узбеки (в основном юзы) пришли сюда лет 200 тому назад из районов Самарканда. Здесь они за это время отаджичились настолько, что ни в языке, ни в обычаях от коренных канибадамцев не отличались, в то время как потомки их соплеменников, осевших на берегу Сырдарьи, до наших дней сохранила узбекский язык и самосознание⁷⁰. Н.О. Турсунов, обследовавший население

Ходжентской области, отмечал, что узбеки-сарты, выходцы из Ташкента, Сайрама, Коканда, Джизака, а также полукочевники групп тюрк, курама, юз, переселившиеся в Ходжент, Канибадам, Кыстакоз, слились с таджиками и перешли на таджикский язык⁷¹.

Но, думается, что о полном слиянии осевших полукочевых узбеков (а именно они представляли в основном узбекское население западной части Ферганы) с равнинными таджиками, особенно в дореволюционный период, говорить трудно. Сам Н.О. Турсунов отмечал, что в том же Ходжете узбеки говорили на таджикском языке только с таджиками. Между собой же они говорили только на узбекском языке⁷². Даже в хозяйственной деятельности (а сближение идет, в первую очередь, в этой сфере) осевшие узбеки долго сохраняли своеобразие, которое заключалось в том, что они не занимались такими высокоинтенсивными видами деятельности, как садоводство, виноградарство, шелководство⁷³.

Тот же самый процесс сближения, но, думаю, не полного слияния узбеков и таджиков, шел в районах с преобладанием узбекского населения. Менее многочисленные, но компактно расселенные таджики усваивают узбекский язык⁷⁴. Более того, они сами утверждают, что полностью обузбечились. Так, в крупном селении Гулякандоз и его окрестностях (Ходжентская область) живут в основном осевшие тюрки и юзы, прикочевавшие когда-то из Замина и Самарканда. Таджики, прибывшие в свое время из Ходжента, составляют меньшинство. В настоящее время они считают, что обузбечились настолько, что самоназванием некоторых является “узбек”, хотя почти все помнят, свое таджикское происхождение и язык⁷⁵.

Иначе складывались взаимоотношения с узбекоязычным населением у горных таджиков. Горцы, приходившие на заработки в восточную часть долины, обычно имели дело с издавна оседлым узбекским населением (и очень немногочисленным таджикским), к которым нанимались поденщиками, рабочими маслодавлен и т.д. Контакты горцев с узбеками-сартами были в значительной степени такими же, как и с равнинными таджиками. Только к тем

факторам, что заставляли горцев жить на начальных этапах оседания в Фергане замкнутыми землячествами, добавлялись и разные языки, и осознание того, что узбеки были отнюдь не родственным народом, как равнинные таджики. А потому, как писал П.Е. Кузнецов, каратегинцы (и вообще горцы – С.Г.) сохраняют свою самобытность и не подвергаются тюркизации⁷⁶. Но такое положение было лишь в первые десятилетия после оседания их в Фергане. Со временем под влиянием тех же факторов, что рассматривались в предыдущем разделе, процесс сближения горцев с узбеками не только не наметился, но и все больше укреплялся. Но теперь донором выступала уже культура узбеков, а реципиентом – культура горных таджиков, поскольку культура узбеков-сартов была выше и, в данном случае, престижнее, чем культура горных таджиков.

Взаимоотношения горцев с полукочевыми узбеками (во всяком случае, на востоке долины) складывались обычно не по модели работодатель и наемный рабочий, как чаще всего складывались отношения их с узбеками-сартами, а в лучшем случае, по модели наемный рабочий и наемный рабочий, так как оседал обычно совершенно разорившийся скотовод, который сам вынужден был идти в поденщики и осваиваться в новой, пока еще непривычной сфере. А потому заимствования горцами элементов культуры полукочевых узбеков не могли быть значительными, во всяком случае, в конце XIX – начале XX в.

Необходимость приспособливаться к новой среде заставила мигрантов, в первую очередь, усвоить узбекский язык. Горец вынужден был выучиться господствующему в Ферганской области Русского Туркестана языку. Причем процесс усвоения узбекского языка таджиками (как горными, так и равнинными) на рубеже веков проходил, видимо, достаточно активно, если в 1907 г. в отчетах по ревизии Туркестанского края отмечалось, что “среди таджиков наблюдается так называемая сартизация их: они принимают сартовский (т.е. узбекский – С.Г.) язык, оставляя коренной”⁷⁷. В последней трети XX в., когда шло исследование, многие потомки переселенцев не знали родного и вообще таджикского языка и говорили только на узбекском. Ходирбек Мадкаримов, каратегинский таджик, 82 лет, из селения Таджик близ

Шахрихана, рассказывал, что его жена, тоже каратегинская таджичка, но выросшая в этих краях, своего языка не знает. С ней он вынужден был говорить только по-узбекски, в то время как с соседями и собственными детьми он говорит по-таджикски.

В конце XX в. большинство каратегинцев Ферганской долины говорило на языке, вернее, диалекте ферганских равнинных таджиков, хотя некоторая часть их сохранила, правда, далеко не в чистом виде, свой диалект, которым пользовалась исключительно в семейном кругу. Но независимо от степени сохранности элементов каратегинского говора, речь большинства ферганских каратегинцев отличало наличие в глаголах повелительного наклонения частицы -ЧИ, усиливающей пожелание, просьбу, приказание (*биёечи* “входите же”, *гуречи*, *бигиречи* “берите же”, *бидовчи* “бегите же ” и т.д.). На это обратили мое внимание сами каратегинцы. Равнинные таджики и узбеки, знающие таджикский язык, также отмечали этот элемент в языке каратегинцев, что свидетельствует о том, что само население считает его этноотличительным признаком. Более того, во многих районах Ферганской долины каратегинцев отличают от других территориальных групп таджиков именно по этой частице в речи. О них говорят “*Чи-чи*” *гапиришади*, т.е. “говорят с “чи-чи”. Или и вовсе называют их *чи-чилар*, т.е. “чи-чинцы” (кстати, таджиков, прибывших в Ферганскую долину из Самаркандского оазиса, отличает в речи частица –*тон*, имеющая то же значение, что и -*чи*. Поэтому местное население называет их *тон-тонлар*, т.е. ”тон-тонцы”).

В свое время я считала, что это особенность говора каратегинцев вообще⁷⁸. Но в беседе с этнографом И.М. Мухитдиновым, уроженцем Дарваза, выяснилось, что для собственно каратегинского языка эта частица не характерна, как не характерна она и для других говоров таджикского языка. Значит, она была заимствована каратегинцами-переселенцами из узбекского языка, в котором эта частица существует с указанной функцией. На определенном этапе это заимствование стало настолько характерным для

ферганских каратегинцев, что начало служить, как уже говорилось, этническим определителем.

Двуязычие содействовало нарушению замкнутости и строгой эндогамии у горцев. Собственно браки между горцами, в частности каратегинцами, и узбеками имели место и раньше, до оседания первых в Фергане. Так, об отходниках-каратегинцах, приводивших на родину жену-узбечку, писала Р.Л. Неменова⁷⁹. Дед одного из моих информаторов был богатым человеком в Каратегине. У него было семь жен, в том числе две узбечки, из Коканда и Уччургана (кстати, эти жены в качестве приданого получили земли, и дед информатора, будучи каратегинцем, стал в результате владельцем обширных земель в Фергане).

В первой же четверти XX в. смешанные браки, преимущественно узбекско-каратегинские, встречаются еще чаще. Значительное число моих информаторов, родившихся в начале нашего века, женаты на узбечках. А таджиков из селения Аваль, которые в основном являются потомками каратегинцев, и вовсе в народе называют *хашаки* (буквально “несортовой”), так как они давно уже начали смешиваться с узбеками и, значит, потеряли свою чистоту. Смешанные браки усиливали, в свою очередь, проникновение элементов узбекско-таджикской материальной и духовной культуры в культуру горцев, влияли на изменения национального самосознания, хотя порой смена самосознания была осознанной.

Своеобразием отличался и процесс сближения равнинных таджиков с издавна оседлыми узбеками. Те и другие – древние насельники края, те и другие были известны у полукочевого населения под названием “сарт”. Основное занятие тех и других – земледелие, ремесло, торговля. Материальная и духовная культура их, как уже говорилось, во многом была близка и даже почти одина, что объясняется и генетической близостью этих народов, и общностью их исторических судеб. Единственным дифференцирующим моментом и барьером на пути сближения этих двух групп, казалось бы, были языки. Но языкового барьера между ними не существовало. Почти все таджики,

жившие в окружении узбеков, и наоборот, были двуязычны. Более того, по наблюдениям лингвистов, таджикский и узбекский языки, в частности на территории Ферганской долины, подвергались очень сильному обоюдному влиянию. По В.С. Расторгуевой, к середине XX в. почти во всех таджикских говорах Ферганы имеются следы влияния узбекского языка, причем не только в лексике, но и в фонетике, морфологии, синтаксисе⁸⁰.

Столь же интенсивному влиянию подвергся и узбекский язык со стороны таджикского. Причем наибольшей иранизации, по наблюдениям Е.Д. Поливанова, подвергся ходжентский говор (где, как уже говорилось, основной процент населения составляли таджики), наименьшей – андижано-шахриханский (вспомним, что в Андижанском уезде до революции было всего 0,61% таджиков – С.Г.). Промежуточное положение занимал маргилано-кокандский говор (в Кокандском уезде было, как уже говорилось, 12% таджиков, в маргиланском – 5,41%)⁸¹. Немало было и смешанных браков: П.Е.Кузнецов отмечал их в Наманганском уезде⁸², Е.А.Давидович и Б.А.Литвинский – в Исфаринском уезде⁸³. Об этом свидетельствует и мой полевой материал.

Сравнение демографических данных по Ферганской области Русского Туркестана за 1897 – 1907 гг. показывает, что число таджиков здесь уменьшилось за 10-летие на 6083 человека, т.е. почти на 5,3% всех таджиков области⁸⁴. Это немало. И в уменьшении числа таджиков (и напротив, увеличение числа узбеков-сартов за их счет) главную роль, видимо, сыграли численное превосходство в этой части долины узбекоязычного населения и, может быть, политическое господство узбеков.

1. В дореволюционной литературе они были известны также под названием “галча” от *гарча*, т.е. “горец”, хотя сами себя горные таджики так никогда не называли. Об этимологии этого слова, эволюции его значения и употреблении см.: *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана // Бартольд В.В. Сочинения в 9-ти томах. Т.П, ч. 1. М., 1963. С.197; *Он же.* Таджики. Исторический очерк. // Бартольд В.В. Сочинения. Т.П, ч.1. С.458; *Андреев М.С.* По этнографии таджиков // Таджикистан. Сборник статей. Ташкент, 1925. С.157; *Сидев Б.* Слово “галча” // Армугон, П. (вопросы таджикской филологии). Душанбе, 1971 (на таджикском языке). С.3 – 6.

2. *Ошанин Л.В.* Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов в свете данных антропологии // Ошанин Л.В., Зезенкова В.И. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. Ташкент, 1953. С.38.
3. По классификации М.С.Андреева (*Андреев М.С.* Краткий обзор некоторых особенностей таджикских говоров. Материалы. Сталинабад – Ташкент, 1930. С.60 – 63).
4. По классификации В.С. Расторгуевой (*Расторгуева В.С.* Опыт сравнительного изучения таджикских говоров. М., 1964. С. 156).
5. По классификации М.С. Андреева (*Андреев М.С.* Краткий обзор... С.60 – 63).
6. По классификации В.С. Расторгуевой (*Расторгуева В.С.* Опыт сравнительного изучения... С.156)
7. *Кушакевич А.* Сведения о Ходжентском уезде // ЗИРГО. 1871. Т.У1; *Кузнецов П.Е.* О таджиках Наманганского уезда // ИТОРГО. 1915. Вып.П. Т.Х1, Ч.1; *Он же.* О таджиках Кокандского уезда // ИТОРГО. 1916. Вып.П. Т.ХП; *Андреев М.С.* По этнографии...; *Он же.* Поездка летом 1929 г. в Касанский район (Северной Ферганы). Ташкент, 1929; *Кисляков Н.А.* Таджики долины Сох // Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А.А.Семенова. ТИИАЭ. 1953. Т.17; *Он же.* Очерки по истории Каратегина. К истории Таджикистана. Сталинабад, 1954; *Еришов Н.Н.* *Кисляков Н.А., Пещерева Е.М., Русайкина С.П.* Культура и быт таджиков колхозного крестьянства. М.–Л., 1954; *Еришов Н.Н.* Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района ТаджССР перед Октябрьской революцией. Сталинабад, 1960; *Пещерева Е.М.* Праздник тюльпана (лола) в селении Исфара Кокандского уезда // В.В. Бартольд. Туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927; *Она же.* Гончарное производство Средней Азии // ТИЭ. Новая серия. Т.ХIII. 1959; *Хамиджанова М. А.* Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошаемые земли. Душанбе, 1974; *Турсунов Н.О.* Из истории городского ремесла Северного Таджикистана. Душанбе, 1974; *Он же.* Сложение и пути развития городского и сельского населения Северного Таджикистана XIX – начала XX в. Душанбе, 1976; *Джаханов У.* Земледелие таджиков долины Соха в конце XIX – начале XX в. Душанбе, 1989; *Чவர்ь Л.А.* Об исторических преданиях аштских таджиков // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981; *Бушков В.И.* Население Северного Таджикистана (формирование и расселение). М., 1991.
8. *Гинзбург В.В.* Таджики предгорий. // СМАЭ. ХП. 1949. С.309, 330; *Ошанин Л.В.* Указ. соч. С.41; *Платонова Н.А.* Антропологические исследования в Средней Азии // Новое в антропологических исследованиях (итоги полевых работ Института этнографии в 1972 г.). Вып. 2. М., 1974; *Пестряков А.А.* Антропологические исследования некоторых групп населения Таджикистана и Узбекистана // СЭ 1975. №1; *Дубова Н.А.* Антропологическая характеристика некоторых групп населения Северного Таджикистана // ВА. Вып. 52. МГУ, 1976; *Она же.* К проблеме формирования памиро-ферганской расы // СЭ 1978. № 4.
9. *Бузургзода Л.* Чорбатхон халки ва хусусиятҳои шеваи Конибодом // ИТФ АН СССР. Сталинабад, 1946. №1 (на тадж. яз.); *Ниязмухамедов В.* Канибадамское наречие таджикского языка. Сталинабад, 1951; *Расторгуева В.С.* Очерки...; *Она же.* Опыт сравнительного изучения...
10. *Давидович Е.А., Литвинский Б.А.* Археологический очерк Исфаринского района // ТИИАЭ. Т.XXXV, 1956; *Литвинский Б.А.* Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972; *Он же.* Проблемы этнической истории древней и раннесредневековой Ферганы // История и культура народов Средней Азии. М., 1976; *Он же.* Этногенетические процессы в раннесредневековой Фергане (палеоантропологический и лингвистический аспекты) // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977; *Брыкина Г.А.* Юго-Западная Фергана в первую половину I тысячелетия нашей эры. М., 1982.
11. *Турсунов Н.О.* Сложение и пути развития... С.37.
12. *Бушков В.И.* Указ. соч. С.10.
13. Список населенных мест Ферганской области. Скобелев, 1909. С.128 – 129.
14. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К.Паленом. Ч.П. Отд.1. Таблицы. СПб., 1911. С.72.
15. Там же.
16. *Турсунов Н.О.* Сложение и пути развития... С.46.
17. *Бушков В.И.* Указ. соч. С.12.

18. Материалы к характеристике... Ч.П, отд. 1 С.62.
19. Там же.
20. Там же. С.66.
21. *Наливкин В.П.* Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886. С.17.
22. ЦГИА. Ф. 23, оп.1, д. 532. Лл. 226 – 240.
23. *Кузнецов П.Е.* О таджиках Наманганского уезда. С.11 – 16; *Андреев М.С.* Поездка летом... С.110; *Ершов Н.Н., Кисляков Н.А., Пещерева Е.М., Русайкина С.П.* Указ. соч. С.15; *Турсунов Н.О.* Сложение и пути развития... С.27, 82, 119, 181; Полевой материал автора.
24. *Захириддин Мухаммад Бабур.* Бабур-наме. Записки Бабура. Ташкент, 1958. С.19.
25. Полевой материал автора.
26. Подробнее о политической истории горных владений см.: *Кисляков Н.А.* Некоторые материалы по этнографии исфаринских таджиков // ИАН ТаджССР. ООН. Вып.5. 1954; *Искандаров Б.И.* Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России. Сталинабад, 1960; *Он же.* Восточная Бухара и Памир во 2-й половине XIX в. Ч.1. Душанбе, 1962. Ч. 2. 1963; *Он же.* Социально-экономические и политические аспекты истории Памирских княжеств. Душанбе, 1983.
27. *Куропаткин А.Н.* Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. СПб., 1879. С.94.
28. *Юль Г.* Очерки истории и географии верховьев Аму-дарьи. Примечания А.П.Федченко. СПб., 1873. С.75; *Кисляков Н.А.* Некоторые материалы... С.47 – 74.
29. Обзорение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии // ЗРГО. III. 1849. С.196.
30. ЦГИА. Ф.719. оп.1, д.3342, л.320.
31. *Федченко А.П.* Путешествие в Туркестан. М., 1950. С.339.
32. *Миддендорф А.Ф.* Очерки Ферганской долины. СПб., 1882. С.344 -345.
33. *Ufalvy K. T.* Expedition Scientifique fransause en Russie, en Sibirie et dans le Turkestan/ Paris[^] Zeronx, 1878. 1. P. 68, 87, 95.
34. ЦГИА. Ф. 23, оп.1, д. 367, л.1.
35. *Бобринской А.А.* Горцы верховьев Пянджа (ваханцы, ишкашимцы). Очерки быта. М., 1908. С.62.
36. *Тимковский М.Н.* Путешествие через Монголию и Китай в 1820, 1821 гг. Пребывание в Пекине. Ч.П. СПб., 1824 г. С.123.
37. *Бобринской А.А.* Указ. соч. С.63.
38. Там же.
39. *Ситняковский Н.Ф.* Перечисление некоторых родов киргиз, обитающих в восточной части Ферганской области // ИТОРГО. Вып.1. Ч.П. 1900. С. 97.
40. *Искандаров Б.И.* Восточная Бухара и Памир... Ч.1. С. 222, 231.
41. Там же.
42. ЦГВИА. Ф.400, оп.1, д.1649, л.1.
43. *Иванов Д.* Шугнан. Афганистанские очерки. // Вестник Европы. 1885. №1.
44. *Федченко А.П.* Путешествие... С.310 – 311.
45. ЦГИА. Ф. 23, оп.1, д. 532, л. 238.
46. Об этом свидетельствует и материал Б.Х. Кармышевой (*Кармышева Б.Х.* Население // Этнографические очерки узбекского сельского населения. М., 1969).
47. *Вельяминов-Зернов В.В.* Сведения о Коканском ханстве. // ИРГО. Ч.ХУШ. Кн.5. 1856. С.130 – 131.
48. ЦГИА. Ф.23, оп.1, д.2292, лл.4 -8; Полевой материал автора.
49. Туркестанские ведомости. 1884. № 65. О причинах отходничества см. также: *Кисляков Н.А.* Очерки по истории Каратегина. К истории Таджикистана. Сталинабад. 1954. С.120.
50. ЦГИА. Ф. 19, оп.1, д.1567, л.3.
51. Полевой материал автора.
52. *Семенов А.А.* Этнографические очерки Зеравшанских гор, Каратегина и Дарваза. Ч.1. Душанбе, 1966. С.67; Полевой материал автора.
53. Полевой материал автора.
54. *Дынин В.В.* Очерки быта горцев верховьев Зеравшана // ИТОРГО. Т.Х. Вып.1. 1914. С.72
55. *Федченко А.П.* Путешествие... С. 302 – 304.
56. *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана. С.288; *Бейсембиев Т.К.* “Та’рих-и Шахрухи” как исторический источник. Алма-Ата, 1987. С.80 – 81.

57. *Семенов А.А.* Этнографические очерки... С. 27.
58. Описание этого пути имеется и в работе В.И. Масальского (*Масальский В.И.* Туркестанский край. СПб., 1913. С. 722 – 723). Один из маршрутов, по которому шли отходники в западную Фергану, приведен А.П.Федченко (*Федченко А.П.* Указ. соч. С. 463).
59. *Масальский В.И.* Указ. соч. С. 723.
60. О способе подготовки глины см.: *Писарчик А.К.* Жилище // Таджики Каратегина и Дарваза. Ч. П. Душанбе, 1970. С. 21 – 22.
61. Там же. С. 46, 96 – 97.
62. *Юферев В.И.* Хлопководство в Туркестане Л., 1925. С. 51.
63. О маслобойном промысле в Араванской волости писал С.С. Андронов (Современный кишлак Средней Азии. Т.УП. М., 1927. С. 121). См. также: *Сухарева О.А., Бикжанова М.А.* Прошлое и настоящее селения Айкыран. Ташкент, 1955. С.34.
64. *Бобринской А.А.* Указ. соч. С. 49, 51; *Кондауров А.* Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. М. – Л., 1940. С. 10; *Хороших А.П.* Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876. С. 503 – 504; Полевой материал автора.
65. ЦГИА. Ф 2, оп.1, д.221, л.1.
66. *Миддендорф А.Ф.* Указ. соч. С.221; *Еришов Н.Н.* Сельское хозяйство таджиков... С.152 – 156. На причину малого употребления в Фергане молочных продуктов обратила мое внимание Б.Х.Кармышева.
67. *Еришов Н.Н.* Пища // Таджики Каратегина и Дарваза. Т.П. Душанбе, 1970. С. 232.
68. Там же. С. 233.
69. Об утилитарной и престижно-знаковой функциях инноваций см.: *Арутюнов С.А.* Процессы и закономерности вхождения инноваций в культуру этносов // СЭ. 1982. № 1.
70. Запись Е.М. Пещеревой любезно предоставлена мне Б.Х. Кармышевой.
71. *Турсунов Н.О.* Сложение и пути развития... С.119, 181, 185, 194, 259; *Сухарева О.А., Турсунов Н.О.* Из истории городских и сельских поселений Средней Азии 2-й половины XIX – начала XX в. // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982. С.28.
72. *Турсунов Н.О.* Сложение и пути развития... С.194.
73. Там же. С. 195.
74. П.Е. Кузнецов наблюдал это явление перед революцией в Наманганском уезде. (*Кузнецов П.Е.* О таджиках Наманганского уезда. С.23 – 24).
75. Полевой материал автора.
76. *Кузнецов П.Е.* О таджиках Наманганского уезда. С. 14, 23.
77. Материалы к характеристике народного хозяйства... Ч. П, отд. 1. С.62.
78. *Губаева С.С.* Горные таджики Каратегина в Ферганской долине (конец XIX – начало XX в.) // СЭ. 1987. № 1. С.93.
79. *Неменова Р.Л.* Население // Таджики Каратегина и Дарваза. Т.1. Душанбе. 1970. С.63.
80. *Расторгуева В.С.* Очерки... С.44, 45. 50 – 52, 63, 71 и др.; *Она же.* Опыт сравнительного изучения... С.40, 52, 140 – 148, 151 – 153.
81. *Поливанов Е.Д.* Материалы по грамматике узбекского языка. Вып.1. Введение, Ташкент, 1935. С.31 – 46.
82. *Кузнецов П.Е.* О таджиках Наманганского уезда. С.23.
83. *Давидович Е.А., Литвинский Б.А.* Указ. соч. С. 213.
84. Материалы к характеристике народного хозяйства... Ч.П, отд. 1. С.11, 17. По Ходжентскому уезду Самаркандской области, большая часть которого, как уже говорилось, находилась на территории Ферганской долины, сведения о национальном составе за 1907., к сожалению, отсутствуют.

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ У КЫРГЫЗОВ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ

Кыргызам, в том числе и ферганским (а они, как известно, входили в состав южных кыргызов), их этногенезу, локализации, материальной и духовной культуре, хозяйству, быту, историко-культурным связям посвящено немало работ, в которых в большей или меньшей степени рассматриваются и проблемы взаимодействия кыргызов и соседствующих с ними представителей других национальностей, в том числе и на территории Ферганской долины¹. При этом особо хотелось бы отметить монографию С.М.Абрамзона “Киргизы и их этногенетические и культурные связи”², которая интересна своей многоплановостью, глубиной, обобщающим характером, а также всесторонним и основательным освещением истории изучения кыргызского народа. Много внимания уделено в книге и вопросам консолидации кыргызов, процессам сближения их с другими народами.

Но обойтись в данном исследовании без рассмотрения этого народа и вопросов их взаимоотношения с различными группами населения Ферганы, и в первую очередь с сартами, узбеко- и таджикоязычными, невозможно. Это объясняется тем, что в конце XIX – начале XX в. кыргызы представляли довольно значительную группу в данном регионе. По численности в Ферганской области Русского Туркестана они стояли на втором месте после сартов: по состоянию на 1897 г. их было здесь 423639 человек, или 26,3 %³. Кроме того, во внутриферганском торговом обмене между земледельцами и скотоводами главнейшая роль принадлежала именно кыргызам. Все это определило их роль в этнических процессах, протекавших в Фергане дореволюционного периода.

К вопросу о формировании кыргызского населения

Ферганы

На протяжении всей своей истории Фергана была частью гигантского котла, по выражению С.М.Абрамзона, в котором шел длительный процесс

кристаллизации различных этнических компонентов, приведших к образованию кыргызской народности.⁴

Как известно, кыргызы начали завоевывать пастбища Ферганской долины уже в XVI в. В XVII и XVIII вв. произошли еще два крупных переселения их. Оба под натиском калмыков⁵. Но переселения кыргызов в Фергану имели место и ранее, и в последующие времена, вплоть до революции, причем с самых разных территорий: Семиречья, Аулие-Ата, Токмака, Таласа, Кашгара, Алая, Каратегина, Кашкадарьи и т.д. Все они сыграли существенную роль в формировании кыргызского населения Ферганской долины.

Причины миграций кыргызов в Фергану были самые разнообразные. Одной же из самых серьезных и главных причин перекочевок были поиски новых пастбищ. Но кашгарских кыргызов, например, Фергана привлекала не только великолепным травостоем Алайской долины (а туда в основном прикочевывала значительная часть кыргызов из Восточного Туркестана). Причиной их миграций были также высокие подати в пользу китайского правительства⁶. Так, в 1878 г. “киргизов в числе 200 кибитковладельцев во главе с Орманом Дадахановым рода Сайляк перекочевали из кашгарских владений на границы Андижанского уезда и просили разрешения остаться в Кугартской волости Андижанского уезда”⁷. В 1879 г. из Кашгара в Ферганскую долину перекочевало “50 кибиток киргизов”⁸.

Часть кыргызов, поселившихся в окрестностях Язьявана Маргиланского уезда, прибыла, как свидетельствует мой полевой материал, из местечка Саранди Восточного Туркестана примерно 325 лет назад (запись сделана в 70-х годах XX в), т.е. примерно в середине XVII в. Предки кыргызов рода канды, облюбовавших окрестности Ассаки, прибыли из-под кашгарского города Янгисаар, а предки кыргызов, живущих в селении Гадай (близ Ассаки) – из кашгарского местечка Туябуйин. Из Кашгарии же, в частности, из местечка Джамбоз, прибыли кыргызы, осевшие близ Яйпана. В 1874 г. в Наманганский уезд Ферганской области прикочевало 12 юртовладельцев из аулиеатинского уезда Сырдарьинской области⁹. Притеснения управителей Токмакского уезда

вынудила часть кыргызов обратиться в 1876 г. к военному губернатору Ферганской области с просьбой о причислении их к Андижанскому уезду¹⁰.

Большая часть наманганских и чустских кыргызов, как писал В.П.Наливкин, – родственники и свойственники таласских¹¹, что свидетельствует, естественно, о переселении их из Таласа. Предки селения Акбура (близ Ассаки) прибыли из Каратегина около 200 лет тому назад. Путь их лежал сначала в Заамин, а потом, лет через 5 – 10, откочевали они в места нынешнего их расселения, так как здесь были в те времена более богатые пастбища. Часть кыргызов осталась в горах Заамина. Гнали овец они первоначально по адырам, огибающим Ферганскую долину с юга, да так и осела вдоль них¹². Кыргызы селения Хыдырша близ Шахрихана являются потомками одноименного кыргызского рода подразделений аккозы и каракозы, прибывших одновременно 150 лет тому назад из местечка Джайланган-Аксай в Джиргатале (Восточный Каратегин)¹³. В окрестностях Язъявана живут потомки алайских кыргызов, в окрестностях Боза – кыргызы из Кашкадарьи и т.д.¹⁴.

Поиски новых пастбищ стимулировали и внутриферганские перемещения кыргызов. Так, упомянутое подразделение каракозы рода хыдырша откочевало со временем из-под Шахрихана в окрестности Кызылкия (к югу от города Ферганы). Несколько хозяйств рода чапкуллык переселились из окрестностей Сулюкты Ходженского уезда в Яккатутскую волость Маргиланского уезда. Кыргызы рода бустан, кочевавшие в окрестностях Хайдаркана, откочевали в сторону Маргилана и Яйпана и т.д.¹⁵ Но для рассматриваемого периода более характерны были передвижения кыргызов, связанные с отходничеством.

Сильнейшая экономическая нужда гнала массы пауперизированных кыргызов Алая, Каратегина, Кашгара и других территорий на заработки, часто с семьями, в развивающуюся Фергану. Здесь они нанимались на хлопко- и маслозаводы, каменноугольные и озокеритовые копи, работали поденщиками, батраками, слугами и т.д. и часто оседала в этом крае¹⁶. Правда немало бедняков-кыргызов уходило на заработки и из Ферганы в другие области

Русского Туркестана¹⁷. Но приток в Фергану, остро нуждавшуюся в рабочей силе, был более значителен.

Кыргызы были расселены на территории Фепганской долины практически везде. Больше всего их было в Ошском уезде, где они составляли 98,85% всего населения. Но значительный процент они составляли и в других уездах: Андижанском (соседствующем с Ошским уездом) – 39,66%, в Маргиланском – 29,65% , Наманганском – 25,73% , Кокандском – 6,05%¹⁸.

Сближение части кыргызов с узбекским и таджикским населением Ферганы

На всем протяжении существования Кокандского ханства кыргызы играли видную роль в его политической жизни. Более того, возникновение этого государственного объединения в значительной степени было обязано и кыргызским племенам¹⁹. Южные кыргызы, писал Н. Северцов, как и кипчаки, и горные таджики (у Н. Северцова “горные сарты”), составляли ядро военной силы Кокандского ханства²⁰. Кыргызы, в частности, принимали участие в попытках кашгарских ходжей, осевших в Фергане, вернуть власть в Восточном Туркестане²¹.

Кыргызские племена, кочевавшие в Ферганской долине и приписанные к Ошскому, Андижанскому, Наманганскому округам, платили налоги правителю города, около которого кочевали, записаны были в войска этих округов и находились, как писал Ч.Ч.Валиханов, “ в совершенном подданстве Коканда”²². Но, тем не менее, кокандские ханы вынуждены были считаться с ними. В частности, их заставляло быть более почтительными с кыргызами то обстоятельство, что последние владели горными проходами (перевалами Талдык, Шарт, Терекдаван), соединявшими Фергану и Кашгар. Кыргызский род сарттар, кочевавший близ перевала Терекдаван, вообще пользовался монополией проводить караваны через перевал и получать от этого свои главные доходы²³.

Но и сами кыргызы находились в определенной зависимости, и прежде всего экономической, от ферганского оседлого населения. Обмен продуктами между кыргызами-скотоводами и сартами-земледельцами существовал издавна. Кроме того, “зависимость от Ферганы обуславливалась и тем, что на зиму алайские киргизы (как, впрочем, и кыргызы других высокогорных пастбищ – С.Г.) должны спускаться в долину и, следовательно, отдаваться в руки оседлого населения”²⁴. Взаимная зависимость и потребность друг в друге вынуждала кокандских ханов и кыргызских манапов относительно мирно сосуществовать, хотя, как писал М.Д.Скобелев, первый военный губернатор Ферганской области, кыргызы Алая отличались воинственностью и часто выступали против ханов²⁵.

С присоединением Кокандского ханства к России резко возросли факторы, усилившие процессы консолидации ферганских кыргызов, сближения их с другими народами края и даже наблюдались отдельные случаи ассимиляции их сартами.

Взаимоотношения кыргызов с различными группами населения Ферганы, и, в первую очередь, с узбеко- и таджикоязычными сартами, имело двоякий характер. С одной стороны, скотоводы-кыргызы и земледельцы-сарты, как уже говорилось, издавна зависели друг от друга, так как различные по типу хозяйства всегда были взаимодополняемыми. С другой стороны, разные типы хозяйственной деятельности, формы быта, обычаи и традиции, разные ценностные ориентации вызывали у тех и у других определенные этнические предубеждения, осознание в представителе противоположного этноса чужака, которое граничило порой с откровенной враждебностью²⁶. Но в конце XIX – начале XX в. сближение кыргызов с оседлым населением Ферганы, начавшееся задолго до рассматриваемого периода, резко усилилось.

Одним из основных факторов, способствовавших этому, был переход кыргызов к оседлости, причем в основном вынужденный. Наиболее благоприятные условия для оседания кыргызов (как и для других полукочевых групп) сложились в равнинной части Ферганы, хотя процесс оседания

достаточно активно шел и на окраинах. Высокая и все увеличивающаяся плотность оседлого населения и уменьшение в связи с этим пастбищ приводили к падежу скота, что заставляло, по словам начальника Маргиланского уезда, “кочевника идти в среду оседлого населения, относящегося по старой памяти к нему враждебно, и браться за кетмень”²⁷. Слова эти, между прочим, лишний раз подчеркивают, насколько нелегок был для кыргыза, как и для любого полукочевника, переход к оседлости. Условия для оседания, как верно заметил начальник Андижанского уезда, “создавались отнюдь не в последнее время, не со времени занятия нами края, они существовали и прежде, изменяясь не в пользу киргиз с развитием сартовских поселений, которые все более стесняли территорию, занятую кочевым населением”²⁸.

Предки моего информатора Рахматали Кадырова (кыргыз, 1909 г.р.) и его соседей, прибывшие в район Ассаки 200 лет назад, пасли скот здесь же в течение круглого года, не отгоняя его на далекие пастбища, так как в этих местах были богатые травой тугайники и камышовые заросли. У них было и право на владение этими пастбищами, полученное от кокандских ханов. Но со временем земли эти заняли земледельцы, и кыргызам этого района пришлось пасти скот в горных районах, в частности, на Алае. Таких примеров можно привести много.

Преобразование Ферганской долины в район монокультуры хлопка привел опять-таки к значительному сокращению выгонов и пастбищ. Систематическое изъятие земель у кыргызов предгорной зоны для переселенцев из России (следует иметь в виду, что изъятие удобных земель у кыргызов имело место и при кокандских ханах)²⁹, начавшееся и все усиливающееся расслоение в кыргызских кочевьях – все это резко усилило процесс оседания кыргызов. Так, в Ошском уезде, население которого состояло в основном из кыргызов, ежегодно оседало примерно до 480 полукочевников. В целом же по уезду только за период с 1880 по 1892 г. осело 2791 человек³⁰. Уже в 1902 г. “Ежегодник Ферганской области” писал: “После сартов по числу идут каракиргызы (кыргызы – С.Г.), которых по всей области около 300 000 человек.

Из них 200 000 человек осели в Ферганской долине и занялись земледелием, а остальные занимаются скотоводством и кочуют в долинах и ущельях, окружающих Ферганскую долину гор³¹. Даже такие волости, как Кугартская и Ясынская Ошского уезда, которые официально относились к кочевым³², по мнению В.В.Бартольда, только считались кочевыми, и фактически и здесь кыргызы уже перешли к оседлости³³. В результате в начале XX в. земледелием занимались уже 75% кыргызов Ферганской области³⁴.

Оседание кыргызов (как и других полукочевников) приводило не просто к изменению вида хозяйственной деятельности, что само по себе очень важно, так как уже тем самым сближало их с издавна оседлым населением. Оседание постепенно изменило психологию бывшего полукочевника. В частности, оседлый образ жизни привел к изменению у кыргызов (как и у других полукочевников) ценностных ориентаций. В прошлом для полукочевника-кыргыза пригодная для посевов земля не имела никакой ценности (были бы пастбища), чем пользовались земледельцы-сарты, скупавшие ее у кыргызов за бесценок. В.П.Наливкин привел целый ряд подобных случаев, среди которых и анекдотический, когда кыргыз в 60-х годах XIX в. продал участок земли в $\frac{1}{4}$ десятины около селения Нанай Наманганского уезда за чашку бузы – опьяняющего напитка из проса³⁵.

В конце XIX – начале XX в. земля и вода составляют главное богатство для осевшего кыргыза. Об этом свидетельствуют многочисленные архивные данные о тяжбах кыргызов Ферганской долины уже не из-за пастбищ, а из-за поливной земли. Более того, кыргыз не просто экстенсивно использовал плодородную землю, а научился, как сарт, приспособливать для земледелия и малопригодные участки. Любопытно в этом отношении высказывание начальника Маргиланского уезда в 1892 г.: “К категории осевших кочевников принадлежат те, кои приобрета недвижимость в долине, совершенно сроднились с оседлым населением, усвоили его привычки, образ жизни и, сделавшись земледельцем, совершенно прикрепились к земле, к о т о р у ю о б р а б а т ы в а ю т т а к ж е х о р о ш о , к а к и с о с е д и и х , т а д -

ж и к и и с а р т ы (разрядка моя – С.Г.)»³⁶. Это был качественный скачок в психологии недавнего полукочевника, у которого еще совсем недавно, в середине XIX в., по словам В.П.Наливкина, была настоящая “ненависть к труду (земледельческому – С.Г.), крайнее пренебрежение к земледелию”³⁷.

Если хлебопашеством (плохо ли хорошо ли) полукочевой кыргыз занимался и раньше, то садоводство для него, как известно, было совершенно не характерно. Кыргызские селения, как и селения других полукочевников, отличались от сартовских именно отсутствием каких-либо деревьев*. Но вот кыргызы, жившие в селении Карагуз Ошского уезда, обратились в мае 1881 г. к заведующему ирригацией в Ферганской области (а он, соответственно, к военному губернатору Ферганской области) с просьбой разрешить им переселиться в другое место, так как вода (поливная – С.Г.) до них не доходит. При этом они просили разрешения “вырыть из Шахрихансая небольшой арык для орошения деревьев (разрядка моя – С.Г.), которые будут рассажены во вновь построенных курганчах”³⁹.

Это был следующий значительный шаг в освоении кыргызами не характерного для полукочевника вида деятельности. Это с одной стороны. С другой, переход к оседлому образу жизни привел со временем к тому, что бывшие полукочевники-кыргызы утратили свои, типичные только для кочевников и полукочевников виды занятий, например, валяние кошем. Так, кыргызы селения Кызыляк (близ города Андижан) давно уже приглашают для этой работы специалистов (как, кстати, и каракалпаки Бозского района), причем из среды той части узбеков, предки которых в прошлом вели полукочевой образ жизни⁴⁰.

Одним из факторов, способствовавших сближению кыргызов с сартовским населением Ферганы и даже ассимиляции части их сартами было дисперсное расселение первых в равнинной части Ферганы. Здесь они были разбросаны

---

* В связи с этим хотелось бы привести слова А.Ф. Миддендорфа: “Хотя киргизские поселения местами были устроены совершенно по образцу сартовских домов, но все же первые легко отличить по отсутствию деревьев, не говоря об их изолированности и одиночности. Лишь в исключительных случаях украдкой выглядывают небольшие насаждения... Древесные насаждения – вот критерий стародавней культуры; полеводство задолго предшествует даже садоводству”³⁷.

небольшими группами по 20–60 человек среди почти сплошного узбекского (сартовского) населения чуть ли не во всех волостях. Например, в 1890 г. в Яккатутской волости Маргиланского уезда в селении Ахшак жило 349 сартов, 152 уйгура и всего 34 кыргыза; в селении Кумарык – 367 сартов и 34 кыргыза; в Язьяванской волости того же уезда в селении Буткачи жило 223 сарта и 50 кыргызов; в селении Янгисай – 1277 сартов, 106 уйгуров и 41 кыргыз и т.д.⁴¹. Такая картина наблюдалась почти во всех оседлых волостях.

Расселение такими небольшими группами в среде сплошь узбекского (сартовского) населения облегчало усвоение этой части кыргызов узбекского языка (тем более, что и узбекский, и кыргызский относятся к тюркской группе языков), отдельных элементов материальной культуры⁴², а затем и духовной, способствовало появлению смешанных браков. Например, мать Гани Орузбаева, родившегося в 1902 г. в селении Бобомирза Кувинского района, по моим записям, была сартяжкой, а отец – кыргызом. Подобных браков было немало. А это формировало новый этнический стереотип, отражающий уже симпатию к узбекам-сартам или таджикам-сартам (таджико-кыргызских браков тоже было немало). Со временем такие небольшие группы кыргызов были и вовсе поглощены сартами-узбеками и сартами-таджиками. “В прежние времена, - писал начальник Кокандского уезда военному губернатору Ферганской области в 1892 г., - в Исфаринскую волость переселилось 12 семей киргизскогого рода чапку из Ходжентского уезда и 13 семей из Наугуткипчакской волости и почти слились с местным населением. В Канибадамскую волость 35 лет назад переселились 5 семей киргизского рода авахат из Ляйлякской волости, основали выселок Парманкурган, где живут о с е д л о, в Яйпанской волости лет 100 назад поселились 10 семей киргиз в селениях Чек-Худоярхан и Чек-Малляхан и живут о с е д л о, с л и в ш и с ь с м е с т н ы м н а с е л е н и е м (разрядка моя – С.Г.)”⁴³.

Ч.Ч. Валиханов, перечисляя кыргызские подразделения, кочевавшие в пределах Ферганской долины в XIX в., писал: “Вышепоименованные поколения от постоянных близких отношений с оседлым населением Коканда,

по необходимости подчиняясь влиянию узбеков, совершенно потеряли национальный характер и в праве, и в языке совершенно сходятся с джагатайскими тюрками. Все они занимаются хлебопашеством, многие имеют огороды и сады и большей частью стоят аулами, нередко поблизости городов”⁴⁴.

В материалах по ревизии Туркестанского края отмечалось, что кыргызы Нойгут-кипчакской волости Кокандского уезда не только переняли язык и обычаи сартов Ферганской долины, но давно признали шариат* вместо обычного у киргизов адата**. А женщины-кыргызки, хотя и не носят покрывал, как сартянки, “но убегают и закрываются при встречах с мужчинами, чего обычно киргизские женщины не делают”⁴⁵. В.П.Наливкин, бывший очевидцем “сартизации” кыргызов, также отмечал: “Нередко случается и теперь слышать в разговоре, что какой-то киргиз сделался сартом. Это значит, что такой-то, оставив кочевой или полукочевой образ жизни, сделался в силу тех или иных обстоятельств, совершенно оседлым жителем того или иного селения или города”⁴⁶.

Сближение кыргызов шло не только с узбекоязычными сартами, но и с таджикозычными. Выше уже приводился пример о переселении в Исфаринскую и Канибадамскую волости ряда кыргызских семей и о почти полном слиянии их с местным населением. А в этих волостях основную часть населения составляли таджики. Основой сближения кыргызов с таджиками, как и с узбеками-сартами, были давние экономические связи земледельцев и скотоводов, что приводило к обоюдным заимствованиям элементов материальной и духовной культуры. Причем порой доходило до парадоксов. Так, А.Ф.Миддендорф привел такой пример: “В Нанае (одно из пограничных с кыргызскими кочевьями селений на севере Наманганского уезда – С.Г.) таджики успели заразиться от товарищей своих, киргизов, и если не совсем подражали им относительно глубины борозды (речь идет о менее глубокой

---

* Шариат – свод мусульманских законов и установлений, охватывающий все области жизни человеческого общества.

** Адат – совокупность норм обычного права.

вспашке, чем это было принято у таджиков, более опытных земледельцев – С.Г.), то уже приблизились к ним”⁴⁷. В районах контактирования с таджиками кыргызы становились двуязычными, а если здесь жили и узбеки, то трехязычными, как это было, например, в селениях Таджик и Яильма близ Риштана.

В результате к концу XIX – началу XX в. кыргызы Ферганской долины стали подразделяться на две группы по роду хозяйственной деятельности. Кыргызы, жившие в равнинной части Ферганы и занимавшиеся земледелием, называли кыргызов, ведших полукочевой образ жизни в горных и предгорных районах, *адыри кыргызлар* (буквально “адырные кыргызы”) или *сахройи кыргызлар* (буквально “степные кыргызы”), кочующие по адырам и в степи (обратим внимание, что в кыргызском языке нет слова *сахро*, т.е. “степь”, оно было заимствовано у узбеко-таджикского населения Ферганы). В свою очередь, алайские кыргызы и кыргызы предгорий называли равнинных кыргызов “сарт”⁴⁸.

Сближению кыргызов с сартами содействовали и совместное участие в общественных работах (таких, как рытье каналов, подготовка малопригодных для земледелия участков к посевам), работа на плантациях, строящихся заводах, фабриках, на рудниках и копях, участие в событиях, радостных и печальных, представителей всех этнических групп того или иного селения или квартала и т.д. Так, каратегинец 82-х лет из селения Холдедонбек (близ Шахрихана Андижанского уезда) Комилтога Таиров рассказывал, что в данном селении, основное население которого состояло из узбеков-сартов и каратегинских таджиков, жили и 38 кыргызских семей. Отношения между всеми этими этническими группами в начале века были вполне дружественными, во всяком случае на свадьбах, празднествах по поводу рождения ребенка, обрезания, на похоронах и поминках принимали участие все жители селения.

Кыргызы, жившие здесь, переняли у сартов многие обряды. Так, Бурихон Мутабекова, кыргызка 80-и лет из этого же селения Холдедонбек, сообщила,

что свадьбы у кыргызов этого селения мало чем отличаются от сартовских. Даже в поминальных обрядах (которые, как известно, особенно устойчивы к изменениям) здешних кыргызов появилось многое, не свойственное им ранее. В частности, если человек умирал зимой, весной или летом до появления первых цветов, а также первых дынь, то кыргызы этого селения устраивали поминки не только в обычные поминальные дни, но и в период цветения роз, и в период созревания дынь. Если человек умирал до начала зимы, то они устраивали поминки и в день первого снега⁴⁹. А подобные обряды могли быть характерны только для земледельческого населения, но никак для скотоводческого, каковыми были кыргызы.

Сближение кыргызов с оседлым населением, прежде всего с сартами, в области хозяйственной деятельности, быта, материальной и духовной культуры сопровождалось утратой первыми не только остатков родовых связей, но и родоплеменных названий. В конце XIX – начале XX в. у кыргызов равнинной части Ферганы, как писал С.М.Абрамзон, были уже типичные соседские общины земледельцев⁵⁰. Как говорил мне 80-летний кыргыз Мирзаахмат Эралиев из селения Яккатут (между Маргиланом и Кувой), “*Алай кыргызлари уруг кувиб юради. Биз кувиб юрмаймиз, чунки узбеклаидик*”, т.е. “Это алайские кыргызы гоняются за родоплеменными делениями. Мы уже не гоняемся, так как обузбечились”^{*}.

Это, конечно, не полное слияние с узбеками (или таджиками), хотя сам информатор говорит об обузбечивании. Но этническое самосознание кыргызов, особенно на родоплеменном уровне, значительно ослабилось еще до революции. К середине XX в. оно и вовсе стерлось (что, кстати, свидетельствует и о консолидационных процессах среди кыргызов). Даже многие старики-кыргызы уже с трудом вспоминают, к какой родоплеменной группе принадлежали их предки, не говоря о молодежи. Кыргызы равнинной части Ферганы давно уже осознают себя частью здешнего населения. И когда

---

^{*} Беседа с кыргызами велась на узбекском языке, так как все они, как уже говорилось, в Фергане двуязычны, а представители среднего и молодого поколения говорят в основном только на узбекском языке.

их звали к себе алайские кыргызы, соблазняя овцами, пастбищами, раздольем, они отвечали: “Здесь жили наши деды и отцы, здесь они похоронены, здесь мы родились и выросли. Это наша родина, и она нам дороже овец и пастбищ Алая”⁵¹.

Многовековые тесные связи южных кыргызов с оседлым узбекским и таджикским населением Ферганы не прошли бесследно и для кыргызского языка. В частности, язык южных кыргызов, вобравший в себя большое количество ирано-арабских слов, стал серьезно расходиться с языком северных кыргызов⁵².

В конце XIX – начале XX в. наблюдалось и слияние части кыргызов Ферганской долины с узбеками-сартами. Так, за десятилетие, с 1897 по 1907г. число кыргызов в Ферганской области Русского Туркестана уменьшилось на 41328 человек, что составило более 9% всего кыргызского населения Ферганы. Такой, в общем-то, немалый переход кыргызов в состав узбеков-сартов в определенной степени результат этнокультурного сближения, произошедшего под влиянием естественных факторов. Но какую-то роль в смене самосознания (но не полной ассимиляции, как мне кажется) сыграл и так называемый “перепад уровней этнической престижности”⁵³. Еще в 1865 г. А.Вамбери писал, что “самоё название узбек (видимо, это были давно осевшие, но не потерявшие еще своего самоназвания, узбекские племена – С.Г.) приняло (в Кокандском ханстве – С.Г.) некоторый оттенок “бон-тона”, так что к и р г и - з ы (разрядка моя – С.Г.), кипчаки, калмыки, обжившись в городах, отрекаются от своих национальностей и называют себя узбеками”⁵⁵. Причина этого, несомненно, заключалась в более высоком социально-экономическом и культурном уровне оседлого жителя, а также в политическом господстве узбекоязычного населения⁵⁶. В период же активного оседания кыргызов (как и других полукочевников) в конце XIX – начале XX в. фактор этнической престижности узбеков-сартов еще более усилился, что тоже сыграло свою роль в уменьшении кыргызов на территории Ферганы.

1. Среди исследований второй половины XX в. о кыргызах, в которых уделено внимание в той или иной степени и ферганским кыргызам, следует назвать: Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. М., 1956. Вып.1; *Петров К.И.* Очерки феодальных отношений у киргизов в XV – XIII вв. Фрунзе, 1961; *Усенбаев К.* Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства (с XIX в. – до присоединения Средней Азии к России). Фрунзе, 1961; *Антипина К.И.* Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962; *Плюских В.М.* Очерки патриархально-феодальных отношений в Южной Киргизии (50 – 70 гг. XIX в.). Фрунзе, 1969; *Он же.* Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе, 1977; Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973 и др.
2. *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и культурные связи. М., 1971.
3. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом. Ч.1. Отд.1 СПб, 1911. С.62. В работе под этой цифрой даны кыргызы и каракиргызы. До революции под кыргызами понимали казахов, а под каракиргызами – собственно кыргызов. В определении числа тех и других в Ферганской долине постоянно допускалась большая неточность. Но, по полевым данным, казахов здесь было не очень много (небольшая группа мигрантов из городов Туркестан, Сайрам, Чимкент и др., поселившихся в основном на северо-западе Наманганского уезда, которые к 50-м годам XX в. совершенно слилась с местным населением в силу своей немногочисленности) в то время как по статистическим данным Ферганской области за 1907 г. число их составляло 208553, а собственно кыргызов гораздо меньше – 173758 (Статистический обзор Ферганской области за 1907 г. Скобелев, 1909). Так что, думается, что обе эти цифры указывают на число собственно кыргызов.
4. *Абрамзон С.М.* Указ. соч. С.34.
5. *Иванов П.П.* Очерки по истории Средней Азии (XVI – середина XIX в.). М., 1958. С.67, 70, 96.
6. Центральный государственный исторический архив (далее: ЦГИА). Ф.19, оп.1, д. 10679, л.71; ф.23, оп.1, д.126, л.10.
7. ЦГИА. Ф.19, оп.1, д.10679, л.1.
8. ЦГИА. Ф.23. оп.1, д.126, л.10.
9. ЦГИА. Ф.17, оп.1, д. 13846, л.1.
10. ЦГИА. Ф.1, оп. 16, д. 2348, лл.1,2.
11. *Наливкин В.П.* Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886. С.146.
12. Полевой материал автора.
13. Одним из предков рода хыдырша был каратегинский таджик, о чем свидетельствует и наличие в этнониме частицы -ША (в Каратегине так называется самостоятельный правитель). О кыргызах Каратегина см.: *Кармышева Б.Х.* Поездка к киргизам Джергаталя в 1954 г. // ИАН ТаджССР, ООН. Сталинабад, 1956; *Она же.* Каратегинские киргизы. М., 2009; *Абышкаев А.* Каратегинские киргизы в конце XIX – начале XX в. Фрунзе, 1965.
14. Полевой материал автора.
15. Там же.
16. ЦГИА. Ф.19, оп.1, д.4157, л.2; *Кармышева Б.Х.* Поездка к киргизам... С.28; Полевой материал автора.
17. ЦГИА. Ф.19, оп.1, д.33341я. л.91.
18. Материалы к характеристике народного хозяйства...Ч. 1, отд.1 С.66.
19. О политической роли кыргызов в Кокандском ханстве см.: *Плюских В.М.* Очерки...; *Он же.* Киргизы...
20. *Северцов Н.А.* Этнографические заметки о Зачуйском крае // ИРГО. Т.1, ч.2. 1865 С.147 – 148; *Валиханов Ч.Ч.* Очерки Джунгарии // *Валиханов Ч.Ч.* Сочинения в 5-ти томах. Т.1 Алма-Ата, 1961. С.422.
21. *Салахетдинова М.А.* Сочинения Мухаммад-Садыка Кашгари “Тазкира-и Ходжаган (Жизнеописание ходжей)” как источник по истории киргизов // ИАН КиргССР. Серия общественных наук. Т.1, вып.1. 1959; *Валидов А.* 3. Некоторые данные по истории Ферганы ХУШ столетия // ПТКЛА. Год XX. Вып.П. 1916. С.115, 116.
22. *Валиханов Ч.Ч.* Материалы и исследования о Кашгарии // *Валиханов Ч.Ч.* Сочинения Т.2. Алма-Ата, 1962. С.379.
23. *Плюских В.М.* Очерки... С.9.

24. *Костенко Л.* Военно-научная экспедиция на Алай и Памир // Военный сборник. 1877. С.373.
25. ЦГВИА. Ф.ВУА, д.6884. л.137.
26. Об антагонизме в отношениях между кыргызами и сартами в прошлом писал, в частности, В.П.Наливкин (*Наливкин В.П.* Краткая история... С.34; *Он же.* Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913. С.13 – 15).
27. ЦГИА. Ф.19, оп.1, л.6.
28. Там же. Л.15, 16. Об этом писал в свое время и В.П. Наливкин (*Наливкин В.П.* Краткая история... С.39).
29. См. об этом: *Наливкин В.П.* Краткая история...С.39.
30. ЦГИА. Ф.19, оп.1, д.3347, л.24.
31. Ежегодник Ферганской области. Т.1. Новый Маргилан, 1902. С.5.
32. Список населенных мест Ферганской области. Скобелев, 1909. С.15,19.
33. *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана // Бартольд В.В. Сочинения. Т.П, ч.1. М., 1963. С.331.
34. Материалы к характеристике народного хозяйства... Ч.1, отд.1. С.85.
35. *Наливкин В. П.* Краткая история... С.34.
36. ЦГВИА. Ф.400, оп.1, д.431, л.1; ЦГИА. Ф.19, оп.1, д.616, л.1; Ф.23, оп.1, д.2280, лл.1,2 и др.
37. *Наливкин В.П.* Краткая история...С.34.
38. *Миддендорф, А.Ф.* Очерки Ферганской долины. СПб., 1882. С.340.
39. ЦГИА Ф.19, оп.1, д.616, л.1.
40. Полевой материал автора. Запись была сделана в 70-х годах XX в.
41. ЦГИА. Ф.23, оп.1, д.532, лл. 226 – 228.
42. Материальной культуре кыргызов посвящены специальные работы: *Махова Е.М.* Материальная культура киргизов как источник для изучения их этногенеза // ТКАЭЭ. Т.Ш. 1959; *Антитина К.И.* Указ. соч. См также главу в работе С.М, Абрамзон (*Абрамзон С.М.* Киргизы... С.111).
43. ЦГИА. Ф.13, оп.1, д.3347, л.4.
44. *Валиханов Ч.Ч.* Записки о киргизах // Валиханов Ч.Ч. Сочинения. Т.1. Алма-Ата. 1961. С.342.
45. Материалы к характеристике народного хозяйства... Ч.1, std.1. С.183.
46. *Наливкин В.П.* Краткая история...С.32....
47. *Миддендорф А. Ф.* Указ. соч.... С.228.
48. Полевой материал автора.
49. О подобных поминках у сартов см. специальную работу Б.Х.Кармышевой. (*Кармышева Б.Х.* Архаическая символика в погребально-поминальной обрядности узбеков Ферганы // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. М., 1886, С.157).
50. *Абрамзон С.М.* Киргизы... С.178.
51. Полевой материал автора.
52. *Юнусалиев Б.М.* О формировании общенародного киргизского языка. // ВЯ.1955. С.41.
53. *Арутюнов С.А.* Роль и место языка в этнокультурном развитии общества // Этнические процессы в современном мире М., 1987. С.54.
54. *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии. СП б., 1865. С.188.
55. *А. Вамбери* объяснял это явление следующим образом: “Узбеки были несколько сот лет назад преобладающим племенем в Туркестане и приняли учение ислама раньше всех других народов” (*Вамбери А.* Указ соч. С.188).
56. Там же.

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ У МАЛОЧИСЛЕННЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ

Наряду с основными народами (узбеками, таджиками, кыргызами) на территории Ферганской долины жило немало представителей других этносов: уйгуров, среднеазиатских евреев, среднеазиатских арабов, среднеазиатских цыган, дунган, калмыков, русских, украинцев, татар и др. Различная степень давности поселения, неодинаковая численность, конфессиональная принадлежность и другие факторы определили особенности течения этнических процессов у этих групп населения. К сожалению, рассмотреть в данном разделе все их невозможно. Выбор той или иной из них зависел как от степени изученности, так и от той роли, которую они играли на территории Ферганы в предреволюционный период.

Уйгуры в Ферганской долине

Уйгуры – коренные жители Восточного Туркестана (Кашгарии) – составляли в конце XIX – начале XX в. заметную по численности группу в Ферганской долине. Здесь они жили практически во всех уездах. По статистическим данным за 1907 г. в Ферганской области Русского Туркестана было зарегистрировано 56742 уйгура, в том числе в Андижанском уезде – 26182 человека, в Маргиланском уезде – 27209 человек, в Ошском – 2446, в Наманганском – 770, в Кокандском – 235 человек¹. Хотя эти данные далеко не точные и, думается, очень заниженные, они дают представление о расселении уйгуров в Ферганской долине в начале века. И ныне трудно найти здесь район, в котором не было хотя бы одного селения или квартала с уйгурским населением или носящим название Кашкар².

Фергану (как и Среднюю Азию вообще) и Восточный Туркестан издавна связывали политические, экономические и культурные взаимоотношения. Более того, население этих двух регионов было близко в этническом отношении. Как предполагал К.К.Юдахин, ферганские узбеки и уйгуры были

когда-то настолько близки, что говорили на схожих диалектах. И только многовековое раздельное существование этих этнических коллективов привело к появлению расхождения в языках³. Б.А.Литвинский же считает, что в древности и средневековье Средняя Азия (и в первую очередь Фергана – С.Г.) и Восточный Туркестан вообще представляли собой единый этнокультурный и исторический регион.⁴

Первые сведения о торговых, культурных и прочих связях Ферганы с Кашгарией дают китайские источники II в. до н.э. – VII в. н.э.⁵. По этим источникам, один из первых маршрутов Великого шелкового пути проходил через Кашгарию и Фергану. Из Кашгарии через перевал Терекдаван и восточную часть Алайской долины караваны попадали в Фергану, затем через остальные районы Средней Азии шли дальше на запад.⁶

В зависимости от различных политических событий, изменяющихся обстоятельств значение этого маршрута для связи Запада с Востоком в различные века то усиливалось, то ослабевало. Но и в самые смутные времена торговые отношения Ферганы и Восточного Туркестана не прерывались

В конце X в. Фергана, как и другие области Мавераннахра, были завоеваны Караханидами.⁷ В состав Караханидского государства входили также Кашгарский и Хотанский оазисы. Начиная с этого периода экономические и культурные связи Ферганы и Восточного Туркестана, а также миграционные процессы усиливаются. Население Мавераннахра, в том числе и Ферганы, пополняется тюрками племени карлук, чигиль, ягма, жившими в те времена на территории Восточного Туркестана. В XII в. арабский ученый Идриси отмечал, что Фергана поддерживает торговые сношения с кашгарскими городами, в частности, с Хотаном, и вывозит оттуда мускус, железо, серебро, драгоценные камни и рабов⁸.

Тимуру и Тимуридам часто приходилось бороться за Фергану с правителями Восточного Туркестана. В 1404 г. Тимур подчинил северную часть Караханидского государства ташкентскому наместнику, которым

номинально был малолетний внук Тимура Улугбек, а Восточный Туркестан – ферганскому.⁹

При Бабуре взаимоотношения Ферганы с Кашгаром были неоднозначные. С одной стороны, кашгарские правители (из могольского племени дуглатов) неоднократно появлялись с грабительскими целями на территории Ферганской долины¹. С другой стороны, какое-то время Кашгаром правил дядя Бабура по материнской линии, Султан-Ахмад, могол, прозванный Алача-ханом. Отношения между Ферганой и Кашгаром, то дружественные, то враждебные, сопровождалась не только взаимным знакомством с материальной и духовной культурой этих двух регионов, но и миграциями населения, добровольными или насильственными. Так, при Тимуре якобы был создан к северу от города Ош округ Рабат-и Серхенг (буквально “караван-сарай военачальника”) для пленных, выведенных из Кашгара. Как предполагает В.В.Бартольд, от этих поселенцев получил название кишлак Кашгар, существующий и ныне в нескольких километрах от города Ош¹¹. Но основные переселения уйгуров в Фергану, как свидетельствует литературный и полевой материал, имели место в XVIII – начале XIX в.

Одной из основных причин массовой миграции из Восточного Туркестана была борьба кашгарских ходжей за власть в этом регионе в XVII – XIX вв. Родоначальником их был ходжа Махдум-и А’зам*, а, вернее, два его сына, создавшие в Восточном Туркестане две враждебные партии *актаглыков* (буквально “белогорцев”) и *каратаглыков* (буквально “черногорцев”) и положившие начало власти ходжей в этом крае, которая длилась с перерывами до середины XIX в.¹³. Междоусобная борьба за власть между партиями наибольшего накала достигла к середине XVIII в. при Аппак-ходже (главе партии белогорцев), который приобрел славу религиозного патрона и святого

---

* Ходжа Махдум-и А’зам Касани (от *маддум* – араб. “господин, хозяин” и *му’аззам* “прославленный, великий”), т.е. “Великий господин” – один из крупнейших представителей религиозно-дервишского ордена Накшбандийа-ходжаган, родоначальник касанских ходжей (Касан – город в Наманганском уезде Ферганы). “Махдум-и А’зам” – лишь почетное прозвище, своеобразная табуация имени святого, которой удостоивался не каждый. Настоящее имя его Ахмед ибн Джалал ад-дин Касани. Умер в 1542 г.¹²

не только в Кашгарии, но и в Средней Азии (память о нем до сих пор жива в Ферганской долине). В периоды этой борьбы, а также при столкновении ходжей с правительством Цинов многие представители обеих партий вынуждены были вместе со своими многочисленными мюридами и почитателями спасаться в сопредельных странах, в первую очередь, в Фергане.

Не все бежавшие из Кашгарии достигали Ферганы. Большое число их погибло от холода и голода при переходе через перевалы. В одном из кишлаков близ Андижана лет 50 – 60 тому назад (напомним, что полевой материал собирался в 70 – 80-е годы прошлого века) еще жива была старуха, обморозившая ноги при переходе через перевал Терекдаван (тогда она была маленькой девочкой)¹⁴. Было это, по всей вероятности, в середине XIX в., когда после неудачного выступления ходжей, известного под названием “бунта семи ходжей”, до 20000 семей, т.е. около 100000 человек из Кашгара, Яркенда, Аксу вынуждены были бежать от мести китайских правителей. Бегство это происходило в январские морозы, а потому большая часть беглецов погибла на Терекдаванском перевале¹⁵. Многие из беженцев возвращались на родину, когда страсти утихали, и там устанавливался временный мир. И, тем не менее, значительное число кашгарцев осталось в Фергане. В 1830 г. в Кокандском ханстве насчитывалось от 10 до 12 тысяч уйгуров¹⁶. В середине же XIX в. их было в Ферганской долине уже около 300 тысяч¹⁷, а может быть, и больше

По сообщению Ч.Ч.Валиханова, число фамилий кашгарских ходжей, обосновавшихся в Коканде и Маргилане, к середине XIX в. превышало 200¹⁸. Они были богаты, владели большими землями, имели право на титул “тюра” (буквально “принц, господин, человек высокого происхождения”), который присваивался только принцам ханской крови. Они могли родниться с кокандскими ханами и бухарскими эмирами¹⁹, и были особо почитаемыми в Фергане. Более того, по словам местного населения, “настоящими, истинными” ходжами в Фергане были только кашгарские ходжи, а титул “тюра” связывают в Фергане только с уйгурами. В этих заявлениях, думается, есть некоторое преувеличение. Но, видимо, популярность кашгарских ходжей в Фергане конца

XIX – начала XX в. была так велика, что “святость” и значительность ходжей иного происхождения значительно померкли в глазах ферганцев. Широкая известность кашгарских ходжей была связана, видимо, и с тем, что в числе их мюридов были не только уйгуры, но и кыргызы, кочевые узбеки, калмаки, горные таджики²⁰ и даже сарты.

Значительная часть переселенцев из Восточного Туркестана была известна в Фергане не только под названием *кашгарлык* (буквально “кашгарец, житель Кашгара”), но и *таглык* (буквально “горец, житель гор”).

В одной из своих работ Ч.Ч.Валиханов писал: “Таглык – горец есть нарицательное название, распространенное на всех малобухарцев для отличия от низовых туркестанцев (кокандцы кашгарских эмигрантов называют таглыкскими)”²¹. Но, думается, этот термин есть сокращение от актаглык, так как сам же Ч.Валиханов подчеркивал, что в Кокандском ханстве под названием *таглык* были известны представители именно белогорской партии²². А поскольку актаглыков в Фергане было намного больше, чем каратаглыков*, то сложилось представление о том, что этим термином здесь называют всех выходцев из Восточного Туркестана. Наименование же “таглык” сохранилось не только в памяти информаторов, но и в топонимии²⁵.

Следует оговориться, что в Восточном Туркестане была известна и этническая группа таглык. Это жители отрогов Западного Куэнь-Луня, ведущие полукочевую жизнь и занимавшиеся скотоводством²⁶. По мнению Б.Х.Кармышевой, они представляют собой остатки древних тюркских насельников этой страны, а именно карлукских и уйгурских племен, впитавших в себя ираноязычных аборигенов²⁷. Но в нашем случае речь идет не об этнической группе, а о политической, название которой со временем приобрело этнический оттенок.

С занятием русскими Кокандского ханства не прекратились массовые переселения из Восточного Туркестана в Фергану. В 1877 г. умер правитель

---

* Так, только в окрестностях Андижана в середине XIX в. было отмечено 50 тысяч актаглыков²³, в то время как о каратаглыках Ч.Валиханов писал, что их в Ферганской долине было относительно немного, 6 тысяч семей²⁴.

Кашгарии Якуб-бек*. И снова начались здесь смуты, связанные с усилением движения китайского правительства на Кашгарию. И снова население этого края вынуждено было искать защиты в соседних странах и, в первую очередь, в Фергане. Вместе с уйгурами бежали, как обычно, много ферганцев, обосновавшихся в Восточном Туркестане, дунган и представителей других народов.

“Кашгарские выходцы прибыли в Ош 29 декабря 1877 г. через Терекдаванский перевал. Всего перешло через Ош 5675 душ, в том числе 4413 мужчин и 1262 женщин. Кроме того, от 100 до 150 человек прошли мимо города Ош” – писал в рапорте от 11 января 1878 г. Туркестанскому генерал-губернатору военный губернатор Ферганской области²⁸, – Из них “осталось на жительство, – говорится далее в рапорте, – 1273 дунган и 959 сартов, кашгарских уроженцев (т.е. уйгуров – С.Г.); из этого числа 250 дунган и 50 сартов не имеют никаких средств к существованию. Остальные же или имеют собственные средства к жизни, или нашли себе приют у родственников, так как почти 1/3 жителей Оша – уроженцы Кашгара, поселившиеся в Оше еще во время мусульманского владычества. Все прочие кашгарские переселенцы, принадлежавшие к уроженцам городов Ферганской и Сырдарьинской областей, Зеравшанского округа, а также Хивы, Бухары, Афганистана, за весьма малым исключением, отправились из Оша на родину”²⁹. Значительный процент выходцев из Кашгарии в Фергане составляли и дезертиры из армии периода правления Якуб-бека, бежавшие из-за тяжести службы, истязаний и совершенно голодного существования³⁰.

Одной из важных причин переселений из Кашгарии было отходничество. Отходники приходили в Ферганскую долину обычно весной и уходили осенью. Шли пешком через перевал Терекдаван. Некоторым моим информаторам доводилось самим ходить по этому пути (в 20 – 30-е годы), и они дали описание его: город Ош – Мады – перевал Чигырчик – город Гульча – селение

---

* Якуб-бек, выходец из Коканда, талантливый полководец, правивший в Кашгарии с 1864 г. сначала от имени Бузурук-ходжи, последнего белогорского правителя, а затем от своего имени.

Кызылкурган – селение Супи – перевал Терекдаван – местечко Коксу – Иркештам (пограничная крепость) – селение Сымхона – Нагора (пограничный пункт) – перевал Машрабдаван – местечко Кушуки – селение Кызылуй – город Кашгар*. При хорошей ходьбе летом от Оша до города Кашгар можно было добраться за 11 – 12 дней, а до города Яркенд – за 20 – 23 дня.

Нанимались кашгарцы в Фергане на разную работу, но чаще всего – на поденную. Они обрабатывали поля, делали гуваля, возводили глинобитные стены и т.д. Правда, в деле возведения глинобитных стен они значительно уступали таджикам-каратегинцам. Зато кашгарцы были искусными кулинерами и лепешечниками и потому открывали большое количество лепешечных и харчевен, особенно в городах, что, кстати, сыграло серьезную роль во внедрении в Ферганской долине уйгурской кухни.

Большое число отходников из Кашгарии работало на хлопковых полях. На плантациях они в основном обрабатывали кетменем хлопчатник в течение всего сезона. Информаторы помнят, что отходников-уйгуров было так много, что те, кто еще не нашел работу, а значит, и ночлег, спали, где придется; чайхан, которые превращались во временное обиталище, не хватало. Это и понятно. Заработок в Фергане (а он был в несколько раз выше, чем в Восточном Туркестане**) давал возможность сезонным рабочим существовать у себя на родине вместе с семьей в течение зимы. Кроме того, отходники уносили отсюда (чаще всего на себе) мануфактуру, керосин, сахар, железные изделия, в частности подковы для лошадей, гвозди и т.д. И, наконец, здесь они испытывали гораздо меньший, чем у себя на родине произвол и притеснения со стороны властей.

---

* Ср. этот же маршрут, приведенный А.Н. Куропаткиным: Ош – ущелье Талдыкское – укрепление Гульча – урочище Кызыл-Курган – урочище Сары-Кучук – кашгарский пост Иркештам – пост Игин – укрепление Улугчат – пост Уксальяр – рабат Кургашин-кони – пост Канджуган – пост Мир-юл – крепость Янги-шар – город Кашгар³¹.

** Как говорил мне Алим Курбанов, уйгур 84 лет из селения Гузар Пахтабадского района Андижанской области, поденщик в Фергане зарабатывал 1 рубль, в Кашгарии же намного меньше. “Туркестанские ведомости” писали в 1906 г., что в Кашгарии чернорабочий зарабатывал в день 10 – 12 копеек, а в Фергане – от 40 – 60 копеек до 1,5 рубля³².

Развитие промышленности, железнодорожного строительства, увеличение посевов хлопчатника в Ферганской долине повлекли за собой еще больший прилив рабочей силы. Так, по официальным данным, в 1906 г. из Восточного Туркестана в Фергану прибыло 14689 человек, в 1907 – уже 24107 человек³³, а в 1908 г. – более 28000³⁴. Степень участия кашгарских рабочих в обработке хлопчатника и в работе на хлопзаводах была так велика, что когда правительство Цинов по совету английского консульства в Кашгарии* ограничило переход сезонных рабочих, это поставило под угрозу всю хлопковую промышленность в Ферганской долине³⁵.

Многие из отходников оставались в Фергане навсегда, обзаводились семьями, вызывали из Кашгарии родственников. Число оставшихся в Фергане кашгарцев было довольно большим. Так, только в 1912 – 1913 гг. разница между вышедшими из Китая и вернувшимся туда составила 13175 человек³⁶.

Селились выходцы из Восточного Туркестана чаще всего на свободных землях, там, где было достаточно воды или ее можно было вывести из реки или канала, поскольку они были в основном земледельцами. Многие информаторы отмечали, что раньше на месте кашгарских селений были тугайные заросли.

Выходцы из одного кашгарского селения или квартала обычно и в Фергане занимали один кишлак. В том случае, если уйгуры оказывались первыми поселенцами в том или ином районе, в названиях их кишлаков сохранялись наименования кашгарских селений. Так, в Пахтабадском районе Андижанской области в сельсовете Уйгур, сплошь заселенном уйгурами, все кишлаки одноименны с кашгарскими: Пайноб, Ковул, Тукё, Пушмон, Озох, Шаврук, Тахтакуприк, Ортиш, Туккизок, Джанджал. Чангот, Гузо, Пайдо. В сельсовете Илгор Ленинского района Андижанской области, тоже сплошь уйгурском, опять-таки большинство названий селений идентично кашгарским: Олаканот. Курганолди, Ортиш, Кургантепа, Эшакчи, Товокчи, Овот, Кырмачи., Каракий, Повон, Туккизок, Годира, Кепакчи, Кучачи, Долан, Кашгар. В

---

* Англия, как известно, была одной из главных соперниц России в Восточном Туркестане.

сельсовете Мустахам того же района кишлаки Повон, Ортиш, Джигдазор, Кумарык, Аякчи, Модай и др. также повторяют кашгарские названия³⁷.

Среди уйгуров, поселившихся в Ферганской долине до революции, выделялась этнографическая группа, известная под названием “долан”³⁸. В одной из своих работ Ч.Ч.Валиханов писал, что в 50-е годы XIX в. в Кокандское ханство переселилось 24 000 уйгуров, в том числе 9 000 доланов, которые осели между Шахриханом и Карасу³⁹. И действительно, на всем протяжении от Шахрихана до Карасу (город к северу от Оша) находятся кишлаки с наименованием Долан, свидетельствующие о расселении здесь в прошлом одноименной этнической группы: в шести км от Шахрихана – одно селение, два – в Ленинском, два – в Ходжаабадском, одно – в Джалакудукском районах Андижанской области. И, наконец, старое название районного центра Карасу Ошской области тоже было Долан*. Население этих кишлаков помнит, что их предки были доланами и прибыли сюда примерно в середине XIX в. Это же помнят и уйгуры соседних селений.

В большинстве своем доланы – выходцы из кашгарских городов Яркенд, Хотан, Маралбаши, Янгисар, Оват, Меркит. Эти сведения, полученные от информаторов, совпадают с литературными данными о местах бывшего расселения доланов в Восточном Туркестане⁴⁰.

Взаимоотношения уйгуров и узбеков-сартов в конце XIX – начале XX в. имели два направления. С одной стороны, шла ассимиляция уйгуров сартами Ферганы. С другой, многие элементы материальной и духовной культуры уйгуров были восприняты узбеками (и другими народами Ферганы). Отдельным моментам интеграции ферганских уйгуров и узбеков в области материальной культуры уделила в свое время внимание И.В.Захарова⁴¹. Г.Садвакасов проследил этот процесс в языковой сфере⁴². В данном же разделе сближение этих народов будет рассмотрено на некоторых элементах духовной культуры.

---

* Узбекское население переосмыслило эти наименования и называет эти селения Дулона (узб. *дулона* – “боярышник”).

Как уже говорилось, в середине XIX в. в Фергане насчитывалось около 300000 уйгуров. В начале же XX в. их число, по официальным данным, не достигало даже 57 000⁴³. Такое резкое сокращение численности уйгуров в Фергане можно объяснить не только несовершенством сбора статистического материала, не только возвращением части переселенцев на родину. Довольно важной причиной уменьшения числа уйгуров в Ферганской долине было и слияние части их, причем значительной части, с местным узбекским населением.

Ассимиляция уйгуров узбеками имела место, в первую очередь, естественно, в районах дисперсного расселения первых. Но даже в районах бывшего компактного их проживания наблюдалось сначала резкое уменьшение их числа, а затем и полное растворение среди местного узбекского населения. Так, анонимный автор начала XIX в. писал: “Город Шахрихан, незадолго перед тем основанный Омар-ханом, и его окрестности почти исключительно населены кашгарцами. Их считают тут 20 000 семей в одном месте”⁴⁴. В середине XIX в. Ч.Валиханов уже писал, что в Шахрихане лишь более половины жителей составляют кашгарцы⁴⁵. По административным же данным за 1890 г., в Шахрихане кашгарцев было зарегистрировано уже всего 304 человека (в самом селении) при общей численности населения в нем 2273 человека⁴⁶. Часть жителей селения Вуадиль, по свидетельству В.А. Парфентьева, были уйгурами, бежавшими в середине XIX в. из Кашгарии. В начале XX в. они считали себя уже узбеками рода “хина”⁴⁷. К середине и последней трети XX в. о былом расселении уйгуров во многих районах Ферганской долины свидетельствует лишь топонимика.

Несомненно, процесс сближения уйгуров с узбеками облегчался тем, что эти народы очень близки по происхождению, языку, культуре, исповедовали единую религию. Но еще один, как мне кажется, важный фактор имел значение в сближении этих народов. Это роль кашгарских ходжей в Кокандском ханстве в XVII – XIX вв., которые, как уже говорилось, были очень популярны в Фергане.

Созданию вокруг них атмосферы сверхпочитания в немалой степени способствовали сами кашгарские ходжи и их обряды. Так, например, обряд приготовления и вкушения ритуального поминального блюда белогорских ходжей *сокут* (*Хазрат Оппок хужсанинг ошлари*, т.е. “пищей нашего святого Аппак-ходжи” называли сокут информаторы) обставлялся так торжественно и сопровождался таким количеством предосторожностей и запретов, что невольно вызывал благоговейный трепет и страх, особенно у тех, кто не имел права вкушать его. Постоянно подчеркивалась необходимость в соблюдении идеальной чистоты и белизны во всем, что было связано с проведением этого обряда (белая скатерть, на которой готовилось это блюдо, белый фартук, который обязательно надевал готовивший сокут, белые полотенца, молочный, т.е. тоже белый, чай и т.д.). Это должно было, по-видимому, свидетельствовать о том, что учение Аппак-ходжи (буквально “белейший ходжа”), которому посвящался этот обряд, было чистейшим (белейшим), а значит, и истинным.

Делали сокут при различных обстоятельствах: например, перед обрезанием (за день до этого события), в период болезни какого-либо члена семьи, при дурном сне, после удачного исхода какого-либо дела и вообще, когда решали на всякий случай помянуть Аппак-ходжу, в надежде, что благодать его падет и на совершавших этот обряд.

Перед началом приготовления сокута совершали ритуальное омовение, одевались во все чистое, садились вокруг чистой белой скатерти на чистые узкие одеяла (*курпача*). На скатерть клали продукты, из которых должны были готовить сокут (муку, курдючное сало, соль, сухой чай, молоко), а духовное лицо (*ахун*) читал молитву, освящая их. Затем замешивали несдобное пресное тесто и раскатывали из него небольшие сочни скалкой (*сакалак*), предназначенной только для этого случая. Сочни обжаривали в растопленном курдючном сале, из которого предварительно извлекали выжарки. После этого в котел с оставшимся жиром (в ряде районов говорили, что котел обязательно

должен быть чистым и сухим) наливали молоко, бросали сухой чай, соль, выжарки и кипятили.

Делалось все это молча, говорили лишь при крайней необходимости (кстати, во многих тюркских языках, в том числе и уйгурском, есть слово *сукут*, означающее “молчание”). Причем все, начиная от замешивания теста и кончая приготовлением чая, должны были делать только старики-ахуны. Правда, во многих районах уже в начале XX в. сокут готовили и пожилые женщины. Но, думается, это свидетельствует лишь о начале вырождения этого обряда.

Варево в чашах (*коса*) подавали каждому присутствующему при обряде. Перед вкушением крошили в него обжаренные сочни так, чтобы ни одна крошка не упала даже на скатерть, и, помолвившись, ели. После посуду вылизывали с помощью рук или, налив в чашу немного чая и ополоснув ее, выпивали этот чай. Делалось это для того, чтобы в чаше не осталось ничего от сокута. В противном случае это было бы кощунством.

Всю посуду, полотенца, скатерть ополаскивали в арыке в проточной воде, которая считалась сакрально чистой. В арыке же мыли руки и ополаскивали рот. Или воду после мытья посуды и рук выливали в тот же арык, но чаще в укромном месте во дворе, иногда прямо в доме, в уголке под паласом, где ничто не могло бы осквернить обмывки.

Детям и молодым сокут не давали, так как они по неосторожности могли уронить крошки на землю, что являлось величайшим грехом, и было чревато многими последствиями. В частности считалось, что если ребенок, не вымыв руки после сокута, заденет свое тело, то оно покроется болячками. Кроме того, ни дети, ни молодые люди не умеют читать молитв, а это необходимо было сделать перед вкушением этого блюда. Нельзя было вкушать сокут и черни. Если же у них появилась необходимость помянуть Аппак-ходжу, они несли все необходимые продукты ахунам (а со временем и старухам из рода белогорских ходжей), чтобы они от имени просителей совершили необходимый обряд.

Не имели права ни делать, ни есть сокут каратаглыки (представители противоположной актаглыкам партии), а также представители иной национальности. Более того, они боялись даже думать об этом, так как вкушение запретного блюда грозило им болезнями, в лучшем случае у грешника могла высыпаться лихорадка (герпес). Но слава святого Аппак-ходжи была так велика, что со временем его стали признавать и почитать в Фергане и те, кто когда-то отрицал его (например, каратаглыки), а сокут стали готовить и вкушать почти все уйгуры, независимо от сословной принадлежности. Даже некоторые из ферганских ходжей, сартов по происхождению, тайно, а порой и явно, чтит Аппак-ходжу и при необходимости прибегали к испытанному и “надежному” средству белогорцев – сокуту.

Так, Ахмаджон Ходжаев из селения Темирходжа близ Андижана помнил, что его мать, будучи представительницей такой известной в Кокандском ханстве фамилии как Майдони-ходжа, когда болели дети, тайно ходила к 95-летней старухе-уйгурке с необходимыми для сокута продуктами для того, чтобы та совершила обряд в честь Аппак-ходжи и помолилась за здоровье больных детей. Сама же просительница сокут не ела, так как ей, не уйгурке, есть его было нельзя. Назирахон Закирова из селения Боз рассказывала, что ее родители, сарты, постоянно, когда резали барана, ездили к кашгарским ходжам, жившим в Маргилане (а здесь обосновались в основном каратаглыкские ходжи), и привозили им курдючное сало для сокута, хотя отец ее сам был из местных ходжей.

Еще проще смотрели на это ходжи из селения Сайкельды близ Кувы (а они относились к ходжам рода Имам-А'зам, т.е. “Великий имам”), которые прибыли сюда из Маргилана. Буваходжа Султанов (1900 г.р.), в частности, утверждал, что сокут мог есть любой верующий мусульманин, даже если он не уйгур. Но готовить его имел право далеко не каждый. В их селении, по его словам, был старец Якубджан-ата, который имел на это право. И все старики кишлака Сайкельды, независимо от национальности, собирались у него для

вкушения сокута. При этом Буваходжа Султанов признавал, что выучились они обряду вкушения сокута у уйгуров.

Приобщение ко вкушению сокута стало для многих ферганских узбеков большой честью. Так, Амирахон Якубова из селения Кашгар близ Кувы рассказывала, что ее мать, будучи уйгуркой, как и многие уйгуры в первой четверти XX в., даже не принадлежавшие к белогорской партии, готовили сокут. Отец же Амирахон был узбекоязычным сартом, причем из черни, и не имел права принимать участие в этом торжественном обряде, хотя очень хотел. Но однажды он зарезал барана в честь Аппак-ходжи, пригласил всю махаллю и объявил всем, что хочет быть уйгуром, как и его жена. И отныне он и будет таковым, а значит, будет иметь право вкушать сокут.

Ореол святости вокруг кашгарских ходжей постепенно переносился местным ферганским населением на уйгуров вообще (многие информаторы и в последней трети XX в. относили всех уйгуров к представителям “белой кости”), что вызывало даже желание у ферганских сартов сочетаться браком с уйгурами, хотя те и были чужеземцами. Что же касается уйгуров, то их браку с ферганцами, помимо всех прочих причин, способствовали и численное превосходство узбекоязычного населения в Фергане, и определенная социальная зависимость от ферганцев. Так или иначе, но сартовско-уйгурских браков в Ферганской долине конца XIX – начала XX в., видимо, было уже немало. Пожалуй, только в Пахтаабадском районе Андижанской области, где находился в конце XX в. самый крупный массив уйгурского населения, уйгуры сохранились в относительной чистоте. Многие старики в период сбора материала говорили только на уйгурском языке и совершенно не знали узбекского, хотя узбеки этого района прекрасно говорили на уйгурском. Браки только эндогамные, самосознание уйгуров сохранилось довольно четко, в то время как на остальной территории Ферганы сплошь и рядом уйгуры называли себя уже узбеками.

Несколько иные взаимоотношения сложились между ферганскими сартами и этнографической группой долан. Группа эта эндогамная, не вступавшая в

прошлом в брачные связи даже с другими группами уйгуров. Для сартов-узбеков они тоже не представляли “интереса”, так как над ними не витал ореол избранности, как над остальными уйгурами: доланы не только не принадлежали к партии белогорцев (поскольку были выходцами не из Кашгарского оазиса, где поклонялись Аппак-ходже, а из Яркендского, Хотанского и др.), но даже со временем не стали его последователями

Цыгане в Ферганской долине

В 1907 г. в Ферганской долине был зарегистрирован 781 человек среднеазиатских цыган⁴⁸. Но эти данные, думается, не отвечали действительности. Большинство цыган вело бродячий образ жизни, а это не способствовало сбору точных сведений об их численности. Однако уже до революции существовали в городах и крупных селениях цыганские кварталы, что свидетельствовало об определенной оседлости у них в то время. Так, в том же 1907 г. в Андижане было зарегистрировано 195 цыган, в Коканде – 150, Скобелеве – 146, Оше – 12, Старом Маргилане – 6⁴⁹. В сельской местности их было зафиксировано гораздо меньше: в Наманганском уезде – 93 человека, Андижанском – 69, Кокандском – 48, Ошском – 38, Маргиланском – 24⁵⁰.

В Ферганской долине, как отмечал В.И.Кушелевский, жили цыгане нескольких групп. Одна группа – люли, которая, по В.И.Кушелевскому, подразделялась на оседлых, занимавшихся ремеслом (назывались они *касиб*, т.е. “ремесленник”), и бродячих (назывались они *мульти* по индийскому городу Мульти). Другая группа были цыгане *мазанги*⁵¹. Отмечал В.И.Кушелевский в Ферганской долине и цыган *балудж* (белуджи). Местное население называло их *кара-люли*, т.е. “черные люли”, или *индустани-люли*, т.е. “индийские люли”⁵².

Происхождение, образ жизни, занятия, язык, материальная и духовная культура указанных групп, взаимоотношения их с окружающим населением были в целом такими же, как и у остальных цыган среднеазиатского региона, и исследовались многими авторами⁵³. Поэтому остановлюсь лишь на небольшой,

но совершенно не изученной группе так называемых кашгарских цыган, или *ага*, которые тоже в небольшом числе жили в Фергане в конце XIX – начале XX в.

По литературе об этой группе на территории Ферганской долины известно очень мало. Лишь В.И.Кучелевский мимоходом отметил в своем труде “небольшой народец” ага, который еще называли кашгарскими цыганами.⁵⁴ И В.П. Наливкин, а вслед за ним И.И.Гейер привели легенду о том, как пленным персам, поселенным в Ферганской долине в XVI в., были розданы в жены кашгарские цыганки рода ага⁵⁵.

Мое знакомство с этой интересной группой началось с легенды, услышанной в селении Акбура близ Андижана. Давным-давно, когда жил уже известный нам Аппак-ходжа, представители одной, тогда еще безымянной группы преподнесли своему патрону вырезанную ими деревянную чашку – *аяк*⁵⁶. Выпил Аппак-ходжа из этой чашки воды – а она ледяная. Понравилось ему. И назвал он эту группу *аякчи*, т.е. “специалисты по выделыванию деревянной посуды”. Другую же группу, представители которой поднесли Аппак-ходже бусину, он назвал *повон* (этимология этого слова пока неясна).

Судя по легенде, в Восточном Туркестане существовали близкие друг другу этнические группы – аякчи и повон, одна из которых занималась, видимо, деревообделочным ремеслом, а другая – ювелирным ремеслом или мелочной торговлей*. Самоназвание этих групп, помимо указанных, – еще и *ага*. Кроме того, все они считали себя одним из подразделений уйгуров, хотя четко отличали себя от них. Представители же молодого поколения и вовсе считали себя уйгурами. Сами же уйгуры не смешивали себя с повонами и аякчи. Узбеки именуют тех и других *кашгарлыками*, т.е. “кашгарцами”, как и вообще всех выходцев из Восточного Туркестана.

Родным языком повоны и аякчи считают уйгурский, но употребляют в речи и значительное число лексем, отсутствующих в уйгурском языке. Мой

---

* Ср. с группами среднеазиатских цыган *тавоктарои* “мастер по выделыванию деревянной посуды” и *мазанг*, которая занимается отчасти ювелирным ремеслом, отчасти мелочной торговлей⁵⁷

информатор, уйгур, живущий по соседству с повонами и аякчи, в качестве примера привел два слова: *сухолла* “бей”⁵⁸ и *газла* “ругай”. Являются ли эти слова элементами секретного языка, сказать пока трудно, но уйгуры утверждают, что многого не понимают в речи этих групп. Отличалась друг от друга и речь повонов и аякчи. Но отличия тут, судя по объяснениям информаторов, видимо, в основном интонационного плана. В середине и конце XX в. все они, как и уйгуры, говорили на узбекском языке.

Раньше повоны и аякчи вели бродячую жизнь небольшими группами, каждая из которых объединяла в себе несколько, видимо, родственных семей. Но в конце XIX – начале XX в. начали постепенно оседать, хотя элементы прежней бродячей жизни долго сохранялись даже после революции.

Прибывали отдельные группы кашгарских цыган в Фергану из Восточного Туркестана, по всей вероятности, вместе с уйгурами, бежавшими от цинского засилья. В своих рассказах о том периоде они, как и уйгуры, упоминают о смутных временах в Кашгарии. Было это предположительно в начале и середине XIX в. Почти все повоны называли родиной своих предков кашгарское селение Похтак, вторым названием которого было Повон, а аякчи – кашгарское же селение Буйрактай.

По разрешению кокандского хана беженцы поселились в окрестностях Ассаки. Эти места привлекли их густыми тугайными зарослями, напоминавшими им о родине. Кроме того, здесь росли в изобилии турангул и ива, ветви которых служили основным материалом для плетения корзин. Затем часть ага переселилась в окрестности Коканда и другие районы. В последней трети XX в., по моим полевым данным, группа ага жила компактно в кварталах Повон и Аякчи селения Акбура (примерно 100 семей), в квартале Повон селения Кызыляк около Андижана (примерно 80 семей). Примерно 60 семей повонов жило в период сбора материала в Коканде. Несколько семей зарегистрированы мною в Базаркурганском районе Ошской области и одна семья – в Гулькишлаке Туракурганского района Наманганской области. За

---

⁵⁸ Ср. *soxinmaq* “бить”, *soxin* “бей” в языке абдалов Восточного Туркестана⁵⁸.

пределами Ферганской долины, по словам информаторов, около 50 семей жило в совхозе “Учхоз” Тойтепинского района Ташкентской области и около 10 семей – в селении Караболта Бишкекской области Кыргызстана.

Как видим, кашгарских цыган в Ферганской долине было не очень много, как, впрочем, и в Восточном Туркестане*. Но они сумели найти свое место среди населения долины и вложить свой вклад во внутрихозяйственный обмен, существовавший здесь на рубеже XIX – XX веков. Основным занятием группы аякчи на территории Ферганской долины, как и на их родине, в Восточном Туркестане, было плетение корзин из ветвей ивы и турангула**. Они плели корзины различной формы и назначения, кузова для арб, из ореховой древесины делали ленчики для седел, деревянные лопаты, чашки разной величины, деревянные калоши на трех ножках (*хаккаль-ковуш*, буквально “сорока-калоши”), которые носили в дождливую погоду, а также шили хомуты, потники и другие предметы конской сбруи из кожи. Причем изделия из дерева и кожи делали в основном мужчины, а плели корзины женщины и дети.

Занимались ли аякчи изготовлением сит, решет, бубнов, сказать трудно, так как сами аякчи и родственные им повоны отрицали это (этим ремеслом занимались якобы среднеазиатские цыгане – люли, с которыми, по утверждению информаторов, ага не имели никакой связи), а живущие по соседству уйгуры утверждают, что занимались. При этом женщины якобы плели сита, а мужчины гнули ободья. Вполне возможно, что к середине XX в. этот вид ремесла утратился у них, как, впрочем, и другие, перечисленные выше. Ко времени сбора полевого материала у аякчи сохранилось только плетение корзин и других изделий из ветвей ивы и турангула. Причем занимались этим в основном мужчины, а женщины и дети помогали им.

Приведу далеко не полный список различных по назначению корзин, изготавливаемых аякчи: *нонсават* – плоская корзина для лепешек, *осмасават* –

---

* М.В.Певцов в XIX в. писал: “К числу оседлых обитателей Кашгара принадлежат еще около 300 семейств цыган, из которых 270 проживает в Кашгарском оазисе, а остальные 30 – в Яркендском”⁵⁹.

** М.В.Певцов писал: “Они (цыгане – С.Г.) занимались преимущественно плетением корзин и отчасти барышничеством”⁶⁰.

подвесная корзина для хранения лепешек, *маянжисават* – корзина, предназначенная только для того, чтобы носить на свадьбы и другие подобные мероприятия лепешки и разные сладости (дастархан), *кошикдонсават* – корзина для хранения ложек, поварешек, шумовок и др., *пилтасават* – корзина для хранения веретена, ниток, хлопковой пряжи, *чоксават* – корзина для хранения иголок с нитками, пуговиц и т.д., *баликсават* – корзина для ловли рыбы, *хонсават* – намордник для волов, чтобы они во время разрыхления междурядий не объедали кусты хлопчатника, *беданасават* – клетка для перепелок и т.д. и т. п.

Корзины, выполненные аякчи (а их плели и каракалпаки, и узбеки), всегда ценились как изделия высокого качества. Сами же аякчи известны у местного населения в основном под названием *саватчи* “мастер по плетению корзин”. Более того, в период сбора материала все аякчи из селения Акбура были объединены в бригаду по плетению корзин при Андижанской фабрике художественных изделий (работа надомная), и их работы постоянно демонстрировались на выставках узбекского (обратим внимание: узбекского!) народного искусства, хотя в бригаде нет ни одного представителя не аякчи.

Повоны в прошлом занимались, подобно среднеазиатским цыганам мазанг, отчасти ювелирным ремеслом, отчасти мелочной торговлей. Ювелиры выделывали дешевые украшения из меди (кольца, браслеты, серьги и т.п.), возможно и бусы. Их называли *заргар* “ювелир”, или *мунчокчи* “специалист по изготовлению ожерелий из бусин” (вспомним, что по легенде, повоны поднесли своему патрону Аппак-ходже бусину). Кроме того, одним из их занятий была торговля вразнос галантерейным и парфюмерным товаром (нитками, иглоками, зеркалами, красками и т.д.), а также местной жевательной смолой (*сакич*), леденцами.

Сбытом своих изделий аякчи и повоны занимались сами: до революции продавали или обменивали на что-либо в основном по дворам, разъезжая на арбах, запряженных ослом (лошадь была у более зажиточных), или просто на осле. На базаре же продавали редко. Поскольку их товар предназначен был

прежде всего женщинам, продажей по дворам занимались в основном женщины: аякчи с пирамидой из 8–10 корзин на голове, а повонки – с хурджунами из алачи (мешки из хлопчатобумажной ткани в полосу) через плечо. Мужчины в это время караулили арбу. Даже на базаре продажей занимались женщины, а мужчины сидели рядом.

В поисках мест, обильных нужным сырьем (например, ветвей ивы и турангула, необходимых для плетения корзин), и для успешного сбыта своих изделий кашгарские цыгане отправлялись всей семьей на несколько месяцев и даже лет в отдаленные районы, доходя в своих поездках до самых дальних районов Ферганской долины, и даже до Ташкента и Бишкека. При этом аякчи предпочитали районы, богатые тугайными зарослями, например, берега Сырдарьи, где плели для тамошнего населения корзины. А повоны отправлялись в зерновые районы, где обменивали керамическую посуду на зерно и шерсть, а свой немудреный товар = на утиль. Последний сдавали в пункты заготовки утиля. Ни нищенством, ни гаданием, ни знахарством, по свидетельству информаторов, эти группы не занимались, считая это недостойным ремеслом.

К концу XIX – началу XX в. часть повонов стала переходить к земледельческому труду, который, правда, долгое время совмещали с основным ремеслом. Нишанбай Фазылов (повон, 1900 г.р.) рассказывал, что его отец имел четыре танапа земли, что было, конечно, мало. Сам информатор вынужден был идти в издольщики. Судя по тому, что Нишанбай Фазылов разбирался в тонкостях земледельческого труда, можно думать об определенной потомственности в этом виде деятельности. Ни повоны, ни аякчи ткачества в прошлом не знали, но выучились этому ремеслу у узбеков в период Первой мировой и гражданской войн, когда исчезновение мануфактуры вынудили заниматься этим ремеслом очень многих.

В середине и конце XX в. повоны, жившие в селениях Акбура и Кызыляк, были колхозниками, а жившие в Коканде работали на различных предприятиях. В свободное время повоны-кокандцы продолжали заниматься традиционным

ремеслом и продавать свои украшения из меди и алюминия оптом или в розницу. Кстати, одним из оптовых покупателей их изделий были мазанги, которые и сами делали подобные вещи. Аякчи, как уже говорилось, занимались в это время своим традиционным ремеслом, плетением корзин, на Андижанской фабрике художественных изделий.

Жили кашгарские цыгане в конце XIX – начале XX в. в глинобитных домах. Но, как говорили сами информаторы, в весенне-осенние дождливые дни, когда начинала протекать крыша в домах, они временно переселялись в шалаши из дугообразно согнутых ветвей ивы. Верх шалаша покрывали мелкими ветвями той же ивы, камышом, который в изобилии рос в тугайных зарослях, сухой травой и даже старым войлоком. Вход в шалаш закрывали не плетеной циновкой, а полотнищем из камыша или куском старого паласа. Летом тоже любили переселяться в шалаш, так как в нем, по свидетельству информаторов, было прохладнее, чем в доме. В холодное время года в шалаше (ближе к выходу) разжигали костер. При приготовлении пищи над костром устанавливали треножник.

Все это заставляет предполагать, что исконным жилищем кашгарских цыган был шалаш, а глинобитные дома появились после оседания под влиянием местного населения. При этом в одном дворе, обнесенном глинобитной же стеной, жило часто несколько родственных семей, ведущих раздельное хозяйство. Такой двор назывался *курган*. В период поездок по населенным пунктам (а отправлялись чаще всего на весеннее-летне-осенний период) кашгарские цыгане устраивались в пустовавших домах отходников или, по договоренности, в одном из свободных домов местных жителей. Вне населенного пункта на ночь старались не останавливаться: шатров у них не было. В крайнем же случае устраивались спать на своей арбе.

Одежда, как мужчин, так и женщин, не отличалась от общеферганской. Но старые повонки еще носили на голове и небольшие тюрбаны (*лякки*) из квадратного белого платка. На тюрбан накидывали белый же платок большего размера. Женщины-аякчи тюрбаны не носили, а только платки, сложенные

треугольником. Один из повонов говорил по этому поводу с оттенком некоторого превосходства: *Яланг юрар эдилар*, (буквально “ходили не покрытыми”, т.е. без тюрбанов). Паранджу кашгарские цыгане не носили, в отличие от узбечек и таджичек. Татуировкой себя не украшали, но дешевые браслеты, кольца, серьги любили.

В рассматриваемое время повоны и аячки пользовались в основном керамической посудой. Но отголоском того, что раньше у них была преимущественно деревянная, которая более удобна при бродячем образе жизни, служит признание одного из информаторов-повонов в том, что есть из деревянной посуды было богоугодным делом (*савоб*), и потому до сих пор они стараются купить деревянные чаши у кыргызов, которые еще делают их, правда, в основном для себя.

Кашгарские цыгане – мусульмане-сунниты, но отношение их к религии было более чем индифферентным. Необходимые обряды совершались в облегченном виде без особого рвения и благоговения. Даже к Аппак-ходже, который, судя по легенде, дал имя (а значит, и самосознание) обеим группам кашгарских цыгане относились, видимо, довольно спокойно, без особого трепета. а к ритуальному блюду – сокуту, как к обычной пище.

И аячки, и повоны – группы эндогамные. В брачные союзы в конце XIX – начале XX в. не вступали не только с уйгурами, узбеками и другими окружавшими их народами, но и между собой. Более того, запрет на браки между повонами и аячки был даже более жесткий, чем с представителями других народов. Правда, в рассматриваемый период запрет вступать в родственные отношения с представителями других народов уже начал нарушаться. Но при этом, если допускалась женитьба на узбечках, например, то своих дочерей старались узбекам не отдавать. Хотя и были исключения. Например, мать одного из информаторов была аячки (1900 г.р.), а отец был узбек (1886 г.р.). Однако стремление вступать в браки только в своей среде в значительной степени сохранялось до последней трети XX в.

Предпочитались всегда кузенные браки. По этому поводу у повонов существовала даже поговорка: *Тоганинг ямаги тогага* (буквально “Заплата одного дяди по матери для другого дяди по матери”), что означало предпочтительность браков внутри близкородственной группы. Единственным условием при этом было, чтобы вступающие в брак не были молочными братом и сестрой.

Строгая эндогамия усиливала замкнутость аячки и повонов и замедляла естественные процессы сближения не только с узбеками, но и уйгурами Ферганы. Однако к концу XX в. процесс стирания былых граней, начавшийся в конце XIX в., усилился. Зарегистрированы браки не только между ага и узбеками, но и между повонами и аячки.

Среднеазиатские евреи в Ферганской долине

Среднеазиатских евреев относят к коренным жителям Средней Азии⁶¹, так как поселились они здесь очень давно⁶². Большая часть их жила в Самарканде и Бухаре. В городах же Ферганской долины они появились довольно поздно. Так, по сведениям администрации Ферганской области за 1894 г., известно, что многие евреи прибыли сюда из Самарканда и Бухары в середине XIX в.⁶³ Об этом свидетельствуют и мои информаторы.

Судя по сведениям, представленным туркестанским генерал-губернатором начальнику Главного штаба в мае 1899 г., в Ферганской области к этому времени жили 3113 среднеазиатских евреев⁶⁴. В Самаркандской области Русского Туркестана в это же время их было зарегистрировано всего 1891 человек. А, как известно, в эту область входил и Ходжентский уезд, территория которого размещалась большей частью в Ферганской долине. Значит, число среднеазиатских евреев в рассматриваемом регионе было еще большим. В Сырдарьинской области их было и вовсе 1505 человек. Таким образом, больше всего среднеазиатских евреев в конце XIX в. на территории Русского Туркестана было именно в Ферганской долине.

Переселение их в пределы Русского Туркестана, в том числе и в Ферганскую долину, было вызвано в основном тяжелым положением их в Бухарском и Хивинском ханствах. Из-за враждебного отношения властей к иноверцам, в частности к представителям иудейской веры, среднеазиатские евреи находились в вышеуказанных ханствах (как и в Кокандском ханстве) на положении париев⁶⁵.

Еще более тяжким и приниженным было положение евреев-мусульман, т.е. тех, кого угроза смертной казни или беспросветная нужда заставили принять мусульманство. За ними укрепилось прозвище “чала”, т.е. “неполноценный (еврей)” или “полуеврей-полумусульманин”⁶⁶. Их сторонились не только мусульмане, но и правоверные евреи, хотя почти все “чала” только по внешним признакам были мусульманами. В душе они оставались верными иудаизму и у себя дома взаперти совершали еврейские религиозные обряды. Такая жизнь, естественно, приводила к еще большей замкнутости этой группы. Селились они отдельно, в особых кварталах, и сочетались браком только между собой, так как ни истинный мусульманин, ни тем более еврей не отдавали им своих дочерей⁶⁷.

После присоединения Средней Азии к России тяжелое положение еврейского населения в Русском Туркестане, в том числе и в Фергане, было несколько смягчено, что вызывало массовые переселения их сюда из Бухарского эмирата и Хивинского ханства. Новая власть особенно устраивала евреев-чала, так как при ней они получали возможность вернуться в свою веру. Определенная же часть евреев, более или менее состоятельная, решила переселиться на территорию Русского Туркестана в надежде заняться здесь предпринимательской деятельностью.

Особенно их привлекала в этом плане Фергана, где развитие капитализма началось раньше, чем на остальной территории Русского Туркестана, и потому было больше возможностей для предприимчивого человека. При ханской власти торговлей занималось относительно небольшое число евреев. Как писал В.П.Наливкин, полная бесправность заставляла всех евреев, не имевших

покровителей среди правящего класса, тщательно скрывать свои сбережения и капиталы, которые были бы конфискованы⁶⁸. Царское же правительство не только разрешило торговать, но на первых порах даже всячески поощряло их. Более того, первый туркестанский генерал-губернатор К.П.фон-Кауфман видел “высокую полезность их в деле торговой жизни края и товарообмена с Россией”⁶⁹. И расчеты эти оправдались.

Роль среднеазиатских евреев (как, впрочем, и европейских) в экономической жизни Туркестана, и Ферганской области в том числе, стала довольно значительной. Так, только в Ферганской области, по состоянию на 1898 г., 693 торговых и промышленных заведения находились в руках евреев⁷⁰. Оптовые торговцы из числа среднеазиатских евреев, приобретавшие товары большими партиями у разных московских фабрикантов, пользовались у них широким и долгосрочным кредитом⁷¹, что свидетельствовало о доверии к ним как к торговым деятелям. По признанию московских мануфактуристов, ведущих дело со Средней Азией, “бухарские евреи представляют главный элемент покупной силы”⁷².

Несмотря на то, что среднеазиатские евреи своей деятельностью способствовали укреплению торговой и промышленной жизни в присоединенном крае, что, по признанию русской печати того времени, готовило почву “для русской гражданственности”⁷³, положение их в Русском Туркестане было далеким от равноправия. Особенно оно ухудшилось к 90 – 900 гг. Экономическая и политическая власть царизма здесь укрепились, и надобность в проводниках русской экономики отпала.

Кроме того, в 90 – 900 гг. усиливается колонизационная политика в Туркестанском крае, одной из целей которой было заселение окраин наиболее надежным для царского правительства элементом – русским крестьянином. Именно поэтому в лицах других национальностей и вероисповедания, в том числе и в среднеазиатских евреях, администрация Туркестанского края отныне не нуждалась.

И, наконец, в эти годы в России, в том числе и Туркестане, усиливается революционное движение, и царизму необходимо было направить возмущение масс в другое русло. “Еврейский вопрос” здесь был как нельзя кстати. Правда, в Туркестане этот вопрос особенно остро был поставлен лишь с 1910 – 1911 гг. До этого времени местная администрация относилась к евреям более или менее доброжелательно и давала им возможность обходить вопрос “о праве на жительство”⁷⁴, хотя заговорили об ограничении прав евреев уже в 1886 – 1887 гг.

Ограничение в правах среднеазиатских евреев проявилось, прежде всего, в запрещении приобретать земельную собственность. Статья 262 “Положения об управлении Туркестанского края” гласила: “Приобретение земель и вообще недвижимых имуществ в Туркестанском крае лицами, не принадлежащими к русскому подданству, а равно всеми, за исключением туземцев, лицами нехристианских вероисповеданий воспрещается”⁷⁵. Правда, те среднеазиатские евреи, которые жили в Туркестане “с незапамятных времен”, т.е. до прихода сюда русских, причислялись к местному населению. Те же евреи, которые переселились в край из Бухарского эмирата и Хивинского ханства или Афганистана после образования Русского Туркестана, находились на правах иностранных подданных и, как таковые, не имели права приобретать здесь земли и недвижимость.

Кроме того, для них (евреев – иностранных подданных) с 1900 г. была сокращена черта оседлости в Туркестане. Отныне евреи имели право жить лишь в трех пограничных городах края: Катта-Кургане (на границе с Бухарским эмиратом), Петро-Александровске (на границе с Хивинским ханством) и Оше (на границе с Восточным Туркестаном). Впоследствии, вследствие ходатайства еврейских общин, они получили право жить еще в трех городах Русского Туркестана: Самарканде, Коканде и Новом Маргилане⁷⁶. Между прочим, три города из шести указанных находятся на территории Ферганской долины: Ош, Коканд и Новый Маргилан.

Впоследствии, следуя общей для всей империи тенденции ограничивать права евреев, туркестанская администрация стала причислять к иностранным подданным всех туркестанских евреев, независимо от времени поселения их здесь, с тем, чтобы выселить. Никакие доказательства и свидетельства о проживании евреев в том или ином городе Русского Туркестана еще при ханском владычестве администрацией не принимались, а на прошениях налагалась резолюция: “Отказать и выселить на основании секретного представления Туркестанского генерал-губернатора”⁷⁷. А выселению подлежали около 5 000 человек⁷⁸.

Евреи, признанные по “Положению” 1887 г. местными жителями, вынуждены были теперь выносить массу унижительных процедур для получения особого удостоверения, признававшего за ними права местного еврея, или “Билета”, разрешавшего ему проживать в Туркестанском крае в течение определенного срока⁷⁹. Местная администрация могла незаконно конфисковать имущество евреев⁸⁰, отказать в решении того или иного пустячного вопроса⁸¹ и т.д.

Рассчитывать на человеческое к ним отношение не могли даже те, кто имел непосредственные заслуги перед царским правительством. Так, Борух Ювашев служил в отрядах генерал-адъютанта Скобелева и принимал участие в завоевании Кокандского ханства в 1876 г. Затем он поселился в Узгене (близ города Ош), где он вел небольшую торговлю шелком и мануфактурным товаром. К старости он начал хлопотать о назначении ему пенсии. Туркестанская администрация, хотя и признавала его заслуги, в пенсии ему отказала, мотивируя отказ тем, что он обеспечивал себя торговлей⁸². В архивах сохранилась масса прошений среднеазиатских евреев о разрешении им проживать в Андижане, Коканде, Старом Маргилане. Среди просителей были и те, кто отбывал в Туркестанском крае пятилетнюю службу⁸³.

Усилиями еврейских общин, русских центральных промышленных организаций, купечества, которые были связаны со среднеазиатскими евреями деловыми отношениями, и, наконец, русской прогрессивной интеллигенции,

которая постоянно выступала в печати в защиту ни в чем неповинных людей, выселение несколько раз отсрочивалось. Начало Первой мировой войны задержало решение этого вопроса.

Евреи и при ханской власти, и при царизме не имели права жить в сельских местностях. Существовал даже специальный закон от 3 мая 1882 г., запрещавший евреям водворяться в сельские местности или арендовать там недвижимое имущество⁸⁴. Поэтому жили они в городах, где занимались различными видами ремесел. По данным переписи 1897 г., в Коканде жило 1029 евреев, в Андижане – 721, Старом Маргилане – 652, Новом Маргилане – 188, Намангане – 121, Оше – 46⁸⁵.

Были среди евреев резники, ювелиры, парикмахеры, портные, сапожники, повара, кучера, прачки, чернорабочие. Женщины из бедных семей, умеющие петь и танцевать, пели и танцевали на свадьбах и празднествах, не только еврейских, но и мусульманских, и назывались *сазонда*⁸⁶. Очень многие евреи в Ферганской долине занимались размоткой шелка, крашением пряжи в синий цвет краской индиго холодным способом (этим промыслом занимались исключительно евреи)⁸⁷. До прихода русских в край, как писали супруги Наливкины, евреи занимались и винокурением, и русской администрации стоило немалого труда, чтобы хотя бы частично сократить это производство⁸⁸. Часть евреев занималась ростовщицеством, чем закабаляла местное население, и очень многие занимались торговлей, крупной или мелкой, в зависимости от состояния. Так, в 1896 г. только крупных торговцев в Ферганской области было зарегистрировано 223 человека⁸⁹. Из числа евреев же выходили комиссионеры, приказчики, маклеры⁹⁰.

Сближение среднеазиатских евреев с местным населением Средней Азии началось, по имеющимся этнографическим данным, очень давно, несмотря на то, что религия и неблагоприятные исторические условия обрекали их на замкнутость, изолированный образ жизни. Результатом этого сближения является и замена еврейского языка диалектом самаркандско-бухарской группы таджикского языка, и наличие в одежде, пище, интерьере жилища,

обычаях, обрядах, музыкальной и бытовой культуре большого количества элементов, характерных для таджикско-узбекского населения. Русская администрация писала в XIX в.: “Хотя евреи ... не смешиваются с туземным мусульманским населением, вследствие религиозных особенностей, но в образе жизни, одежде и характере постройки домов мало разнятся от местного сартовского населения”⁹¹.

Присоединение Средней Азии к России способствовало некоторому раскрепощению евреев. И у них появилось больше предпосылок для сближения с населением местной национальности. В Ферганской долине евреи усвоили и узбекский язык, а также локальные особенности ферганской одежды и вообще ферганской бытовой культуры. Но полного растворения евреев среди местного населения не произошло. Сохранение ими национального самосознания связано, прежде всего, с религиозной принадлежностью, которая играла роль дифференцирующего фактора. Ослабление роли религии в советское время, например, привело к появлению еврейско-узбекских, еврейско-таджикских, еврейско-русских браков и т.д.

Русские в Ферганской долине

После присоединения Кокандского ханства к России в Ферганской долине начали обосновываться русские, хотя отдельные представители их, естественно, появлялись здесь и раньше. Вначале это были в основном военнотружущие, чиновники ферганской администрации, которых к началу 1877 г. было всего 624 человека, если не считать нижних чинов⁹².

Царское правительство понимало, что только что завоеванный край необходимо заселить в первую очередь отставными и запасными чинами, которые в случае нужды составили бы на окраине военную силу⁹³. Но привилегии, которые давала военная служба в Ферганской области, были не очень велики и не соответствовали ни требованиям службы на окраине, ни увеличивавшейся год от года дороговизне жизни. К этому добавлялись отсутствие железной дороги и учебных заведений для детей военнотружущих и

чиновников. Все это не только не привлекало на службу в Фергану, но даже не способствовало удержанию здесь тех, кто уже служил в области⁹⁴. Но солдат, которые выписывали со временем жен и детей, оставалось в Фергане немало⁹⁵.

Решение царского правительства заселить Туркестан, и Ферганскую область в том числе, русскими крестьянами пришло не сразу. Было немало доводов против этого акта. В 1883 г. военный министр писал: “Дело (колонизация – С.Г.) осложняется тем, что земли здесь должны орошаться искусственно, к чему, во-первых, не привык русский крестьянин, а во-вторых, требуются на это дополнительные денежные расходы, в-третьих, все удобные для земледелия места заняты местным населением, киргизами и сартами. И отнятие у них земель для водворения русских поселений может только произвести общее неудовольствие населения, что без пользы для обороны края”⁹⁶.

В Ферганской же области, по признанию военного губернатора ее, колонизация вообще была бы затруднена вследствие и без того чрезмерной заселенности края⁹⁷. Кроме того, русская буржуазия, нуждавшаяся в среднеазиатском хлопке, понимала, что давать земли русским переселенцам, не знакомым со способом выращивания хлопчатника, в Средней Азии нерентабельно, особенно, если эти земли уже освоены.

Но в 80-е годы в переселенческой политике царизма наметился некоторый поворот к поощрению крестьянской колонизации Туркестана, что в значительной степени было связано с аграрным кризисом, который возник в России после отмены крепостного права, развитием и укреплением капиталистических отношений, назреванием революционной ситуации. Скорейшее заселение русскими Туркестана вообще, и Ферганы в частности, стало необходимо царской администрации во многих отношениях⁹⁸.

Среди различных причин была и “необходимость сдерживать местное население от повстанческих замыслов”⁹⁹. Особенно упорно заговорили в официальных кругах о необходимости заселить Ферганскую область русскими после ряда народных выступлений, прокатившихся по Ферганской долине, в

том числе и так называемого Андижанского восстания 1898 г.¹⁰⁰ Кроме того, в условиях постоянного англо-русского соперничества в Средней Азии, в обстановке обострившихся отношений с Кашгарией (не без вмешательства Англии) русские поселения в Фергане должны были стать оплотом на границе с Восточным Туркестаном¹⁰¹. И, наконец, усиление русского элемента в крае путем колонизации было и самостоятельно поставленной целью еще при первом генерал-губернаторе Туркестана К.П. фон-Кауфмане¹⁰².

Колонизация Ферганы началась в 1891 г.¹⁰³, хотя носила, как и вообще в Туркестане, по признанию самой царской администрации, непланомерный, в значительной степени стихийный характер¹⁰⁴. К 1903 г. в Ферганской области усилиями администрации было устроено всего семь русских поселков с 679 дворами и общим числом взрослого населения 3494: три поселка в Андижанском уезде, два – в Ошском, по одному – в Маргиланском и Наманганском уездах¹⁰⁵. В следующее десятилетие шло самовольное беспорядочное переселение, и не было официально устроено ни одного поселка. А в 1913 г. было создано сразу 28 поселков, свыше 300 хуторов и официально признаны три прежних самовольно созданных переселенцами поселка¹⁰⁶. В целом же к 1916 г. в крае было водворено 68 селений с 2897 дворами в них¹⁰⁷.

Земельный фонд для переселенцев создавался за счет насильственного изъятия земель, как обработанных, так и необработанных, у местного, главным образом, полукочевого населения, что было явным грабежом. В Ферганской области было изъято у местного населения 75000 десятин¹⁰⁸. Естественно, что подобная несправедливость царской администрации вызывала озлобление у исконного населения Ферганы, переходящее во враждебность ко всему русскому. Случались даже столкновения между местным населением и русскими переселенцами из-за земли и воды. Правда, со временем в некоторых районах кыргызы сами начали охотно сдавать в аренду или продавать земли русским крестьянам, так как стали извлекать из этого выгоду¹⁰⁹.

Переселенцы были из самых различных губерний России: Харьковской, Полтавской, Киевской, Екатеринославской, Саратовской, Самарской, Воронежской, Тульской, Астраханской, Курской, Ставропольской, Оренбургской, из Области Войска Донского, из Сибири, Кавказа, северной России¹¹⁰. Национальный состав их был довольно однороден. Это были преимущественно русские, украинцы, белорусы, так как по “Положению об управлении Туркестанского края” к переселению допускались лишь “русские подданные христианского вероисповедания, принадлежащие к состоянию сельских обывателей”¹¹¹.

Почти все русско-украинские поселки были устроены в северных, северо-восточных и восточных предгорьях долины (Маньякская и Куршабская волости Ошского уезда; Базаркурганская, Джалалабадская, Кугартская, Узгенская, Яссынская, Багышская волости Андижанского уезда), сельскохозяйственные условия которых приближались к привычным для русского и украинского крестьянина, а именно здесь можно было обходиться без искусственного орошения. Только Русское село было основано на месте нескольких кишлаков Минг-Тюбинской волости Андижанского уезда*, и поселенцы получили здесь орошаемые земли.

Но большая часть европейского населения, прибывшего в Фергану, оседала в городах, где были сосредоточены русская администрация, промышленность и торговые предприятия. Так, в 1907 г. в Ферганской области было 24346 русских, украинцев, белорусов; из них в городах было 14722 человека, а в сельской местности – всего 9624 человека¹¹³. И это после усиленной крестьянской колонизации!

Как и во всех туркестанских городах, в ферганских появляются новые части, заселенные исключительно европейским населением. Для этого администрация опять-таки отчуждала у местного населения земли. Например,

---

* После восстания в Минг-Тюбе в 1898 г. это селение и ряд окрестных были стерты с лица земли, а на это место водворили русских поселенцев. Так возникло в 1899 г. Русское село в 200 дворов. Коренных жителей Минг-Тюбе выселили в соседнее село Какыр, которое переименовали в Мархамат, что значит “милосердие”¹¹².

в Коканде для расширения русской части города у местных жителей было отчуждено 100000 кв. саженой земли¹¹⁴. Только Новый Маргилан, переименованный впоследствии в Скобелев, был задуман исключительно как русский город.

И еще один наплыв русских в Фергану имел место в Первую мировую войну, когда стали прибывать беженцы из западных районов России. За короткий срок Туркестан, и Ферганская долина в том числе, был буквально переполнен беженцами. По состоянию на 19 ноября 1915 г. в Ферганской области были размещены 21000 человек¹¹⁵, что равнялось почти всему русскому населению, имевшемуся в долине. Ферганская область, как и вообще Туркестан, не была готова к приему такого количества беженцев. Болезни, непривычный климат, плохие бытовые условия приводили к большой смертности среди них. А составы все прибывали и прибывали, в том числе ошибочно, из направленных в Уфу, Сибирь и т.д. Все это вынудило правительство издать приказ о переправке несчастных из Туркестана в другие губернии России¹¹⁶. В результате, на 1 июня 1916 г. в Ферганской области осталось всего 2464 беженца¹¹⁷. Таким образом, европейское население Ферганы пополнилось и в период Первой мировой войны.

Несмотря на усиление в начале XX в. переселенческого движения и появление большого числа русско-украинских поселков и хуторов, увеличение европейского населения в городах, общее число его в Фергане было невелико. По состоянию на 1910 г. европейского, преимущественно русского населения здесь было чуть больше 2%¹¹⁸. Но этот небольшой процент был господствующим, насаждавшим свою волю, свою политику, что вело, естественно, к усилению враждебности со стороны местного населения к русским.

Этому способствовали и политика дискриминации, проводившаяся царизмом в отношении нехристиан, и то, что большинство должностей в государственных учреждениях области, как и вообще в Туркестане, стали занимать русские. Участие местного населения в городском и областном

самоуправлении было незначительным¹¹⁹. Этому способствовало и то, что официальным языком государственных учреждений стал русский язык. Даже прошения и жалобы от местных жителей принимали только на русском языке, для чего просители прибегали к услугам писарей, толмачей или так называемых доверителей. Архивы пестрят подобного рода документами на русском языке. Этому способствовал и тот, наконец, факт, что среди чиновников царской администрации было немало солдафонов, карателей, казнокрадов и просто малообразованных людей.

Это с одной стороны. С другой стороны, тот экономический подъем, который начался в Туркестане, в том числе и Ферганской долине, с приходом русских, а также появление здесь прогрессивно настроенной интеллигенции, среди которой, кстати, были и представители царской администрации, появление здесь прогрессивно настроенных рабочих – все это не могло не оказать положительного влияния на приобщение народов Туркестана к русской, а через ее посредство к общеевропейской культуре, а значит, не могло не оказать благотворного влияния на сближение народов.

Сближение русских с коренным населением Ферганы проходило в двух социальных плоскостях. Местная аристократия, вернее, отдельные представители ее, в которых царские власти искали опору для проведения своей политики, всячески пытались, во-первых, доказать свою преданность новой власти, а во-вторых, продемонстрировать соотечественникам свою принадлежность к господствующей верхушке. Они и одеваться стали по-европейски, и меблировать жилища по европейскому образцу, и даже дома строить, как европейцы, с окнами на улицу¹²⁰, хотя все эти внешние проявления “обрусения” были далеки от истинного сближения с русскими. Но шел и естественный процесс интеграции прибывшего европейского населения с местным.

Планируя колонизацию Ферганы, царская администрация предполагала не только создать из русских переселенцев “оплот к умиротворению туземцев”, но и была уверена в том, что русские крестьяне станут “добрым учителем в

земледельческом хозяйстве”¹²¹. Правда, как совершенно справедливо писал В.В. Бартольд, “культурному влиянию русских крестьян могли подвергаться преимущественно кочевники, находившиеся в стадии перехода к оседлости”¹²². В Ферганской долине это были преимущественно кыргызы, в кочевьях которых возникли русские поселения. Более или менее ощутимо это могло быть в Кугартской волости Андижанского уезда, где русских было в 1908 г. 35%, а кыргызов – 65%.¹²³ В остальных волостях влияние это не могло быть ощутимым, так как процент русских в них был очень небольшим: в Яссынской волости того же уезда русских было всего 10%, в Узгенской – 4%, Базаркурганской – 2%¹²⁴.

И тем не менее кыргызское население выучилось у русских приемам улучшенной обработки почвы, что содействовало увеличению урожая, научились уходу за скотом в зимнее время, пчеловодству. С приходом русских у кыргызов большим спросом стала пользоваться русская коса, а это привело к тому, что кыргызы стали запасать на зиму сено. Даже сарты стали косить ею люцерну.¹²⁵ Местные крестьяне стали пользоваться и лемешным плугом вместо омача, и каменным катком для молотбы вместо волов, и русскими веялками¹²⁶. Появились в Ферганской долине, как и вообще в Туркестане, такие сельскохозяйственные культуры, как картофель, капуста, белокочанная и цветная, помидоры, сахарная свекла, овес¹²⁷. Была сделана попытка ввести в Фергане тонкорунное овцеводство, в частности, в Наманганском уезде К. В. Соловьевым, пионером русского фабричного дела в Туркестане¹²⁸.

Но главное значение устройства русских поселений в Ферганской долине заключается в том, что с приходом русских усиливается проникновение в кочевья товарности. В прежние времена у кыргызов, кочевавших, например, в местности Кетмень-Тюбе (как и в остальных предгорьях Ферганы), земледелие носило подсобный характер, и незначительные посевы пшеницы, ячменя, проса производились исключительно для собственного потребления. Когда же в Кетмень-Тюбе провели дорогу (с тем, чтобы узаконить здесь самовольный русский поселок) и появилась возможность вывозить излишки

сельскохозяйственных продуктов, “киргизы начинают расширять свои запашки, и теперь ежегодно вывозят незначительное количество пшеницы на базары Наманганского и Андижанского уездов”¹²⁹.

Древние земледельцы края, сарты, тоже выучились у русских кое-чему в области земледелия. В частности, в селении Ассака, почти сплошь сартовском, в 1908 г. был впервые местным населением построен шлюз – ирригационное сооружение по европейскому образцу “из жженого кирпича, на цементе, с бетонным фундаментом и железными щитами”¹³⁰. Но в целом соперничать русским с местными земледельцами было трудно. Здесь, скорее, шел обратный процесс. Русские сами учились у узбеков и таджиков орошаемому земледелию, особенностям местного садоводства, виноградарству.

Русские (и украинцы) сеяли в основном яровую пшеницу, рожь, овес, кукурузу, картофель, клевер, лен. Так, на 100 десятин посевов у русских поселенцев приходилось 93,83 – на зерновые и картофель, 3,59 – на кормовые травы и только 2,09 – на хлопок¹³¹. Объясняется это тем, что это были привычные для них культуры. Кроме того, выращивать именно их вынуждали и обстоятельства. Почти все русские поселения находились примерно на высоте 800 – 2500 м над уровнем моря, где хлопок не успевал бы вызреть. В результате, как писал в отчете за 1913 г. ферганский военный губернатор, “на долю русского переселенца выпало снабжение хлебом населения долины, занятой преимущественно посевами хлопка”¹³².

Попытки русских выращивать хлопок, эту высокотоварную, но очень трудоемкую культуру, видимо, кончались неудачей. Те русские крестьяне, которые поселились в Русском селе и имели большое количество освоенной орошаемой земли, стали заниматься более выгодным выращиванием хлопка¹³³. Но и здесь, наряду с хлопком, продолжали высевать привычную пшеницу, причем не только для собственных нужд, но и для продажи. Так, на Араванском базаре, куда стекались покупатели и продавцы не только окрестных селений, но и предгорий (а из предгорий, как уже говорилось, в основном привозили

пшеницу), одними из главных поставщиков пшеницы и муки были русские из Русского села¹³⁴.

Правда, были среди русских крупные землевладельцы, которые на своих плантациях выращивали преимущественно хлопок. Одним из них был А.В.Петренко, который имел 50 десятин орошаемой земли, из которых 42 десятины были заняты под хлопком. Кроме того, он арендовал еще 10 десятин под хлопок же. Плантадорами были и некие Бадамов, Томич, Кудрин, Березюк, Бенковский¹³⁵, и прадед ферганца М. Шакирова*, земля которого (прадеда – С.Г.) находилась на территории современных селений Бешбала и Кучкарчи близ города Фергана¹³⁷. Но все эти земли обрабатывались чайрикерами из числа узбеков и кыргызов¹³⁸. В целом же, как писал В. И. Масальский, ”во всем крае едва ли наберется два десятка русских хозяйств, удачно ведущих свои наделы”¹³⁹.

Основными районами взаимовлияния русского (украинского, белорусского) и местного населения были, естественно, города и городки, где больше всего было сосредоточено европейского населения, и оно продолжало расти. За десятилетие, например, с 1897 по 1907 г., европейское население городов возросло на 60,58%¹⁴⁰. Врачи, инженеры, землеустроители, ирригаторы, агрономы, ветеринары и представители других профессий, имевших дело с местным населением, были в основном из числа русских, украинцев, белорусов. Так, отец известного среднеазиатского этнографа А.К.Писарчик, родившийся в Коканде, был белорусом и работал землемером в Кокандском земельном отделе и при земельных тяжбах отстаивал интересы простых людей¹⁴¹. Известный востоковед М.Ф.Гаврилов работал секретарем и классификатором хлопка в Кокандском биржевом комитете¹⁴². Выпускник факультета восточных языков Петербургского университета Д.М.Граменицкий работал в Оше уездным судьей¹⁴³. Дед Л.Б.Биркиной, жительницы Ферганы, Савин, приехавший в Ферганскую долину в 80-х годах XIX в. из Украины, был

---

* Прадед узбека М. Шакирова был украинцем, который женился на узбечке-сартянке. Со временем он подвергся сильному узбекскому влиянию, прекрасно говорил по-узбекски¹³⁶.

ирригатором. Отец ее, Б.Биркин, сам уже родившийся в Коканде в 1886 г. был врачом в городе Скобелеве. Отец жителя Ферганы Б.М.Ищенко, украинца, родившегося в Скобелеве, был бухгалтером, а мать – учительницей в первой (женской) гимназии этого города¹⁴⁴.

Именно трудами русской интеллигенции, среди которой было немало и представителей царской администрации, впервые и относительно всесторонне была обследована Ферганская долина, как и Туркестан в целом. Статистические, экономические, этнографические, санитарно-гигиенические и другие описания Ферганской области Русского Туркестана до сих пор служат одним из главных источников при изучении края. Исследования И.В.Мушкетова, П.П.Федченко, Н.А.Северцова, А.Ф.Миддендорфа, В.П.Наливкина и М.Наливкиной, В.И.Кушелевского, П.Е.Кузнецова, Н.Ф.Ситняковского и многих других заложили не только первые камни в серьезном изучении края и истории коренных народов долины, но и основы будущего сближения русского, украинского, белорусского и представителей других европейских народов с местным населением Ферганы.

Особенно впечатляет жизнь и деятельность супругов Наливкиных, в течение многих лет добровольно проживших с детьми в нелегких условиях среднеазиатского кишлака (в селении Нанай Наманганского уезда), изучая язык, быт, обычаи и нравы узбеков, таджиков, кыргызов, и оставивших целый ряд книг, статей, очерков о Фергане и ее населении. Между прочим, В.П. Наливкин был одним из представителей царской администрации. Он последовательно был старшим помощником начальника Наманганского уезда, младшим чиновником особых поручений при Туркестанском генерал-губернаторе. И, наконец, в тот период, когда военным губернатором Ферганской области стал Г.А. Арендаренко, В.П. Наливкин был назначен его помощником. И на этой должности он решительно боролся со всякими злоупотреблениями чиновников, с их незаконными действиями, направленными против местного населения. Кстати, и сам Г.А. Арендаренко был незаурядным человеком, с большим уважением относившийся к местным

жителям, знал их обычаи, обряды, написал много работ о Туркестане, в том числе известные “Досуги в Туркестане”¹⁴⁵.

Созданное в 1892 г. Ферганское медицинское общество не только пропагандировало элементарные знания по медицине, санитарии, но и открывало для местных жителей врачебные пункты, амбулатории, больницы, часто бесплатные¹⁴⁶, что не могло не вызывать благодарных чувств со стороны их пациентов к этим энтузиастам своего дела.

Одними из них были супруги Д. К. и М. А. Гейштор, прибывшие в Туркестан из Санкт-Петербурга, как и большая часть прогрессивной интеллигенции, по велению сердца. Вся нелегкая, полная лишений их жизнь была подвигом во имя здоровья местного населения. Особенно нелегко было Марии Алексеевне, которая заведовала “Наманганской лечебницей для туземных женщин и детей” (Дмитрий Константинович работал старшим врачом в госпитале). К незнанию языка, к общей предубежденности со стороны местного населения ко всему необычному, в том числе и медицинской помощи, добавлялось и затворничество женщин. Марии Алексеевне стоило немало труда, чтобы преодолеть эти барьеры. А в 1892 году, в страшный год эпидемии холеры, эта маленькая женщина проявила не только страстное и бескорыстное желание помочь людям в беде, но и непомерное мужество. Не случайно она стала первой женщиной-врачом в Туркестане, награжденной золотой медалью “За усердие”. Мария Алексеевна привлекала к медицинской деятельности и местных жителей. Ее верными помощниками в оспопрививании, например, стали Турсун Алимов, Хасан Бабаханов и многие другие, которых она подготовила¹⁴⁷.

Любимцем местных жителей был упомянутый врач Борис Биркин, чья дача находилась в нескольких километрах от города Скобелева, в селении Акарык (в середине и конце XX в. на месте этой дачи находился пионерский лагерь “Зорька”, но в народе его больше называли “Биркина дача”). Он бесплатно лечил не только всех окрестных жителей, но и их скотину. И сам Биркин, и вся его семья знали узбекский и таджикский языки (в Акарыке жили

и узбеки, и таджики), принимали участие во всех событиях махалли, узбекские и таджикские ребята постоянно играли с детьми Биркина, Людмилой и Маргаритой, на их даче. А когда одна из дочерей Биркина, Людмила, вышла замуж за друга детства, узбека по национальности (это было уже в советское время), ни ее родители, ни родители жениха не возражали против этого брака: так велико было взаимное уважение¹⁴⁸.

Одним из путей приобщения местного населения к европейской культуре, по мысли царского правительства, должно было стать создание учебных заведений для местного населения с преимущественно русским языком обучения. Ими стали русско-туземные школы и училища. В 1896 г. в Ферганской области было открыто два русско-туземных училища (в Коканде с 7 учащимися и Старом Маргилане с 18 учащимися) и шесть русско-туземных школ (в Намангане с 23 учащимися, в Оше – с 20, Чусте – с 18, Ходженте – с 20, Андижане – с 24)¹⁴⁹. В них русские преподаватели обучали разговорному русскому языку, чтению, письму, арифметике, элементам русской истории и географии. Преподаватели из местных национальностей обучали детей родному языку и мусульманскому вероучению¹⁵⁰.

Предполагалось, что эти школы станут народными и будут открыты повсеместно. Они “должны были проводить в среду туземного населения русскую грамоту и культуру и служить средством для просвещения и слияния с русскими всей массы туземного населения”, писал директор народных училищ Сырдарьинской области С.Граменицкий¹⁵¹. Но по его собственному признанию и судя по вышеприведенным цифрам, эти школы имели мало успеха, видимо, потому, что преподавание в них велось не на родном языке. И, тем не менее, русско-туземные школы сыграли определенную роль в деле приобщения местного населения к русской и европейской культуре, в деле подготовки кадров местной интеллигенции.

Во многих из них работали опытные, преданные своему делу учителя. Преподавательскую деятельность они сочетали с изучением истории края, со сбором этнографических, археологических материалов. Одним из них был

М.С.Андреев, впоследствии известный ориенталист, который заведовал сначала вечерними курсами для таджикского населения в Ходженте, а через некоторое время стал инспектором народных училищ в Ходжентском и Джизакском уездах. При этом он много сделал для увеличения школ в подведомственных ему районах, для поднятия качества обучения¹⁵².

Некоторое время работал в городе Ош учителем крупный востоковед В.Л.Вяткин¹⁵³. Упомянутый выше В.П.Наливкин с 1890 г. работал инспектором Туркестанского округа по надзору за мусульманскими и русско-туземными школами¹⁵⁴. С большой теплотой вспоминал первый президент АН УзССР Т.Н.Кары-Ниязов, который учился в русско-туземной школе города Скобелев, своего учителя Г.В.Андреева¹⁵⁵. В русско-туземной школе города Коканд учился поэт-демократ, основоположник узбекской драматургии, композитор Хамза Хаким-заде Ниязи¹⁵⁶, в Андижане – крупный специалист в области теории и истории литературы Средней Азии З.Ф. Раджабов¹⁵⁷. Испытали на себе благотворное влияние русских прогрессивно настроенных интеллигентов лучшие представители общественно-литературной мысли Узбекистана поэты-демократы и просветители Фуркат, Завки, Анбарниса, жизнь и деятельность которых была в значительной степени связаны с Ферганской долиной¹⁵⁸.

На рост прогрессивных идей среди местного населения Ферганы оказывало влияние и общение его с передовыми русскими, украинскими, белорусскими рабочими на заводах, фабриках, нефтепромыслах, озокеритовых копях, рудниках, железнодорожных станциях, которые стали возникать в Фергане. Русские обучали местных жителей ремеслу рабочего и тем самым способствовали формированию местных национальных кадров рабочего класса. А это уже само по себе интенсифицировало интеграционные процессы в Ферганской долине, способствовало преодолению психологического барьера, усвоению рабочими из местных жителей элементов европейской культуры, русского языка.

Большую роль в сближении русских, украинцев, белорусов и местных жителей не только в городах, но и сельских местностях сыграли революционно

настроенные рабочие, участники революционных выступлений 1905 г. Одним из них был отец ферганца А.Г.Винярского (украинец, 1909 г.р.). Был он (отец) уроженцем Киевской губернии. Будучи взрослым, попал в Красноярск, где работал слесарем-механиком в железнодорожных мастерских. Принимал активное участие в революционных выступлениях 1905 г. После поражения революции бежал вместе со многими рабочими в Ферганскую долину. Сначала он с женой устроился в Намангане, затем ушел с единомышленниками в горы вверх по реке Нарын в местечко Кетменьтюбе. В Кетменьтюбе беженцы (а их было 12 семей, часть из которых бежала с Винярскими из Красноярска) построили глиняные мазанки по типу украинских (а все семьи были украинскими) с двухскатными крышами, обзавелись хозяйством. Сначала их поселение было нелегальным (“самовольным”), но затем его узаконили, хотя и с большими трудностями. Взаимоотношения с кыргызами, жившими рядом, были дружественными. Отец информатора был очень грамотный, много знавший, справедливый, а потому пользовался уважением не только среди своих односельчан, но и среди кыргызов, которые часто обращались к нему за советом. Его беседы с кыргызами на атеистические и революционные темы не пропали без следа. Но за это он поплатился жизнью: в 1914 г. его убили кулаки из разбогатевших переселенцев.

Передовые, прогрессивно настроенные интеллигенты и рабочие из европейцев почти всегда выучивались местным языкам. И это было связано не только с потребностями, возникающими у малых этнических групп в инонациональной среде (в конце концов они были представителями господствующего в данный момент этноса), сколько с тем глубоким уважением, которое они испытывали к коренному населению Ферганы (как и вообще Туркестана), к его культуре, к его истории. А такое отношение не могло не сказаться на росте самоуважения у местных народов края, на укреплении их самосознания, не могло не способствовать появлению первых ростков дружбы между ними и русскими (украинцами, белорусами и др.).

Татары в Ферганской долине

Сколько было в Ферганской долине татар в рассматриваемый период, сказать трудно, но число их после присоединения Кокандского ханства к России год от году росло. Если в 1882 г. в Ферганской области было зарегистрировано только 37 татар¹⁵⁹, что, думаю, было далеко от действительности, то в 1907 г. их в области было зарегистрировано уже 1323 человека¹⁶⁰. К 1913 г. число татар в крае увеличилось по сравнению с 1907 г. больше чем вдвое¹⁶¹.

Появились татары в Туркестане, в том числе и Фергане, задолго до присоединения края к России. Многие прибыли в начале и первой четверти XIX в.¹⁶², а, может быть, и раньше. Значительная часть их попала в Среднюю Азию в качестве студентов медресе Бухары и Самарканда, издавна считавшихся центрами богословского образования в мусульманском мире. Немало татар прибыло вместе с русскими войсками: одни в качестве солдат и офицеров, другие как переводчики и маркитанты и т.д.¹⁶³. После присоединения Кокандского ханства к России из внутренних губерний империи, в частности, из Казанской, Уфимской, Оренбургской, Томской, Тобольской и др., из Петропавловского уезда, из городов Верный, Аулие-Ата и т.д. прибыла новая волна татарского населения¹⁶⁴.

Приведу лишь несколько примеров из своего полевого материала. Шарафитдин Джалалитдинов (1870 г.р.), родом из Казани, попал в Андижан солдатом царской армии. После окончания срока службы устроился чернорабочим на хлопзавод, принадлежавший сарту Миркамил-баю*. Вскоре некий Алия-ата, тоже татарин из Казани, богатый владелец фаэтонов, предложил ему, как земляку, перейти работать к нему. Сначала Джалалитдинов работал у него конюхом, а затем ему доверили ездить на фаэтоне, т.е. работать

---

* Миркамил-бай был очень богатым человеком. Среди бедняков Андижана была популярна песенка со словами: "*Миркомил-бойга карзим йук, дуттим доим чамбарак*", т.е. "Я ничего не должен Миркамил-баю, поэтому края моей тюбетейки постоянно загнуты вверх". Беззаботность якобы выражалась тем, что края тюбетейки заворачивали наверх, образуя как бы ободок – *чамбарак*.

извозчиком. А со временем хозяин за хорошую работу дал ему старую коляску, лошадь, и Джалалитдинов стал самостоятельным извозчиком*.

Хасан Енгальчев (1897 г. р.) приехал в Тюракуртан Наманганского уезда в 1914 г. из нынешнего Вознесенского района Нижневогурской области по вызову своего родственника Ариф-ака, служившего приказчиком в лавке кокандского узбека (сам Ариф-ака прибыл сюда в 1910 г.). Мой информатор устроился работать на хлопковом пункте, где принимал хлопок от местного населения. Приходилось ему собирать хлопок и по дворам. За работу он получал 10 – 12 рублей в месяц и жил на квартире у скупщика хлопка.

По словам Абдурахмана Кадыралиева, татарина из Ульяновской области (1907 г.р.), тесть его был буровым мастером в Баку. С открытием в 1904 г. нефтепромысла в Ферганской долине, в Чимионе, тестя пригласили из Баку как хорошего специалиста. Было это в 1910 г. На Чимионском нефтепромысле вообще работало очень много татар, которые прибыли сюда сразу после открытия его. Одним из них был Лутфулла Мазитович Сафиулов (1895 г.р.), который пришел сюда подростком и проработал всю жизнь, пройдя путь от рабочего до директора нефтепромысла.

По данным 1907г. в городах Ферганской области было зарегистрировано 1056 татар, тогда как в уездах – всего 277 человек¹⁶⁵. Для такого неравномерного расселения были свои причины.

В самом начале колонизации Туркестана царская администрация признавала, что татары “не только не приносят вреда, но, напротив, зная русские ремесла, служат хорошим проводником знания в среде туземцев, с которыми им пришлось сродниться”¹⁶⁶. Но со временем татар стали воспринимать уже как нежелательный элемент в крае. Статья 262 “Положения об управлении Туркестанского края” от 1887 г. распространялась в том числе и на татар, башкир и других мигрантов как на “нехристиан” и “инородцев”, не принадлежавших к местному населению. Татары, поселившиеся в крае после прихода сюда русских, как и среднеазиатские евреи, и другие, были лишены

---

* Записано от дочери Шарафиддина Джалалиддинова Султановой Асмы Шарафовны (1908 г.р.).

права приобретать в Туркестане, в том числе и Фергане, земли и вообще недвижимость, т.е. фактически были лишены права иметь свой угол.

Со временем ограничения в этом плане стали ощущать даже те татары, которые поселились в крае до прихода русских¹⁶⁷. На многочисленные прошения татар, как личные, так и от татарских обществ Ферганской области (а также Самаркандской и Сырдарьинской областей), направленные военному министру России, пересмотреть существующее положение хотя бы для тех, кто когда-то проливал кровь “за царя и отечество”, принимая участие в покорении Туркестана, и в частности Кокандского ханства, приходил отказ¹⁶⁸. Татары, как и евреи, должны были удостоверять свою принадлежность к местному населению, т.е. доказывать, что они поселились в крае до прихода русских¹⁶⁹. За всеми татарами в Туркестане вообще был установлен тайный надзор, а в административных органах областей имелся полный подворный список их¹⁷⁰. Все эти меры, дискриминирующие татар, заставляли их или скрываться от переписей¹⁷¹, или, что было нечасто, называться сартами¹⁷².

Занятия татар в Туркестане, в том числе и Ферганской долине, были самые разнообразные: писцы, служители мечетей, приказчики, лавочники, купцы, разъездные торговцы, маклеры, караванбаши, скупщики, ювелиры, каменщики, плотники, столяры, кузнецы, портные, сапожники, мастера по шитью шапок, изготовители свеч, булочники, дроворубы и т.д.¹⁷³ Кроме того, из числа татар русские власти предпочитали брать переводчиков¹⁷⁴, проводников, руководителей изыскательных партий¹⁷⁵. Из их числа также назначались сборщики налогов и волостные управители¹⁷⁶.

Татары одними из первых стали работать на появившихся в Фергане заводах, нефтепромыслах, озокеритовых коях, рудниках. Сыграли они значительную роль и в деле укрепления торговых контактов между полукочевниками и оседлыми жителями долины. Но особенно много было среди татар учителей. Не случайно старшее поколение ферганцев (как и среднеазиатов вообще) вспоминают о них, прежде всего, как об учителях.

Трудно переоценить роль татарской интеллигенции в развитии местной национальной школы и печати, в подготовке кадров местной интеллигенции.

В конце XIX – начале XX в. пробуждающийся мусульманский мир России, в первую очередь крымских и казанских татар*, охватили новые идеи, появившиеся под влиянием младотурецкого движения (а у младо-турков, в свою очередь, под влиянием европейской культуры). Эти идеи были направлены “против косности, невежества (существовавшие на протяжении веков в мусульманском мире – С.Г.) и разрозненности мусульманства, остановивших дальнейшее развитие мусульманской культуры”¹⁷⁷.

Движение просвещенных мусульман, получившее название “джадидизма” (о происхождении названия см. ниже), было явлением сложным. Наряду с культурно-просветительскими идеями оно имело и религиозно-националистические (панисламистские и пантюркистские) черты¹⁷⁸. На начальных этапах сближения татар с остальным мусульманским миром России, в том числе и Средней Азии (а в Средней Азии просветителями были в основном казанские татары), способствовала именно идея принадлежности их всех к мусульманству. Но в основе этого движения было прогрессивное начало. Как писал И.И. Умняков, “стремление к свободе, просвещению и знанию с Поволжья постепенно распространяются на восток и юг. Татары в одежде купца, мелкого торговца, ремесленника становятся проводниками новых идей”¹⁷⁹.

Главным способом разбудить мусульманский мир России от многовековой спячки должны были стать так называемые “новометодные школы”, обучение в которых проводилось по прогрессивному звуковому методу**. Они призваны были дать всем тюркским народам России, в том числе и среднеазиатским, светское образование на родном языке, причем на языке, очищенном от арабизмов, близком к разговорному, а значит, доступном всем слоям населения. Особенно заинтересована была в новой школе зарождавшаяся

---

* Как известно, крымские и казанские татары в силу особых исторических условий раньше других народов России приобщились к русской, а через ее посредство к европейской культуре.

** Араб. *джадид усул* означает “новый метод”. Отсюда название движения “джадидизм”.

местная буржуазия, которая нуждалась в грамотных, по-европейски образованных работниках. Этой задачи не могла выполнить старометодная схоластическая мусульманская школа, которая была в основном конфессионального характера, а значит, давала только религиозные знания. Кроме того, в старометодных школах для обучения элементарной грамоте, особенно письменной, требовалось несколько лет, в то время как в новометодных школах для этого было достаточно нескольких месяцев¹⁸⁰

Уже через несколько месяцев после своего появления татарская новометодная школа (а создателями этих школ в Туркестане, в том числе и Фергане,, “были исключительно татары, прибывшие из внутренних губерний России”, – писала царская администрация¹⁸¹) стала оказывать влияние на местную¹⁸².

Даже в Бухаре, этом центре мусульманского просвещения, татарские школы за короткий срок завоевали симпатии не только прогрессивной части населения, не только купечества, которое остро нуждалось в грамоте на родном и русском языках, но и мулла-бачей, т.е. учащихся медресе¹⁸³. И после официального закрытия этих школ под давлением местного духовенства татар стали тайно приглашать в качестве домашних учителей¹⁸⁴. Так велика стала потребность в просвещении.

В Ферганской области, как и во всем Туркестане, новометодные школы появились в конце XIX в.¹⁸⁵. К 1908 г. здесь официально было зарегистрировано 36 школ с 1306 учениками¹⁸⁶. Но, думается, эти данные очень занижены, так как только в городе Андижане этих школ было 18¹⁸⁷, а, кроме того, они были почти в каждом более или менее значительном селении. Причем были как мужские, так и женские (в женских учительствовали татарки).

Одна из таких школ (местное население называло их не иначе как *ногай мактаб*, т.е. “татарские школы”) была в кишлаке Катаган Тюракурганской волости Наманганского уезда. В ней учился Киргизали Казаков (узбек, 1882 г.р.), который при беседе со мной вспоминал о ней с большой теплотой. Занятия проводились в мечети. Посещали школу 60 мальчиков. Учитель-

татарин Захид Наджимов учил их родному языку, арифметике, чтению Корана. Причем до обеда занимались только родным языком, после обеда – арифметикой. Коран же учили только по пятницам. Когда завершалась программа по родному языку, учитель давал и элементарные знания по русскому языку (в пределах букваря). Кроме того, Захид Наджимов при всяком удобном случае пропагандировал среди местного населения важность просвещения. Делал он это разными способами. Один из них был следующий. Когда в кишлаке у кого-либо было торжество (той по поводу обрезания, свадьба и т.д.), а значит, собиралось много народу в одном месте, учитель водил туда своих учеников. Здесь он обращался к собравшимся с речью о необходимости обучения детей, а ребяташки демонстрировали свои знания. Заодно здесь детей кормили. По улице ученики шли строем и пели маршевые песни. Одна из них кончалась словами: *“Уқит бизни, азиз отам...* тошдай котам. Хечна курмай, хечна билмай, ихтиёрсиз арам ётам”*, т.е. “Учи меня, дорогой отец, (иначе) я застыну, как камень. Ничего не видя, ничего не зная, невольно пропадаю зря”.

Учились в этой школе в течение двух лет по шесть месяцев в году в весеннее-летние месяцы. Зимой занятия не проводились из-за холодов: ни дома, ни тем более мечети, как известно, не отапливались. По окончании школы ученики сдавали экзамены и получали свидетельство об окончании ее. При этом учитель давал и устную характеристику каждому ученику, и рекомендации, где тот или иной ученик мог бы применить свои знания. Плохо учившийся свидетельство не получал.

С таким же уважением и почтением вспоминали о своих учителях-татарах Мадьяров Кузубой (узбек, 1900 г.р.) из селения Саримсоклик Ходжентской области, Имамходжа Рахимов (узбек, 1907 г.р.) из Бешарыка, Набиджан Маруфов (узбек, 1910 г.р.) из селения Шаханд Тюракурганского района Наманганской области и многие другие. И все отмечали в них высокую

---

* Информатору в момент беседы было 90 лет. И хотя он находился в полной памяти, некоторые его слова были, к сожалению, неразборчивы.

для того времени образованность и бескорыстное желание просветить местное население.

Новометодная школа имела гораздо больший успех не только по сравнению со старометодной школой, но и с русско-туземной, что объясняется, видимо, двумя причинами. Во-первых, татары действовали под лозунгом объединения всех мусульман, в то время как царская администрация придерживалась “системы игнорирования мусульманского духовенства и мусульманских учреждений, в том числе учебных”¹⁸⁸. А во-вторых, обучение в татарских школах, как уже говорилось, велось на родном языке, в то время как в русско-туземных школах оно велось на русском языке. Царскую администрацию в деле просвещения местного населения больше всего волновал вопрос о том, “как бы не сообщить туземцам слишком много сведений на их языке и не содействовать этим упрочению местной литературы и местных культурных особенностей в ущерб обрусению”¹⁸⁹. Естественно, что результаты подобного обучения были невелики, и даже сами работники просвещения, в частности упомянутый выше С.М. Граменицкий, а также автор многих работ по просвещению Н.А. Бобровников вынуждены были признать, что роль русско-туземных школ в деле распространения “общечеловеческой культуры” была незначительной¹⁹⁰, а “возрождение просвещения у сартов началось под воздействием татар в начале нашего столетия”¹⁹¹.

Естественно, поэтому, что царская администрация видела в татарах серьезных конкурентов в деле просвещения местного населения. И, чтобы как-то ослабить влияние их в крае, она с 1 июля 1912 г. ввела в Туркестане положение, по которому учитель в мактабах (школах) должен принадлежать к той же национальности, что и ученики, а значит, татарин не имел права обучать учеников местных национальностей¹⁹². На место татар в новометодную школу пришли сарты. И явление это само по себе уже было прогрессивным, поскольку содействовало подготовке кадров интеллигенции из числа местных жителей. Кроме того, это свидетельствовало о том, что новометодная школа действительно пользовалась успехом у местного населения¹⁹³.

Участниками демократического движения за распространение знаний среди населения новым прогрессивным методом, например, были Файзулла Ходжаев, впоследствии известный государственный деятель, первый председатель Совнаркома Узбекистана; Садриддин Айни, основоположник таджикской советской литературы; поэт-просветитель Абдулла Авлони; Фуркат – выходец из Ферганской долины, поэт, пропагандист идеи дружбы и союза с русским народом; Муками, поэт-просветитель, выходец из Коканда; Завки, поэт-сатирик, публицист, тоже уроженец Коканда; Асири, талантливый таджикский поэт, крупный мыслитель своего времени, ученик Дониша, выходец из Ходжента в Ферганской долине и многие другие. Одним из них был и Хамза Хаким-заде Ниязи, ферганец, учившийся сам в новометодной школе в городе Намангане, и на чье творчество, по его собственному признанию, оказал серьезное влияние татарин Абдулла Токмуллин, впоследствии руководитель народного образования в Намангане¹⁹⁴. В 1910 г. Хамза сам открывает школу с обучением по звуковому методу в Ташкенте, а впоследствии в Коканде, Маргилане и различных селениях Ферганской долины для бедняков, в которых сам же и учительствовал¹⁹⁵.

На пробуждение мусульманского населения Русского Туркестана оказали влияние и прогрессивная татарская печать, как привозимая из Оренбурга и Казани¹⁹⁶, так и издаваемая в Ташкенте, Ферганской долине и других районах Туркестана. А здесь она, как писал В.В.Бартольд, целиком находилась в руках татар¹⁹⁷. Татарами же были созданы и общественные читальни¹⁹⁸. Все это содействовало появлению у местного населения тяги к европейской культуре, европейскому свободомыслию, способствовало ослаблению в них религиозной нетерпимости и мусульманского клерикализма, развитию национально-освободительных идей. Как писал Файзулла Ходжаев, “в течение многих лет татары центральной России, Крыма и Кавказа влияли на весь ход политического и культурного развития народов Средней Азии”¹⁹⁹.

Джадиды выступали и против обезличивающего гнета ислама, и против произвола местных властей, и против тяжелого положения народа, чем

вызывали враждебное отношение к себе и мусульманского духовенства, и правительственных кругов²⁰⁰. Не случайно тревожилась царская администрация, не случайно стала она считать татар нежелательным и опасным элементом в крае²⁰¹. По ее собственному признанию, если за издание книг и брошюр для местного населения Туркестана не возьмутся русские, то это сделает “татарская печать, задачи и стремления которой далеко не соответствуют русским общегосударственным интересам”²⁰². Даже мусульманские благотворительные общества, которые создавались татарами и под влиянием татар²⁰³, несмотря на ярко выраженное религиозное начало, помогали объединению народов Русского Туркестана, что было не в интересах царизма.

Татары оказали значительное влияние и на материальную культуру среднеазиатских народов. В частности, резко изменилась женская мода конца XIX – начала XX в. На смену платьям туникообразного покроя (единственный тип одежды, бытовавший в Средней Азии до конца XIX в.) пришла выкройная одежда, заимствованная у татар²⁰⁴. Отрезные по талии платья с юбкой, собранной в сборку, трансформировались со временем в платья на короткой кокетке с отложным воротником и длинным вшивным рукавом, которые считаются в настоящее время узбекским национальным костюмом²⁰⁵. Появление в гардеробе среднеазиатских народов нового вида одежды, камзола, как мужского, так и женского, особого фасона кожаных галош также обязано казанским татарам²⁰⁶. В это же время появляются названия кроя и фасонов *ногай бичим*, т.е. “татарский крой”, *ногай ёка*, т.е. “татарский воротник”²⁰⁷, *казонча*, т.е. “казанский” и т.д.²⁰⁸.

Татары одними из первых в Средней Азии, задолго до прихода русских, стали разводить здесь картофель и учить этому местное население. А как отмечал В.В.Бартольд, в области сельского хозяйства разведение картофеля считалось “одним из самых существенных признаков влияния европейской культуры”²⁰⁹.

Конечно, шел и обратный процесс заимствования. Так, татары чаще всего жили в домах наподобие сартовских, особенно в старых частях городов и в селениях, готовили пищу, характерную для местного населения. Упоминавшемуся Хасану Енгальчеву, прибывшему в Фергану 17-летним юношей, сразу же понравилась узбекская кухня, и с тех пор он предпочитал ее татарской. Почти все татары усвоили местные языки, хотя между собой предпочитали говорить по-татарски.

Сближению татар и местного узбекского населения Ферганы содействовал целый ряд факторов. К важнейшим из них, несомненно, относятся близость языков и общность религии. Но не менее важный фактор – взаимная симпатия этих народов. Та большая просветительская деятельность татар не могла быть успешной, если бы проводилась без уважения к коренному населению, без любви к узбекским ребятишкам. Хасану Енгальчеву, бывшему даже не учителем, а скромным работником у скупщика хлопка, нравились у узбеков многие качества: гостеприимство, обходительность, мягкость в обращении, уважение и внимание к старшим и вообще к людям, неконфликтность, деликатность, выдержка, умение слушать, не перебивая и т.д. «Даже к детям узбеки обращаются “на Вы”», - говорил он с восхищением. При этом он с особым чувством говорил о намаганских узбеках. Возможно, потому, что он многие годы прожил именно среди них.

В свою очередь, все информаторы-узбеки, которым приходилось сталкиваться с татарами, в один голос утверждали, что это были очень грамотные и знающие люди. Муллы же из татар, по их словам, не только великолепно знали Коран, но были также очень добросовестны в выполнении религиозных треб. Большая добросовестность и ответственность в любом деле, отсутствие двоедушия, обязательность вообще отличали их, что не могло не нравиться всем тем, кто имел с ними дело. Узбеки и татары участвовали в семейных праздниках друг друга, похоронах и поминальных обрядах, словом, поддерживали самые добрые соседские отношения.

Все эти факторы содействовали и появлению смешанных браков. Упомянувшийся выше Алия-ака был женат на андижанской узбечке Хамирахон. На узбечках были женаты и Али Алимов, и Синяков (татарин-мишари) из Андижана и другие, хотя в целом такие браки не были частыми. Так, упоминавшийся выше Шарафиддин Джалалидинов смог жениться только в 37 лет, так как у него не было денег, чтобы привезти невесту из Татарии, а в Андижане, видимо, татарок брачного возраста было не очень много. Енгальчев и его родственник из Тюракургана также привезли себе жен из Татарии. Подобные случаи были, похоже, типичными для того времени.

Еще реже татарка выходила замуж за узбека. Интересно в этом отношении исследование Н. Васильева “Ташкентские татары, их браки, разводы, рождения и смертность (Статистико-бытовой очерк)”, опубликованное в 1891 г. Хотя оно было посвящено ташкентским татарам, но выводы его вполне применимы ко всем татарам Туркестана, в том числе и Ферганской области. Одной из важных побудительных причин союзов узбек-татарка, считает Н.Васильев, был недостаток в холостых мужчинах брачного возраста у татар²¹⁰. Но эти браки были непрочны, свидетельством чего было значительное число разводов между татарками и узбеками²¹¹. “Отсюда ясно, делает вывод автор, – что татары очень туги по части слияния с киргизами (казахами – С.Г.) и сартами, быть может, в силу значительного превосходства их культуры, а, может быть, вследствие издавна присущей им исключительности характера”²¹². Под “исключительностью характера”, видимо, понималось ярко выраженное уже в то время национальное самосознание у татар. По мнению историков и этнографов, татары Поволжья уже до революции были вполне сложившейся нацией, и им были присущи «такие собственно этнические признаки, как степень “национальной зрелости” языка, культуры, этнического самосознания и пр.»²¹³.

Этим объясняется и довольно редкие случаи полной ассимиляции татар узбекским населением в рассматриваемый период, даже если многие из них поселились в крае достаточно давно. Правда, политика дискриминации,

проводимая царским правительством в отношении национальных меньшинств в крае, в том числе и татар, вынуждала некоторых из них называть себя сартами, особенно, если их мать была сартяжкой, как было, например, с братьями Исхаковыми²¹⁴. Но такие случаи были нечасты.

Таким образом, несмотря на наличие многих факторов (близость языка, общность религии, взаимные симпатии обоих народов, численное превосходство узбеков, социально-политический и правовой факторы), которые должны были, казалось, привести к поглощению относительно небольшой группы татар узбеками, этого не произошло. И именно достаточно сильно развитое самосознание помогало противостоять растворению их в местной среде.

1. Статистический обзор Ферганской области за 1907 г. Скобелев, 1909. Приложение 2.
2. О расселении уйгуров в Ферганской долине в советское время см.: *Садуакасов Г.С.* Язык уйгуров Ферганской долины. Алма-Ата, 1970. С.4; *Он же.* К вопросу о взаимодействиях уйгурских и узбекских говоров Ферганы // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М., 1980. С.96; *Захарова И.В.* Материальная культура уйгуров Советского Союза // СЭС. Вып.П. 1959. С.215 – 216; *Винников Я.Р.* Современное расселение народов и этнографических групп в Ферганской долине // СЭС. Т.П, 1959. С.390; *Исхаков Г.М., Реиетов А.М., Седловская А.Н.* Современные этнические процессы у советских уйгуров // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М., 1980. С. 74.
3. *Юдахин К.К.* Уйгуро-узбекские языковые связи // Известия АН КазССР, № 85. Серия уйгуродунганской культуры. Вып. 1. Алма-Ата, 1950. С.30.
4. *Литвинский Б.А.* Исторические судьбы Восточного Туркестана и Средней Азии (проблемы этнокультурной общности) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. М., 1984. С.23.
5. *Бичурин Н.Я. (Накинф)* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3-х томах. Т. П. М. – Л., 1950; Т.Ш. 1953.
6. *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений...Т.П. С.170; *Мандельштам А.М.* Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей (с древнейших времен до X в. н.э.) // ТИИАЭ. Т. 1 – Ш. 1957. С.46, 47, 65.
7. . О ферганском уделе государства Караханидов см.: *Давидович Е. А.* Нумизматические материалы для хронологии и генеалогии среднеазиатских Караханидов. // Нумизматический сборник. Ч.П. ТГИМ. Вып. XXV1. 1957. С.91, 115; *Она же.* Вопросы хронологии и генеалогии Караханидов второй половины XII в. // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1977. С.177 – 187; *Кочнев Б.Д.* Новые нумизматические данные по истории Караханидов 2-ой половины XII – начала XIII в. // Киргизы при Караханидах. Фрунзе, 1983. С.75 – 103; *Караев О.* История Караханидского государства. Фрунзе, 1983. С.125 – 166.
8. *Риттер К.* Восточный, или Китайский Туркестан. Примечания В.Григорьева, М., 1873. С. 213; *Бартольд В.В.* Очерк истории Семиречья // Бартольд В.В. Сочинения в 9 томах. Т.П. Ч.1. М., 1963. С.84.
9. *Бабур Захириддин Мухаммад.* Бабур-наме. Записки Бабура. Ташкент, 1958. С.27.
10. *Бартольд В.В.* К истории орошения Туркестана. // Бартольд В.В. Сочинения. Т.Ш. М., 1965. С.213.
11. *Демидов С.М.* Туркменские овляды. Ашхабад, 1976. С.124 – 125.

12. О роли ходжей в Восточном Туркестане и междоусобной борьбе их см.: *Мирза-шемс Бухари*. О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре (перевод и примечания В.В. Григорьева) Казань, 1861. С.32 – 40; *Валиханов Ч.Ч.* Материалы и исследования о Кашгарии // Валиханов Ч.Ч. Сочинения в 5 томах. Т.П. Алма-Ата. 1962; *Он же* Очерки Джунгарии // Валиханов Ч.Ч. Сочинения. Т.1. Алма-Ата. 1961; *Куропаткин А.Н.* Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. СПб., 1879. С.82 – 148; *Pumter К.* Указ. соч. С.355 – 474; *Салахетдинова М.А.* Сочинение Мухаммед-Садыка Кашгари “Тазкира-и Ходжаган (жизнеописание ходжей)” как источник по истории киргизов. // ИАН КиргССР. Серия общественных наук. Т.1. Вып.1. Фрунзе, 1959 и др.
13. *Валиханов Ч.Ч.* Материалы и исследования... С.369.
14. Там же. С.368.
15. Там же. С.369; Полевой материал автора.
16. Полевой материал автора.
17. *Куропаткин А.Н.* Указ. соч. С.120 – 121.
18. *Pumter К.* Указ. соч. С.450.
19. *Валиханов Ч.Ч.* Материалы и исследования... С.172.
20. Там же. С.364.
21. Там же. С.369.
22. Там же. С. 369, 370.
23. Там же. С.369; *Валиханов Ч.Ч.* Сведения о войне кокандцев с Китаем в Кашгарии // Валиханов Ч.Ч. Сочинения.. Т.Ш. Алма-Ата. 1963. С.137.
24. *Губаева С.С.* Этнический состав населения Ферганской долины в конце XIX – начале XX в. (по данным топонимии). Ташкент, 1983. С.87.
25. Вести из экспедиции Б.Л. Громбчевского // ИРГО. Т.ХХV1 Вып.1. 1890. С.95.
26. *Кармышева Б.Х.* Очерки этнической истории южных районов Узбекистана и Таджикистана. М., 1976. С.204.
27. ЦГИА. Ф.1, оп.16, д.2363, л.59.
28. ЦГИА. Ф.1, оп. 16, д.2363. Л.60.
29. Западно-китайские народности в Фергане // ТС. Т.196. С. 117 – 118.
30. *Куропаткин А.Н.* Указ. соч. С.23.
31. Туркестанские ведомости . 1906.
32. Торговля в Ферганской области по данным “Статистического обзора Ферганской области за 1907 г.” // ТС. Т. 508. С. 143.
33. Неприятности из Кашгара. // ТС. Т.506. С.82 – 83.
34. Кашгарцы и паспортная система // ТВ. 1909 № 133.
35. Статистический обзор Ферганской области. 1913. Приложение 3.
36. Полевой материал автора.
37. О происхождении этой этнографической группы, этимологии названия писали: *Свен Гедин*. В сердце Азии. Памир – Тибет – Восточный Туркестан. Путешествие в 1893 – 1897 гг. Т.1. СПб., 1899. С.332 – 335; *Пржевальский Н. М.* От Кяхты на истоки Желтой реки. Исследование северной окраины Тибета и путь через Лобнор по бассейну Тарима. СПб., 1988. С. 488; *Певцов М.В.* Путешествие в Кашгарию и Кунь-Лунь. М., 1949. С.251; *Тенишев Э.Р.* Доланы и их язык. // Исследования по уйгурскому языку. Т.1. Алма-Ата. 1965. *Юдин В.П.* О родоплеменном составе моголов Моголистана и их этнических связях с казахскими и другими соседними народами // ИАН КазССР ООИ. Вып.3. Алма-Ата. 1965. С.62; *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. М., 1971. С.26, 29.
38. *Валиханов Ч.Ч.* Материалы и исследования... С. 222.
39. *Пржевальский Н.М.* Указ. соч. С.488; *Валиханов Ч.Ч.* Материалы и исследования... С. 389; *Юдин В.П.* Указ. соч. С.57; *Тенишев Э.Р.* Указ. соч. С.94.
40. *Захарова И.В.* Материальная культура... С.226 – 298.
41. *Садвакасов Г.С.* К вопросу о взаимоотношениях...
42. Статистический обзор Ферганской области. 1907. Приложение 2.
43. Обзорение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии // ЗРГО. III. 1849. С.228.
44. *Валиханов Ч.Ч.* Материалы и исследования... С. 222.
45. ЦГИА. Ф.23, оп. 1, д.532, л.231 а.
46. *Парфентьев В.А.* Селение Вуадиль // Ежегодник Ферганской области. Т.Ш. 1904. С.59.
47. Статистический обзор Ферганской области. 1907. Приложение 2.

48. Там же.
49. Там же.
50. Кушелевский В.И. Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области в 3-х томах Т.П. Новый Маргилан, 1891. С.155, 158.
51. Кушелевский В.И. Указ. соч. С. 156.
52. Троицкая А.Л. Из отчета о командировке в 1936 г. в национальные районы среднеазиатских республик. // СЭ. 1937. № 4; *Она же*. Abdol tili – арг-о цеха артистов и музыкантов Средней Азии. // Советское востоковедение. У. М., 1948; *Снесарев Г.П., Троицкая А.Л.* Среднеазиатские цыгане. // Народы Средней Азии и Казахстана. В 2-х тмах Т.П. М., 1963; Назаров Х.Х. Влияние Великой Октябрьской революции на положение и быт среднеазиатских цыган. Автореф. дисс-и канд. ист. наук. М., 1970; *Она же*. Современное этническое развитие среднеазиатских цыган (люли) // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М., 1980; *Оранский И.М.* Таджикоязычные этнографические группы Гиссарской долины (Средняя Азия). Этнолингвистическое исследование. М., 1983.
53. Кушелевский В.И. Указ. соч. С. 158.
54. *Наливкин В.П.* Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886. С.23; *Гейер И.И.* Весь Русский Туркестан. Ташкент, 1909. С.253. Вопрос об общности ага и ферганской группы среднеазиатских цыган пока не выяснен. Но в литературе имеются сведения о связи цыганообразных групп Средней Азии, в частности Ферганы, с территорией Индии и Восточного Туркестана (*Оранский И.М.* Указ. соч. С.25).
55. Слово *аяг / аяк* есть во многих тюркских языках. Одно из значений его “чаша, посуда” (*Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974. С.105). В Кашгарии так называли чаши средней величины (*Гедин Свен.* Указ. соч.. С.456)
56. Ср. с группами среднеазиатских цыган *тавоктараши* (мастер по выделыванию деревянной посуды) и *мазанг*, которые занимаются отчасти ювелирным ремеслом, отчасти мелочной торговлей (*Назаров Х.Х.* Влияние... С.9 – 10; *Кармышева Б.Х.* Очерки этнической истории ... С. 253 – 256.).
57. Троицкая А.Л. *Abdol-tili...* С. 273..
58. *Певцов М.В.* Указ. соч. С.112.
59. Там же.
60. Специальных работ по среднеазиатским евреям очень немного (*Радлов В.В.* Евреи в Самарканде // ИРГО. Т.У. Вып.6. 1869; *Амитин-Шапиро З.Л.* Очерки правового быта среднеазиатских евреев. Ташкент-Самарканд, 1931; *Амитин-Шапиро З.Л., Юабов И.М.* Национальные меньшинства Узбекистана. Ташкент, 1935; *Бабаханов М.* Социально-экономическое положение Северного Таджикистана накануне Октября (вопросы генезиса капитализма). Душанбе, 1970; Калонтаров Я.И. Среднеазиатские евреи // Народы Средней Азии и Казахстана в 2-х томах Т.П. Сведения о них имеются и в неспециальных работах, например, у В.П.Наливкина (*Наливкин В.П.* Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913. С.11 – 13), В.В.Бартольда (*Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана // Бартольд В.В. Сочинения в 9-ти томах Т. П Ч.1. М., 1963. С.374 – 375) и др.
61. Исторические сведения о времени поселения среднеазиатских евреев в Средней Азии и позднейших их миграциях приведены В.П.Наливкиным (*Наливкин В.П.* Туземцы... С.12), Я.И.Калонтаровым (*Калонтаров Я.И.* Указ. соч. С.611 – 614).
62. ЦГИА. Ф.23, оп.1, д.415, лл. 1 – 17; ЦГВИА. Ф.400, оп.1, д.3606, лл. 2 – 6.
63. ЦГВИА. Ф.400, оп. 1, д. 1471, л.202.
64. *Наливкин В.П.* Туземцы... С.12; ЦГВИА. Ф.400, оп. 1, д.1471, лл.80 – 90.
65. ЦГИА. Ф.17, оп.1, д.10437, л.1.
66. Там же.
67. *Наливкин В.П.* Туземцы... С.13.
68. *Кирснер А.* Бухарские евреи // ТВ. 1909, №№ 25 – 28.
69. ЦГВИА Ф.400. Оп. 1, д.1471, л.126.
70. Там же. Л.144.
71. Там же. Л.143.
72. *Кирснер А.* Указ. соч.
73. *Амитин-Шапиро З.Л.* Указ. соч. С.19.
74. ЦГВИА. Ф.400, оп.1, д.3606, л.7.
75. ЦГВИА. Ф.400, оп.1. д.1471, л.14; ЦГИА. Ф.298, оп.1, д.116, лл. 6,8,21.
76. ЦГВИА. Ф.400, оп.1, д.4211, л.1.

77. *Кирснер А.* Указ. соч.
78. ЦГИА. Ф.17, т. оп. 1, д.1380, л.1.
79. ЦГВИА. Ф.400, оп.1., д.2452, л.3.
80. ЦГВИА. Ф.400, оп.1, д.3745, лл. 4,17.
81. ЦГВИА. Ф.400, оп.1, д.2187, л.3.
82. ЦГВИА Ф.400, оп.1, д.4211, лл. 1,10,11.
83. ЦГВИА. Ф.400, оп.1, д.1471, лл.80 – 90; д.4262, л.64; д.2083, л.5.
84. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К.Паленом. Ч.П, отд. 1. Таблицы. СПб., 1911. С. 11.
85. *Калонтаров Я.И.* Указ. соч. С.630.
86. Техника окрашивания пряжи в синий цвет холодным способом описана С.С. Андроновым (Современный кишлак Средней Азии. Т.УП. М., 1927. С.118).
87. *Наливкин В., Наливкина М.* Очерк быта женщин туземного оседлого населения Ферганской долины. Казань, 1886. С.126 – 127.
88. ЦГВИА. Ф.400, оп.1, д.1471, л.153;
89. ЦГВИА. Ф.400, оп.1 д.1190, л.2; д.1471, л.153; ЦГИА. Ф.19, оп.1, д.8847, лл.1 -3; Ф.23, оп.1, д.1095, лл.13, 13 а.
90. ЦГВИА. Ф.400, оп.1, д.1190, л.2.
91. Миддендорф *А.Ф.* Очерки Ферганской долины. СПб.,1882. Прибавление У.
92. ЦГИА, ф.1., оп.1, д. 573, лл. 60 – 61.
93. ЦГВИА. Ф.400. оп.1, д.2185, лл.8 – 9.
94. Полевой материал автора.
95. ЦГВИА. Ф.400, оп.1, д.838, л.22.
96. ЦГВИА. Ф.400, оп. 1, д. 3886, л.22.
97. *Фомченко А.П.* Русские переселения в Туркестанском крае. Ташкент, 1983.
98. ЦГВИА. Ф.400, оп.1, д.3237, л. 6.
99. *Гаврилов Н.* Переселенческое дело в Туркестанском крае (области Сырдарьинская, Самаркандская и Ферганская). Отчет по служебной поездке в Туркестан осенью 1910 г. чиновника особых поручений при Переселенческом управлении. СПб., 1911. С.146. Причины, ход и поражение Андижанского восстания рассмотрены в ряде работ: *Федоров Е.* Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии. Ташкент, 1925; *Сальков В.П.* Андижанское восстание в 1898 г. Казань, 1901; История Узбекской ССР в 4-х томах Т.Ш. Ташкент, 1968.
100. О русских поселениях в Кетмень-Тюбе // ТВ. 1910, № 49.
101. *Гаврилов Н.* Указ. соч. С.124.
102. *Касаткин А.* Переселенческое дело в Ферганской области. К истории возникновения русских поселков в Фергане. // Ферганские областные ведомости. Скобелев, 1907. №№92,95,99.
103. ЦГИА. Ф.16, оп.1, д.35, лл. 3,5 7; *Касаткин А.* Указ. соч. ; *Кузнецов.* Из колонизации Туркестана. // ТС. Т.523. С.155.
104. ЦГВИА. Ф.400. оп.1, д.4260, л.136.
105. Там же. Д.4262, л.17.
106. ЦГИА. Ф.Ор.18, д.118, л.114.
107. *Жемчужников Н.Н.* Движение на Восток. М., 1927. С.41.
108. *Гаврилов Н.* Указ. соч. С.120; Колонизация Ферганской области // ТВ. 1910. № 252.
109. ЦГИА. Ф.7, оп.1, д.110, лл.4 – 7; Ф.1 оп.11, д.573. лл.92 – 94; Несколько слов к вопросу об устройстве в местности Кетмень-Тюбе Наманганского уезда Ферганской области русского поселка // ТВ. 1910. № 49; *Яшинов.* Колонизация Туркестана за последние годы // Вопросы колонизации. П. 1916, № 8. С.108.
110. ЦГИА. Ф.1. оп.11, д.573, лл. 92 – 94.
111. ЦГВИА. Ф.400, оп.1, д.2228, лл.4, 6, 20, 24, 206, 208.
112. Материалы к характеристике народного хозяйства...Ч.П, отд.1. С.27
113. ЦГВИА. Ф.400, оп.1, д.3190, л.1.
114. Там же. Д.4471, лл.132 – 293; д.4472, л.471.
115. Там же. Д.4472, л.620.
116. Там же.
117. Там же. Д.4471, л.131.

118. *Бартольд В.В.* История культурной жизни... С.343.
119. *Остроумов Н.П.* Сарты. Этнографические материалы. Вып.1. Ташкент. 1890. С. 66 – 67; *Бартольд В.В.* История культурной жизни... С.346.
120. ЦГВИА. Ф.400, оп.1, д.3237, л.6.
121. *Бартольд В.В.* История культурной жизни... С.332.
122. Статистический обзор Ферганской области, 1908. Приложение 2.
123. Там же.
124. *Масальский В.И.* Туркестанский край. СПб., 1913. С.438, 501, 558; *Тимаев.* Ферганской пчеловодство. // ТС. Т.508. С.135 – 136; ЦГВИА. Ф.400, оп.1, д.3237, л.6.
125. ЦГВИА. Ф.400, оп.1, д.95/289, лл. 86 – 87.
126. *Масальский В.И.* Указ. соч. С.450, 501, 558.; *Ситняковский Н.Ф.* Перечисление некоторых родов киргиз, обитающих в восточной части Ферганской области // ИТОРГО. Вып.1. Ч.П, 1900.
127. *Гаврилов Н.* Указ. соч. С.202.
128. Несколько слов к вопросу об устройстве....
129. Статистический обзор Ферганской области. 1908. С.23.
130. Материалы к характеристике народного хозяйства... Ч.1. отд.1. 1911.
131. ЦГВИА. Ф.400, оп.1, д.4365, л.3.
132. *Бартольд В.В.* История культурной жизни... С. 333.
133. Современный кишлак Средней Азии. Т.УП. М., 1927. С.133, 139.
134. *Бушуев М.* По хлопковым районам Туркестана. Ташкент. 1913. С. 17, 25, 30, 34.
135. Полевой материал автора.
136. Полевой материал автора.
137. Полевой материал автора.
138. *Масальский В.И.* Указ. соч. С. 420.
139. Материалы к характеристике народного хозяйства... Ч. 1, отд.1. С. 58.
140. *Литвинский Б.А.* Страницы из истории этнографического изучения Средней Азии // Этнография Таджикистана. Сборник статей. Душанбе, 1985. С. 132.
141. *Лунин Б.В.* Историография общественных наук в Узбекистане . Био-библиографические очерки. Ташкент, 1974. С. 146.
142. Там же. С. 177.
143. Полевой материал автора.
144. *Лунин Б.В.* Указ. соч. С. 247 – 258.
145. *Лунин Б.В.* Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность (конец XIX – начало XX в.) Ташкент, 1962. С. 180 – 197.
146. *Иенатов П.* Подвиг врача // Ферганская правда. 1987, 2 декабря.
147. Полевой материал автора.
148. *Граменицкий С.* Очерк развития народного образования в Туркестанском крае. Ташкент, 1896. С. 86.
149. *Граменицкий С.* Указ. соч. С. 44; История народов Узбекистана в 2-х томах Т.П. Ташкент, 1947. С. 329.
150. *Граменицкий С.* Указ. соч. С. 44.
151. *Писарчик А.К.* Михаил Степанович Андреев. (1873 – 1948) // Памяти Михаила Степановича Андреева. Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии. Сталинабад, 1960. С.3 – 10.
152. *Лунин Б.В.* Научные общества Туркестана... С. 133.
153. Там же. С. 247.
154. Там же. С. 84.
155. *Султанов Ю.* Автобиография Хамзы. // Звезда Востока. Ташкент, 1963. № 3. С.150.
156. *Лунин Б.В.* Био-библиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана. В 2-х томах. Т.П. Ташкент, 1977. С.53.
157. История Узбекской ССР. Т.3. Ташкент, 1968. С. 414 – 431.
158. ЦГВИА. Ф.400, оп.1, д.1038, л.34.
159. Статистический обзор Ферганской области. 1907. Приложение 2.
160. Статистический обзор Ферганской области. 1913. Приложение 2.
161. ЦГИА. Ф.17, оп.1, д.9723, л.1.
162. ЦГВИА. Ф.400, оп.1, д.2865, л.8.
163. Там же; ЦГИА, ф.17, оп.1, д.9723 л.1; ф.19, оп.1, д.838, лл.20-54; Полевой материал автора.

164. Статистический обзор Ферганской области. 1907. Приложение 2.
165. ЦГВИА. Ф.400, оп.1, д.270, л.1
166. ЦГИА. Ф.17, оп.1, д.14997, л.13; д.10554, л.7.
167. ЦГВИА. Ф.400, оп.1, д.2865, лл. 1, 4 – 9, 15, 16.
168. ЦГВИА. Ф.400, оп.1, д. 1470, л.172; ЦГИА. Ф.17, оп.1, дд.10554 – 10590; д.14997, л.3,4, 13, 33.
169. ЦГИА. Ф.17, оп.1, д.9723; ф.23 оп.2, д.415, л.18.
170. ЦГВИА. Ф.400, оп.1, д.1470, л.172; *Костенко Л.* Туркестанский край. Т.1. СПб., 1880. С.38.
171. ЦГИА, Ф.17, оп.1, д.14997, л.3.
172. ЦГИА. Ф.17, оп.1, д.9723, л.1; ф.19, оп.1, д.838, лл. 20 – 54; Полевой материал автора.
173. *Миддендорф А.Ф.* Указ. соч. С.403.
174. *Терентьев.* Статистические очерки Среднеазиатской России. Очерк 3. Кураминский уезд. // ЗИРГООС. Т.4. 1874. С.103.
175. *Миддендорф А.Ф.* Указ. соч. С.403.
176. *Умняков И.И.* К истории новометодной школы в Бухаре. Ташкент, 1927. С.81.
177. О джадидизме и противоречивом характере этого движения см.: *Умняков И.И.* Указ. соч. С. 81 – 95; *Ходжаев Ф.* Джадидизм // *Ходжаев Ф.* Избранные труды в 3-х томах Т.1. Ташкент, 1970. С. 76 – 194; *Раджабов З.* Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во 2-й половине XIX – начале XX в. Сталинабад, 1957. С. 383 – 436; *Вахабов М. Г.* Формирование узбекской социалистической нации. Ташкент, 1965. С. 234 – 235
178. *Умняков И.И.* Указ. соч. С. 82.
179. Статистический обзор Ферганской области. 1908. С. 172.
180. Там же.
181. *Бартольд В.В.* История культурной жизни... С. 312.
182. *Умняков И.И.* Указ. соч. С. 86 – 87.
183. Там же. С. 90.
184. Статистический обзор Ферганской области. 1908. С. 172; *Бартольд В.В.* Очерк истории Семиречья. // *Бартольд В.В.* Сочинения в 9-ти тт. Т.П. Ч.1. М., 1963. С. 310 – 311.
185. Статистический обзор Ферганской области. 1908. С. 173.
186. *Вахабов М.Г.* Указ. соч. С. 111.
187. *Бартольд В.В.* История культурной жизни... С. 297.
188. Там же. С. 308.
189. *Граменицкий С.* Указ. соч. С. 25; *Бобровников Н.А.* Современное положение учебного дела у инородческих племен восточной России. Пг., 1917. С. 26, 28; *Бартольд В.В.* История культурной жизни... С. 309.
190. *Бобровников Н.А.* Указ. соч. С. 26.
191. *Бобровников Н.А.* Русско-туземные училища, мектебы и медресе в Средней Азии. Отд. отд. СПб., 1913. С. 61.
192. *Бобровников Н.А.* Современное положение учебного дела... С. 26.
193. *Султанов Ю.* Указ. соч. С. 150.
194. Там же. С. 151.
195. *Бобровников Н.А.* Современное положение учебного дела.. С. 26.
196. *Бартольд В.В.* История культурной жизни... С. 313.
197. Там же. С. 340.
198. *Ходжаев Ф.* Указ. соч. С. 77.
199. Подробнее о прогрессивных целях джадидов см.: *Умняков И.И.* Указ. соч. С. 87 и др.; *Ходжаев Ф.* Указ. соч.
200. *Кауфман К.П.* Начальное народное образование в Туркестанском крае 1881 г. СПб., 1910. С. 14.
201. *Бартольд В.В.* История культурной жизни... С. 310.
202. Там же. С. 340.
203. *Сухарева О.А.* История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX – начало XX в.). М., 1982. С. 26.
204. *Бижжанова М.А.* Одежда узбеков Ташкента XIX – начала XX в. // *Костюм народов Средней Азии (историко-этнографические очерки)*, М., 1979. С. 134; *Сухарева О.А.* История среднеазиатского костюма... С. 26.
205. *Сухарева О.А.* История среднеазиатского костюма... С. 53, 66, 67.

206. О вхождении в моду татарского воротника (отложного) в конце XIX в. писали, в частности, супруги Наливкины (*Наливкин В., Наливкина М.* Указ. соч. С. 95).
207. *Бикжанова М.А.* Одежда узбечек... С. 134; *Сухарева О.А.* История среднеазиатского костюма... С. 56; Полевой материал автора.
208. *Бартольд В.В.* Очерк истории Семиречья... С. 278.
209. *Васильев Н.* Ташкентские татары, их браки, разводы, рождения, смертность (статистико-бытовой очерк) // СМСД Ташкент, 1891. С. 93 – 94.
210. Там же С. 99.
211. Там же.
212. *Жданко Т.А.* Этнические общности и этнические процессы в дореволюционной России. // Современные этнические процессы в СССР. М., 1977. С. 59.
213. ЦГИА. Ф.17, оп.1, д.14997, л.3.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в Ферганской долине, одном из древних оазисов Средней Азии, в течение веков жили бок о бок самые разные народы. Всех их объединяла не только общая территория, но и общие исторические судьбы. Много факторов способствовало тому, чтобы на этой небольшой территории день ото дня формировались и крепились, в первую очередь, добрые взаимоотношения между народами, хотя, несомненно, было и немало факторов, препятствовавших этому. О том, что во все времена преобладали все-таки процессы интеграции, свидетельствует наличие, например, общеферганской культуры (общеферганского типа жилища, одежды, пищи, обычаев и т.д.), которая впитала в себя элементы культуры почти всех народов, живших в течение веков на этой территории.

С присоединением Кокандского ханства к России эти процессы объединительного характера даже усилились. Ферганская долина раньше других районов Русского Туркестана была вовлечена в орбиту капиталистических отношений. Более ускоренное развитие производительных сил края и превращение долины в короткий срок в источник хлопкового сырья способствовали переходу полунатурального хозяйства, которое существовало при кокандских ханах, в товарно-денежное. Все увеличивающаяся зависимость населения от рынка раздвигала рамки общения, повышала межэтнические контакты. Расширяются и интерлокальные связи ферганских базаров.

Возрастает подвижность населения. Миграции, внутренние и внешние, принудительные и добровольные, стихийные и организованные, вели не только к еще большей этнической пестроте, но, что даже более существенно, к еще большей чересполосице. Это разрывало старые моноэтнические связи и увеличивало межэтнические контакты, особенно в городах и городках.

Этнические процессы в Фергане конца XIX – начала XX в., как и на других территориях в период становления капитализма, характеризовались двойственностью и противоречивостью. С одной стороны, у разных народов

усиливаются собственно этнические аспекты, пробуждается национальное самосознание. С другой – шел процесс более интенсивного взаимодействия культур и постепенной интернационализации элементов материальной и духовной культуры. С одной стороны, широко развернулись процессы объединительного характера: консолидационные, ассимиляционные, интеграционные. С другой – существовало еще немало факторов, которые играли дезинтегрирующую роль и вело к обособлению народов и их частей.

Две крупные народности, узбеки и таджики, вступили на путь национальной консолидации. Зачатки этого процесса появились и у кыргызов. Причем именно в Фергане, в силу целого ряда факторов, этот процесс начался раньше и шел интенсивнее, чем в других регионах Средней Азии. Процесс консолидации этих народностей сопровождался и поглощением ими отдельных представителей малочисленных этнических групп. Так, узбеки вобрали в себя часть уйгуров, калмаков, казахов, кыргызов, арабов, цыган. Отдельные представители узбеков и горных таджиков слились с кыргызами.

Активизировались и интеграционные процессы. Все большее общественное разделение труда сопровождалось ростом необходимости покупать очень многие необходимые вещи на рынке: орудия производства, ткани, одежду, обувь и т.д. Все большее обеднение ферганцев приводило к оседанию скотоводов (а это полностью меняло жизнь и быт недавнего полукочевника) и распространению среди земледельцев отходничества. А это вело к постепенной унификации материальной культуры: жилища, домашней утвари, орудий производства, одежды, пищи. Появление же значительного количества дешевых промышленных товаров из России приводит к тому, что все больше элементы традиционной культуры заменяются инновациями интернационального характера. Широко распространяется дву- и даже трехязычие. Заимствуются элементы духовной культуры, появляются смешанные браки.

Течение процессов объединительного характера не было гладким и беспрепятственным. Существовало немало факторов, ведущих к сохранению

обособленности этносов, этнографических и родоплеменных групп. В первую очередь, к этим факторам следует отнести разные типы хозяйства у полукочевых и издавна оседлых народов Ферганы, хотя между теми и другими существовали давние межхозяйственные связи, хотя те и другие практически были двумя взаимосвязанными компонентами единого комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства Ферганы (как и Средней Азии вообще). Самосознание на уровне хозяйственно-культурных типов было в этот период еще очень сильным.

Экономический фактор во все времена лежал в основе как сближения народов, так и разобщения их. Превращение Ферганы в район монокультуры хлопка и связанное с этим сокращение посевных земель, выгонов, пастбищ приводило к бесконечным конфликтам, тяжбам и даже столкновениям из-за них не только между отдельными лицами, но и между целыми этническими группами. Неравномерность социально-экономического развития народов Ферганы, сохранение патриархально-феодалных отношений, наличие сословных групп также отнюдь не способствовали консолидации.

Фергана была краем относительного конфессионального единства. Почти все ее коренные жители были мусульманами-суннитами, хотя, как мы уже видели, и в этой области не было полного взаимопонимания между полукочевниками и оседлыми жителями края. Объясняется это, видимо, и тем (помимо указанной выше принадлежности этих групп к различным хозяйственно-культурным типам), что мусульманство везде и всюду накладывалось на прежние верования, а они у оседлых и кочевых народов не были едиными. Это приводило к определенным трениям. Разная же религиозная принадлежность была серьезным препятствием в сближении разных этнических групп.

Так, материальная и духовная культура среднеазиатских евреев мало чем отличалась от материальной и духовной культуры таджиков и узбеков-сартов. Но разные религиозные воззрения были существенным моментом в отчуждении этого народа от таджиков и узбеков. Определенный барьер

существовал и между ферганскими мусульманами-суннитами и персами (иранцами), прибывшими в Фергану на заработки, которые были шиитами, а также рушанцами, ваханцами, ишкашимцами, шугнанцами, которые были исмаилитами.

Появление в Фергане после присоединения ее к России значительного числа христиан еще больше усложнило конфессиональную ситуацию в этом крае. Особенно сказалась на усилении религиозной розни дискриминационная политика царской администрации по отношению к некоренным народам “нехристианского” происхождения. В первую очередь, эта политика коснулась среднеазиатских евреев, татар, башкир., которых в крае было не так уж и много, но деятельность которых составляла для царской администрации серьезную конкуренцию.

Разные языки у народов Ферганы также мешали интеграционным процессам. Так, узбеки и таджики Ферганы имели много общего в происхождении, этнической истории, материальной и духовной культуре, исповедовали единую религию. Но разные языки ограничивали процессы сближения между этими народами.

Очень важной причиной, мешавшей ассимиляции, было ярко выраженное самосознание. Именно оно не давало отдельным группам таджиков, татар слиться с узбеками в районах численного превосходства последних и при наличии многих факторов, которые, казалось бы, должны были способствовать этому процессу.

И, наконец, следует помнить и о том, что все население Ферганской долины было в основном сельским (как и в любом феодальном обществе). А, как известно, именно в сельской местности этнические процессы протекают с меньшей степенью интенсивности. И потому процессы объединительного характера не могли быть очень активными.

Но естественные и неотвратимые процессы формирования наций и сближения народов продолжались. При этом материальная и духовная культура каждого из них не нивелировалась до полного обезличивания, а обогащалась за

счет проникновения элементов культуры соседних народов. Обогащались формы ведения хозяйства, обогащались обычаи и традиции, обогащались языки, оставаясь при этом сугубо национальными.

Несмотря на то, что межэтнические отношения в Ферганской долине не всегда были позитивными, все народы, даже самые малочисленные, этого многонационального края в целом были нужны друг другу, все они были глубоко взаимосвязаны. Каждый из них принимал участие в сложившемся здесь внутрихозяйственном обмене, каждый из них имел свое место в социально-экономической жизни долины. Этнические различия не мешали ценить друг в друге трудолюбие, истинное мастерство, бескорыстие. Это были ростки истинного интернационализма, способные поднять представителей всех этнических групп выше национальной розни.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВА – Вопросы антропологии. М.
- ВИРГО – Вестник Императорского русского географического общества. СПб
- ВЯ – Вопросы языкознания. М.
- ВФ – Вопросы философии. М.
- ЗИВ – Записки Института востоковедения. М.- Л.
- ЗИРГО – Записки Императорского русского географического общества. СПб.
- ЗИРГООС – Записки Императорского русского географического общества по отделению статистики. СПб.
- ЗРГО – Записки русского географического общества. СПб.
- ИАН КазССР – Известия Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата.
- ИАН ТаджССР – Известия Академии наук Таджикской ССР. Сталинабад – Душанбе.
- ИАН КиргССР – Известия Академии наук Киргизской ССР. Фрунзе.
- ИРГО – Известия Русского географического общества. СПб.
- ИТОРГО – Известия Туркестанского отделения Русского географического общества. Ташкент.
- ИТФ АН СССР – Известия Таджикского филиала Академии наук СССР. Сталинабад – Душанбе.
- КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М.
- МКАЭН – Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М.
- МСТК – Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. СПб.
- ООН – Отделение общественных наук.
- РГО – Русское географическое общество.
- СМА – Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб.
- СМАЭ – Сборник Музея антропологии и этнографии. Л.
- СМСД – Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области. Ташкент.
- СРТ – Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу политехнической выставки. М.
- СЭ – Советская этнография. М. – Л.
- СЭС – Среднеазиатский этнографический сборник. М.
- ТВ – Туркестанские ведомости. Ташкент.
- ТГИМ – Труды государственного исторического музея. М.
- ТИВ – Труды Института востоковедения. М.
- ТИИАЭ – Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР. Сталинабад – Душанбе.
- ТИЭ – Труды Института этнографии АН СССР. М.
- ТКАЭЭ – Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Фрунзе..
- ТС – Туркестанский сборник. Ташкент.
- ТСАГУ – Труды Среднеазиатского государственного университета. Ташкент.
- ТСАМГУ – Труды Самаркандского государственного университета. Самарканд.

ТСХ – Туркестанское сельское хозяйство. Ташкент.

ТГУ – Труды Ташкентского государственного университета. Ташкент.

ПТКЛА – Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент.

ЦГВИА – Центральный государственный военно-исторический архив. М.

ЦГИА – Центральный государственный исторический архив. Ташкент.

MoreBooks!
publishing

yes i want morebooks!

Покупайте Ваши книги быстро и без посредников он-лайн – в одном из самых быстрорастущих книжных он-лайн магазинов! окружающей среде благодаря технологии Печати-на-Заказ.

Покупайте Ваши книги на
www.more-books.ru

Buy your books fast and straightforward online - at one of world's fastest growing online book stores! Environmentally sound due to Print-on-Demand technologies.

Buy your books online at
www.get-morebooks.com

VDM Verlagsservicegesellschaft mbH

Heinrich-Böcking-Str. 6-8
D - 66121 Saarbrücken

Telefon: +49 681 3720 174
Telefax: +49 681 3720 1749

info@vdm-vsg.de
www.vdm-vsg.de

